

ВЕК ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ISSN 1994–9065

3(43)
2022

ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ ПРИ СОДЕЙСТВИИ
РОССИЙСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ (РЭА)
ФАКУЛЬТЕТА ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ МГУ имени М. В. Ломоносова
РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА (РФО)

Выходит 4 раза в год

Издается с 2008 г.

Редакционная коллегия:

Шеф-редактор

Л. Е. Гринин, *д.ф.н., г.н.с.*

Главный редактор

А. Н. Чумаков, *д.ф.н., проф.*

Алешковский И. А., *к.э.н., доц. (Россия)*; Ивахнюк И. В., *д.э.н., проф. (Россия)*; Калачёв Б. Ф., *к.ю.н. (Россия)*; Калининченко П. А., *д.ю.н., проф. (Россия)*; Кацура А. В., *к.ф.н. (Россия)*; Кефели И. Ф., *д.ф.н., проф. (Россия)*; Мамедов Н. М., *д.ф.н., проф. (Россия)*; Махаматов Т. М., *д.ф.н., проф.*; Митрофанова А. В., *д. полит. н., проф. (Россия)*; Режабек Б. Г., *к.б.н. (Россия)*; Рыбальский Н. Г., *д.б.н., проф. (Россия)*; Снакин В. В., *д.б.н., проф. (Россия)*; Стычинский М. С., *к.ф.н. (Россия)*; Шестова Т. Л., *д.ф.н., проф. (Россия)*.

Международный редакционный совет:

Абылгазиев И. И., *д.и.н., проф. (Россия)*; Акаев А. А., *д. физ.-мат. н., акад. РАН (Киргизия)*; Ань Цинянь, *Ph.D., Prof. (Китай)*; Ближковский П., *Dr.Sc. (Бельгия)*; Вебер А. Б., *д.и.н., г.н.с. (Россия)*; Грачев В. А., *д.т.н., чл.-корр. РАН (Москва)*; Гэй У., *Ph.D., Prof. (США)*; Данилов-Данильян В. И., *д.э.н., чл.-корр. РАН (Россия)*; Дафферн Т., *Ph.D. (Великобритания)*; Ильин И. В., *д. полит. н., проф. (Россия)*; Иноземцев В. Л., *д.э.н. (Россия)*; Киш Э., *PhD, Prof. (Венгрия)*; Коротаяев А. В., *д.и.н., проф. (Россия)*; Кучуради И., *Ph.D., Prof. (Турция)*; Лисеев И. К., *д.ф.н., проф. (Россия)*; Мазур И. И., *д.т.н., проф. (Россия)*; Сабден О. С., *д.э.н. (Казахстан)*; Сергеев М. Ю., *Ph.D., Prof. (США)*; Теймури В., *Ph.D, Prof. (Иран)*; Хасбулатов Р. И., *д.э.н., чл.-корр. РАН (Россия)*.

Адрес редакции:

119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13А,

МГУ, факультет глобальных процессов.

Тел.: 8(495) 939-43-23. E-mail: chumakov5@yandex.ru

УЧРЕДИТЕЛЬ – ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЧИТЕЛЬ»

Адрес издательства:

400079, г. Волгоград, ул. Кирова, 143.

Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.

E-mail: peruch@mail.ru. Сайт: www.socionauki.ru

DOI: 10.30884/vglob/2022.03.00

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ

Чумаков А. Н. Глобализация как катализатор развития и упадка империй 3

Ильин В. В. Глобальный миропорядок: живое и отжившее – контуры предстояния 18

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Шарков Ф. И. Ноосферная парадигма глобализации политического медиапространства 33

Немцев В. И. Два толчка глобализации после Второй мировой войны 45

Косиченко А. Г. Глобализация будущего 59

В МИРЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Бабурин О. Н., Кондратьев С. И., Кузнецова Г. В. Мегатренды развития морского транспорта 72

Бабушок Н. О. Идейные основания внешней политики США 87

Ван Синь, Чао Бинцин. «Мягкая сила» во внешней политике Китая при решении глобальных проблем современности 97

ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ ГЛОБАЛИСТИКИ

Силласте Г. Г. Мировой гендерный ландшафт и страновой гендерный порядок в условиях глобальной трансформации социальных систем 112

Алиева К. Билингвизм: история и современность 132

ЮБИЛЕИ

Эндре Кишу – 75 лет 140

IN MEMORIAM

Роланд Робертсон (07.08.1938 – 29.04.2022) 142

ТЕОРИЯ

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК КАТАЛИЗАТОР РАЗВИТИЯ И УПАДКА ИМПЕРИЙ

Чумаков А. Н.*

В статье рассматривается проблема общественного прогресса в контексте таких ступеней его исторического развития, как дикость – варварство – цивилизация. Сравнительный анализ этих форм устройства человеческой жизни приводит автора к выводу, что все еще имеющие место в современном мире варварство и даже рудименты дикости делают особо актуальной задачу перехода к цивилизованному человечеству, которому нет альтернативы. При этом в центре внимания оказываются различные системы организации общественной жизни, среди которых особое место занимают империи как наиболее крупные общественные системы, построенные на принципах централизации и авторитаризма. Показано, как разнообразие изначально континентальных империй с эпохи Великих географических открытий дополняется империями морскими (колониальными), которые в условиях начавшейся глобализации получают мощный импульс для своего развития. Затем под влиянием многоаспектной глобализации, ставшей отличительной чертой XX в., империи перестали соответствовать требованиям изменившегося времени. Новый этап общественного и научно-технического прогресса в условиях глобальных перемен не оставил им места для существования. Такая форма организации общественной жизни оказалась неэффективной в конфигурации глобального мира и, более того, вступила с ним в острую фазу антагонистических противоречий.

Ключевые слова: историческое развитие, общественный прогресс, социальная система, империя, глобальный мир, глобализация, государство, сетевое управление.

GLOBALIZATION AS A CATALYST OF EMPIRES' RISE AND FALL

The article considers the problem of social progress in the context of such stages of its historical development as savagery – barbarism – civilization. A comparative analysis of these forms of human life leads the author to the conclusion that the barbarism and even rudiments of savagery that still exist in the modern world make the transition to a civilized humanity, which has no alternative, partic-

* Чумаков Александр Николаевич – д. ф. н., профессор факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: chumakov5@yandex.ru.

Alexandr N. Chumakov – Dr. Phil., Professor of the Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow State University. E-mail: chumakov5@yandex.ru.

ularly urgent. At the same time, various systems of organizing social life, among which empires occupy a special place as the largest social systems built on the principles of centralization and authoritarianism, are in the spotlight. It is shown how the diversity of initially continental empires since the Age of Exploration has been supplemented by maritime (colonial) empires, which, in the context of globalization that has begun, receive a powerful impetus for their development. Then, under the influence of multidimensional globalization, which became the hallmark of the 20th century, empires no longer corresponded to the requirements of the changed times. A new stage of social and scientific and technological progress in the conditions of global changes has not left them a place to exist. This form of public life organization turned out to be ineffective in the configuration of the global world and, moreover, entered into an acute phase of antagonistic contradictions with it.

Keywords: historical development, social progress, social system, empire, global world, globalization, state, network management.

Охватывая мысленным взором историю общественного развития от глубокой древности до настоящего времени, трудно не согласиться с тем, что эта динамика сопряжена с перманентной трансформацией изначально примитивных, предельно простых форм организации социальной жизни во все более сложные и совершенные структуры. Так, с переходом от состояния «войны всех против всех» к появлению «Левифана», то есть государства, как об этом рассуждал Т. Гоббс [2001], разнообразие тем или иным образом организованных социальных систем со временем только множилось. И к середине 1-го тысячелетия до н. э. это множество как по форме, так и по содержанию уже не поддавалось точному исчислению и определялось в зависимости от критериев, по которым выделялись такие системы. Достаточно сослаться в этой связи на Лао-цзы, Конфуция, Платона или Аристотеля, чтобы понять, какое важное место данная тема занимала в системе рационального знания уже на заре его становления [Древнекитайская... 1972: 119–120]. Дальнейший ход исторического развития представлен еще более сложным калейдоскопом разнообразных общественных систем, которые можно классифицировать по различным основаниям. Например, по форме это – *царства, королевства, княжества, султанаты, ханства, каганаты, халифаты, федерации, конфедерации, доминионы, протектораты, унии, империи, анклавы, автономные территории, национальные государства, союзы, блоки* и т. п. По содержанию это может быть *монархия, олигархия, аристократия, меритократия, ноократия, самодержавие, деспотия, диктатура, тирания, тимократия, полития, автократия, теократия, плутократия, анархия, охлократия, клеттократия, бюрократия, технократия, демократия, республика* и т. п.

Итак, тема развития общества и личности была предметом специального внимания как минимум уже с начала развития философии, исчерпывающие доказательства чего содержатся в многочисленных текстах не только уже упомянутых философов, но и многих других мыслителей Древней Индии, Древнего Китая, Древней Греции [Антология... 1969]. Однако то были в основном представления о повторяемости, цикличности, «круговороте» истории, проецируемой, как правило, на отдельные государства или регионы, но не более чем на соответствующую ойкумену, рамками которой и ограничивалось тогда представление о населенном людьми пространстве. Осознание же того факта, что все люди так или

иначе включены в единый мировой процесс, который развивается динамично и поступательно, в полной мере обнаруживается только с Нового времени, когда практически заканчиваются Великие географические открытия и достаточно четко вырисовываются контуры обитаемого глобального мира. Именно тогда в философии эпохи Просвещения появляется идея общественного прогресса, в соответствии с которой в обществе происходят необратимые изменения по мере перехода его от старого к новому, от менее совершенных к более совершенным формам организации человеческой жизни. Тогда же появляются и противоположные точки зрения, оценивающие общественное развитие в целом как регресс. Данная проблематика стала предметом особого внимания для многих философов, ученых, общественных деятелей, среди которых, несомненно, выделяются: Ж. Кондорсе, А. Фергюсон, Р. Оуэн, Ж.-Ж. Руссо, Вольтер, Д. Вико, И. Г. Гердер, И. Кант, Г. В. Ф. Гегель, К. Маркс, Ф. Энгельс, Л. Морган [Новая... 2001: 358–359] и др.

В итоге общественная мысль обогатилась множеством различных теорий и периодизаций исторического развития, среди которых широкую известность получили типологии, исходящие из духовного развития общества Г. В. Ф. Гегеля, О. Конта; формационная концепция К. Маркса и Ф. Энгельса; цивилизационные и культурологические теории Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби; стадии экономического роста У. У. Ростоу; теория модернизации Д. Белла и др. Все они, в зависимости от конкретных целей и задач исследования, представляют тот или иной интерес, поскольку затрагивают разные стороны и особенности поступательного общественного развития. Однако с точки зрения влияния глобализации на исторический процесс особого внимания заслуживает такое понимание общественного прогресса, когда он воспринимается как переход от *дикости* через *варварство* к *цивилизации*. Важно отметить в этой связи, что именно глобальные путешествия и открытия новых территорий дали европейцам богатый фактический материал для сравнения своей культуры с культурами неведомых прежде стран и народов.

Так, для описания жизни первобытных людей и в целом диких народов шотландский философ А. Фергюсон в 1767 г. впервые употребил термин «дикость» именно в таком значении [Ferguson 1782]. Затем в 1877 г. была опубликована ставшая впоследствии знаменитой работа американского этнографа Л. Моргана «Древнее общество», где он утверждал, что все народы (по тем или иным причинам в разное время) проходят через три ступени своего развития: дикость, варварство и цивилизация [Морган 1935]. В этом контексте понятие «варварство», имеющее греческие корни и изначально относившееся к чужеземцам, которые говорили на непонятном языке и были чужды греческой культуре, хотя и противопоставлялось дикости как более высокая ступень общественного развития, тем не менее, было синонимом невежественных, грубых, жестоких людей, разрушителей культурных ценностей. Зато следующий этап исторического прогресса, как полагал Морган, а также просветители XVIII в., принципиально отличается от варварства, поскольку характеризуется смягчением нравов, верховенством закона и признанием равноправия всех людей. Для обозначения этого качественно нового состояния общества маркизом де Мирабо в 1757 г. был предложен термин «цивилизация» (от лат. *civilis* – гражданский, правовой, государственный), который, по существу, стал дополнением к появившемуся еще в Древнем Риме понятию «культура», поскольку выражал особый тип культуры отношений, основанных

на гуманистических принципах эпохи Просвещения. Прогрессистские и цивилизационные идеи о том, что отдельные общества и человечество в целом развиваются по единому восходящему пути развития легли затем в основу известного труда Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», где также выделяются три эпохи исторического развития: дикость – варварство – цивилизация [Энгельс 1982].

С тех пор такой взгляд на историю с определенными корректировками и вариациями прочно занял свое место в общественном сознании, когда *дикость* стала ассоциироваться с грубой силой, полным бесправием и попранием любой морали посредством прямого насилия, подавления и низведения человеческих отношений, по существу, до животного состояния. Такое положение дел хорошо описывает знаменитое выражение Т. Гоббса «война всех против всех» или, например, поэтическая строка Н. А. Некрасова: «И только тот один, кто всех собой давил, свободно и дышал, и действовал, и жил» [Некрасов 1979: 11–12]. По сравнению с подобного рода отношениями *варварство* является, несомненно, более высокой ступенью общественного развития, поскольку здесь на первое место выступает уже не звериное, стадное, а коллективное, соответствующим образом организованное или, выражаясь современным языком, корпоративное начало. Однако ценит варвар при этом только то, что принадлежит его роду, племени, то есть своим, соплеменникам. В этой дихотомии «свой – чужой» варвар всегда на стороне его и только его культуры, тогда как все остальное не представляет для него никакой ценности и без сожаления может быть разрушено, уничтожено.

Наконец, в цивилизованном обществе на первый план выступают общепринятые нормы морали и права, разделение властей, права человека и равенство всех перед законом. Начальной вехой на этом пути, отразившей данные положения и закрепившей на законодательном уровне такое, принципиально отличное от прошлых эпох состояние общественных отношений, стала «Декларация прав человека и гражданина», принятая в 1789 г. Национальным учредительным собранием Франции [Французская... 1989: 26–29]. В основу этого уникального исторического документа были положены идеи естественного права, в соответствии с которыми провозглашались такие базовые ценности, как свобода личности, свобода слова, свобода убеждений, право на сопротивление угнетению. При этом важно подчеркнуть, что в то время, когда в мире господствовали в основном произвол и право сильного, уже в первой статье Декларации утверждалось, что «люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные различия могут основываться лишь на общей пользе» [Французская... 1989: 26]. А во второй статье этого документа указывается на то, что «Цель всякого политического союза – обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека. Таковые – свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению» [Там же]. Иначе говоря, суть нового исторического этапа – цивилизационного пути развития – кратко и емко передает аксиома французского Конвента того времени: «Свобода одного гражданина кончается там, где начинается свобода другого». Эта же мысль хорошо сформулирована и в знаменитом изречении, приписываемом Вольтеру: «Я не разделяю ваших убеждений, но готов умереть за ваше право их высказывать».

Таким образом, прогрессивные качественные перемены в общественных отношениях по мере исторического развития вполне очевидны, чтобы их отрицать

[Гринин 2004: 5–44]. Но почему не раньше и не позже, а именно с Нового времени появляются и сама идея общественного прогресса, и различные теории качественно отличных ступеней развития, на которые поднимаются (каждый в свое время) различные страны и народы? Не преуменьшая роли научного, технического и социально-экономического прогресса в поступательном развитии общества, в котором к тому времени накопились достаточные основания и соответствующий потенциал для подобных обобщений, следовало бы обратить особое внимание на глобализацию. Дело в том, что в качестве объективно-исторического процесса, начавшегося с эпохи Великих географических открытий, глобализация к середине XVIII в. впервые в истории человечества привела к установлению *планетарных* связей и отношений между странами и народами, прежде гетерогенными, а то и вовсе ничего не знавшими до этого друг о друге. Тем самым глобализация послужила катализатором к отмеченным выше обобщениям и выводам. Но каким образом?

Чтобы ответить на этот вопрос, важно принять во внимание, что в Европе ко второй половине XVIII в. сложились предпосылки для кардинальных перемен как в социально-экономической и общественно-политической сферах, что наиболее ярко отразилось в буржуазных революциях того времени, так и в сфере духа, морали, права, которые легли в основу эпохи Просвещения и во многом определили ее сущность. Глобализация же к этому времени позволила европейцам увидеть себя как бы со стороны, то есть посмотреть через призму других, принципиально отличных культур на самих себя, свое прошлое и в целом на трансформацию общественных отношений от первобытного состояния до того уровня, которое они определили понятием «цивилизация». И в самом деле, перемещаясь по всему открытому ими глобальному миру и сталкиваясь с неведомыми ранее общественными системами и народами, первооткрыватели новых земель воочию убеждались, что уровень не только социально-экономического, но и культурного развития проживавших там людей порой разительно отличается от европейского. Спектр этих различий простирался от относительно развитых (по европейским меркам) общественных систем, таких, например, как майя, инки или ацтеки на Американском континенте, до примитивных форм социальной жизни с проявлением каннибализма в Африке, Австралии или на островах Полинезии. Полученные таким образом опыт и знания, а также ретроспективный взгляд на собственную историю послужили импульсом к осмыслению общественного развития как единого процесса, идущего по все более сложной траектории. Они же стали и определенным основанием для выражения идей поступательного общественно-развития в упомянутых выше категориях и концепциях.

Прошедшие с тех пор два с лишним столетия не сделали данную тему менее актуальной. Более того, за это время произошли такие беспрецедентные события и потрясения мирового масштаба, что острота вопроса о преодолении варварства и даже дикости со временем лишь возрастала. Об этом красноречиво говорят, например, не только многомиллионные жертвы наполеоновских, а также многочисленных локальных и региональных войн, непомерная цена появления и распада социалистической системы или ужасы Первой и Второй мировых войн, но и изобретение ядерного, химического, бактериологического и т. п. оружия массового поражения, которые ставят человечество на грань самоуничтожения [Кацура и др. 2016]. Все это, как и многовековая практика исторического разви-

тия, неопровержимо доказывает, что мы сталкиваемся с проявлением варварства, или даже хуже – с рудиментами дикости. Казалось бы, это уже преодоленные исторические ступени прошлого развития человечества. Но, к большому сожалению, они никуда не исчезли. И сегодня все еще найдется немало примеров подобного рода в мировом сообществе, которое едва лишь регулируется, но не имеет никаких инструментов управления, в которых все более остро нуждается. Отсюда вполне очевидно, что *цивилизованному человечеству нет альтернативы*.

В этой связи особый интерес представляет, опять-таки, глобализация, которая не только порождает новые вызовы, такие, например, как глобальные проблемы, мировые кризисы или пандемии планетарного масштаба, но и создает новые возможности для цивилизованных международных отношений, делая всех нас соседями на «маленьком» космическом острове во Вселенной, именуемом планетой Земля. Отсюда все более важное значение обретают вопросы устройства и организации общественной жизни, будь то локальный, региональный или глобальный уровень. Иными словами, новая эпоха – эпоха глобальных структур, связей и отношений, требуя единства в многообразии, объективно осуществляет селекцию различных общественных систем, когда одни из них более, другие менее эффективно вписываются в архитектуру глобального мира. В то же время отдельные общественные системы, приемлемые для предыдущих эпох, вступают в антагонистические противоречия с усиливающимися глобальными процессами и, в конечном счете, распадаются или трансформируются в новые структуры. Ярким тому примером является имперская форма организации общественной жизни, которая имеет свою особую историю и логику развития.

Империя (от лат. *imperium* – управление, власть) являет собою специфическую форму организации государственной власти, которая централизованно осуществляется на большой (по меркам национальных государств) территории. В своей внутренней и внешней политике опирается на военную силу и в основе своей – на репрессивный аппарат управления, действуя при этом прежде всего в интересах военных сословий и представителей силовых структур. В империи обширные территории, населенные различными народами и именуемые колониями, доминионами, подконтрольными территориями, управляются из одного центра посредством жестко организованной (авторитарной, тоталитарной) власти во главе с императором (королем, царем, султаном или иным верховным правителем, титул которого не имеет принципиального значения). При этом на подконтрольных территориях власть осуществляется через наместников, ставленников, назначаемых из центра в том числе и для надзора за местным самоуправлением.

При всем разнообразии политических укладов и особенностей отдельных империй, авторитарная или тоталитарная власть (деспотия) для всех них является необходимой и наиболее адекватной формой управления, поскольку удержать в подчинении население на больших и разноплановых территориях, обеспечивая при этом единство и функциональную дееспособность страны, можно только при жесткой централизации власти и наличии эффективного репрессивного аппарата, в том числе регулярной армии. Отсюда вполне очевидно, что силовые структуры должны занимать (и занимают) особое положение в общественной и политической жизни таких систем. Для империи характерно также наличие единого для всех языка общения и то, что суверенитет находится исключительно в центре политической юрисдикции [Империя 2006: 350–351].

Важно подчеркнуть и то, что империя – это вполне закономерное и естественное состояние организации жизни людей на определенном этапе исторического развития. К ранним формам такого общественного устройства можно отнести, например, Аккадское царство, появившееся еще в 3-м тыс. до н. э., империю Шан (XVI в. до н. э.) или Неоассирийскую империю (X в. до н. э.). Империи во множестве вариантов зарождались, существовали, сменяли друг друга или вовсе сходили с исторической арены вплоть до середины XX в., пока объективные обстоятельства благоприятствовали такому ходу событий.

Важнейшим фактором и беспрецедентным явлением, давшим мощнейший импульс процессу формирования и территориального расширения империй, стали Великие географические открытия, а также обусловленная ими начавшаяся тогда же *глобализация* [Global Studies 2014: 229–242]. Связь же между этими событиями не просто тесная, а непосредственная. Именно логика образования и естественная природа экстенсивного развития империй наряду с существенными достижениями в области точного знания (в частности, о реальном устройстве Земли) в совокупности с техническими достижениями, в особенности в кораблестроении и навигации, породили эпоху открытия новых земель, расширив тем самым формат взаимоотношения людей до планетарных масштабов. Таким образом, список естественных глобальных процессов, протекавших до этого в неживой и живой природе, расширился за счет глобализации, которая проявилась в становлении и развитии глобальных структур, связей и отношений в различных сферах общественной жизни. При этом глобализация открыла принципиально новые возможности для экстенсивного расширения социального пространства, открытия и подчинения новых территорий, что послужило катализатором формирования особого типа империй – не «сухопутных» или «континентальных», как то имело место прежде, а «морских» или «колониальных». Именно так и складывались крупнейшие из них, к которым следует отнести Британскую, Испанскую, Португальскую или, например, Японскую империю.

В отличие от континентальных империй, представлявших собой единое территориальное пространство, образованное за счет присоединения новых территорий и расширения таким образом сухопутных границ существующей страны, колониальные империи возникли в результате открытия новых земель и подчинения европейским морским державам располагавшихся там стран и народов. Оказавшись под властью иностранного государства, лишенные политической самостоятельности, эти новые территории становились колониями (периферией), отделенными значительными водными пространствами от «ядра» (метрополии). Созданию именно таких колониальных империй как раз и способствовали Великие географические открытия вкуче с набравшей все большие обороты глобализацией, что привело к смещению центра экономической и политической активности с берегов Средиземного моря на берега Атлантики. В итоге география морских торговых путей и положение отдельных государств в системе международных отношений принципиально изменились, поскольку главные торговые пути стали пролегать теперь не по просторам Евразии и Средиземноморью, а через Атлантический, Индийский и Тихий океаны.

Таким образом, к началу XX в. «ведущие европейские державы завершили колонизацию огромных пространств Азии, Африки, Латинской Америки, Австра-

лии и Океании. В 1919 г. на долю колоний и зависимых стран приходилось 72 % территорий и 69,4 % населения Земли. В наибольшей степени колониалистской экспансии подвергся Африканский континент. Шесть «великих держав» Европы захватили 25 млн кв. км земли, то есть пространство в 2,5 раза больше всей Европы, и поработили свыше полумиллиарда (523 млн) населения» [Распад... 2015]. В итоге размеры владений прежде относительно небольших, но достаточно развитых европейских государств, имевших выход к морю, многократно увеличились, о чем красноречиво говорят следующие цифры: Франция стала контролировать территорию размером 10545 тыс. кв. км, Англия – 8973 тыс., Германия – 2459 тыс., Бельгия – 2337 тыс., Италия – 2259 тыс., Португалия – 2076 тыс., Испания – 333 тыс. кв. км» [Распад... 2015].

Итак, появившись почти три тысячи лет тому назад, различные империи прошли долгий и тернистый путь своего развития. Среди них, помимо уже упомянутых выше, заняли важное место и оставили значительный след в истории человечества также империи Александра Македонского, Циньская, Римская, Монгольская, Российская, Османская, Австро-Венгерская и др. Как особый тип социальной организации и способ управления большими территориями империи закономерно возникали, развивались, сменяли друг друга, пока над ними не сгустились тучи многоаспектной глобализации [Чумаков 2016: 251–285]. Именно к середине XX столетия, в силу кардинальных социокультурных, экономических и геополитических перемен, вызванных глобальными процессами в различных сферах общественной жизни, авторитарный способ управления общественными системами на предельно больших территориях утратил свою эффективность, а во многом и дееспособность. В итоге к началу нашего века эпоха империй, по существу, закончилась, а ее закат сопровождался чередой волн освобождения подчиненных территорий от колониальной зависимости.

Процесс деколонизации стран и континентов, начавшийся еще в начале XIX в., шел какое-то время параллельно с продолжавшимся процессом колониальной экспансии. Тогда в результате волны национально-освободительных движений, прокатившейся по странам Латинской Америки, большинство колоний этого континента обрели независимость, и к 1826 г. у Испании оставались только Куба и Пуэрто-Рико. Очередной подъем национально-освободительного движения был связан уже с Первой мировой войной и последовавшими после ее окончания экономическими и политическими кризисами в ведущих колониальных державах. Так, окончание этой войны ознаменовалось не только стремлением подчиненных территорий к обретению независимости, но и концом истории крупнейших империй того времени: Российской, Германской, Австро-Венгерской, Османской.

Однако наиболее активный и, по существу, завершающий распад колониальной системы был вызван Второй мировой войной и последовавшей за ней перестройкой системы международных отношений. В итоге только в 1943–1959 гг. независимость обрели два десятка колоний, а в 1960–1970 гг. – уже около 50 стран. И хотя экономическая зависимость от бывших метрополий, как правило, оставалась, к 80-м гг. XX в. политическую независимость получили уже около 100 новых суверенных государств. Таким образом, прежняя колониальная система на территории планеты перестала существовать. Но проблема на этом не была исчерпана, поскольку «на смену колониализму пришел неоколониализм – система

разнообразных форм и методов, используемых развитыми капиталистическими странами для удержания освобожденных стран в подчиненном зависимом положении» [Распад... 2015]. И тем не менее данное обстоятельство не отменяет того факта, что процесс ухода с исторической арены оставшихся колониальных империй, как и сам способ такого управления общественными системами, после Второй мировой войны пришел к своему логическому завершению. Война закончилась полным крушением Третьего рейха и Японской империи. А мировое сообщество на Генеральной Ассамблее ООН приняло резолюцию, запрещающую завоевание территорий суверенных государств, что стало еще одним фактором, препятствующим появлению новых и ведущим к окончательному развалу еще оставшихся на то время империй классического типа [Декларация... 1965].

Все это подняло во второй половине XX в. новую волну освобождения от колониальной зависимости стран третьего мира и окончательно завершило процесс распада таких прежде могущественных морских колониальных империй, как Португальская (1975 г.) и Испанская (1976 г.). Наконец, в 1997 г. закончила свое существование и самая обширная в истории человечества Британская империя, над которой в период ее наибольшего могущества «никогда не заходило солнце», поскольку она контролировала четверть мировой суши и около половины вод мирового океана. Важно отметить в этой связи, что конец всем им положили не политики, якобы плохо управлявшие империями, или иные субъективно обусловленные причины, а естественный ход исторического развития, составной частью которого является многоаспектная глобализация, охватившая своими процессами практически все сферы общественной жизни. И хотя рудименты имперских структур и форм управления (в форме неокOLONIALИЗМА) все еще сохраняются до настоящего времени, трудно оспорить тот факт, что в современных условиях эффективно управлять обширными и сложнейшими общественными системами из одного центра на принципах единоначалия и жесткой структуры подотчетности не представляется возможным. Понимание причин такого положения дел наилучшим образом дает обращение не столько к политике, идеологии или экономике, сколько к культуре.

Культура в целом и в особенности ее ядро – наука и образование – являются определенной «лакмусовой бумажкой», показывающей сущность и состояние того или иного общества, его сильные и слабые стороны, динамику развития и конкурентоспособность в системе международных отношений. В этой связи принципиальное значение имеет то, что для авторитарных и централизованно выстроенных общественных систем (коиными, по сути, и являются все империи) характерны свои особенности в организации науки и образования. Такие системы изначально ориентированы на организацию идеологически «правильного» воспитания и образования, включая и подготовку высокопрофессиональных узкопрофильных специалистов. И это вполне объяснимо – авторитарные, тоталитарные, деспотические системы, хотя и нуждаются в высококлассных специалистах, тем не менее, не заинтересованы в воспитании независимых, самостоятельно и свободно мыслящих граждан. Поэтому в них среднее специальное и высшее образование реализуется посредством отраслевых училищ, техникумов (колледжей), институтов и профильных академий. И даже университеты в таких общественных системах выполняют, по существу, аналогичную задачу. Наука и образование при этом

фактически разделены. В учебных заведениях учат, тогда как фундаментальные и прикладные науки сосредотачиваются в профильных научно-исследовательских институтах, центрах, лабораториях. В итоге «академическая наука» имеет мало общего с образованием, а так называемая «вузовская наука» далека от науки фундаментальной и прикладной.

В общественных системах, построенных на других принципах и основаниях, где требуется постоянно воспроизводить и поддерживать гражданские институты и соответствующий им дух общественных отношений, образование и наука сосредоточены прежде всего в университетах. И именно они являются как центрами научных исследований, так и основной кузницей подготовки не только высококвалифицированных специалистов, но и наиболее образованной и активной части гражданского общества. Все это имеет принципиальное значение, поскольку в современных условиях глобальной взаимозависимости, диверсификации производства и международной мобильности страны с достаточно зрелым гражданским обществом и демократическими формами правления оказываются более открытыми, конкурентоспособными и развитыми в социально-экономическом отношении [Махаматов 2014: 117–120]. На планете, поделенной теперь между почти двумястами национальными государствами, именно они (при адекватном восприятии глобализации и соответствующей политике) оказываются более эффективными формами общественного устройства, нежели империи, для которых теперь практически не осталось места, поскольку сложность управления социальными системами в условиях нарастающей глобализации значительно возросла и вышла за те рамки, в пределах которых только и возможно эффективное управление обществом [Чумаков 2019: 353–364].

С этой проблемой к концу XX в. непосредственно столкнулись, например, Соединенные Штаты Америки, ощутившие себя мировым гегемоном после победы в холодной войне, приведшей к развалу социалистической системы. Ярким примером американского геополитического мышления того времени являются высказывания известного политолога З. Бжезинского, который, обосновывая тезис об *однополярном мире* и лидирующей роли США на мировой арене в постсоветский период, в частности, писал: «Для Соединенных Штатов евразийская геостратегия включает целенаправленное руководство динамичными с геостратегической точки зрения государствами и осторожное обращение с государствами-катализаторами в геополитическом плане, соблюдая два равноценных интереса Америки: в ближайшей перспективе – сохранение своей исключительной глобальной власти, а в далекой перспективе – ее трансформацию во все более институционализирующееся глобальное сотрудничество. Употребляя терминологию более жестких времен древних империй, – отмечал он, – три великие обязанности имперской геостратегии заключаются в предотвращении сговора между вассалами и сохранении их зависимости от общей безопасности, сохранении покорности подчиненных и обеспечении их защиты и недопущении объединения варваров» [Бжезинский 2005: 54]. Понадобилось еще более десяти лет после этих высказываний З. Бжезинского, чтобы устами 45-го президента США Д. Трампа Соединенные Штаты Америки, столкнувшись с новыми реалиями, критически оценили тщетность имперских устремлений выстраивать на таких принципах международные отношения и по своему усмотрению «наводить порядок» в глобальном

мире. И хотя в этом отношении внешняя политика администрации Джо Байдена сделала определенный шаг назад, существа дела это не меняет, подтверждением чего стал и поспешный вывод войск США из Афганистана в 2021 г.

То, что концепция однополярного мира не соответствует реальному положению дел на международной арене, стало наиболее очевидно к началу XXI в., когда после окончания холодной войны практически закончилось переформатирование мирового порядка и четко проявились негативные последствия внешнего вмешательства во внутренние дела суверенных государств. Характерными примерами в этом отношении являются Афганистан, Ирак, Ливия и др. А наиболее точно такое положение дел отразил постоянный представитель Японии в ООН Х. Овада, который заявил, что «однополярный мир является опасным заблуждением; на самом деле порядок в мире не может диктоваться волей лишь одного полюса, каким бы могущественным ни был этот полюс в сравнительном плане» [Owada 1998: 556].

Итак, теперь уже вполне очевидно, что в современном глобальном мире нет такого субъекта международных отношений, единого центра или какой бы то ни было коалиции, которые были бы в состоянии выполнять роль мирового арбитра, тем более жандарма, не говоря уже о реальном управлении мировыми делами. Отсюда нет оснований говорить и об «однополярном» мире, поскольку каждый субъект международных отношений играет свою роль в зависимости от его места и положения в мировом сообществе. А это означает, что абсолютного, тем более стабильного и долговременного преимущества нет ни у кого. В этой связи суть архитектуры современного мирового порядка хорошо передают слова Н. Кузанского, который еще в XV в., рассуждая о природе мироздания, утверждал, что мир является бесконечным, и центр его «повсюду и нигде» [Кузанский 1979: 134].

Именно так и обстоят дела теперь в «глобальном человекике», где нет неизменного постоянства в раскладе сил между субъектами международных отношений. Одни из них усиливаются, другие ослабевают; кто-то приобретает союзников, объединяется, кооперируется, тогда как другие теряют поддержку и расположение к себе. Немало и тех, кто занимает выжидательную позицию и готов примкнуть к более сильной стороне, как только для этого наступит выгодный момент. В результате сложения таких разнонаправленных векторов поведения на международной арене, различных субъектов центров влияния и принятия решений в современном мире оказывается много. При этом картина их распределения постоянно меняется. А поскольку они взаимодействуют в широком диапазоне — от тесной кооперации до жесткого противостояния, то нередко реальный центр принятия решений оказывается совсем не там, где он афишируется или подразумевается. Иными словами, мы имеем дело с многополярностью глобального мира, в котором объективные законы общественного развития выдвигают на первый план наиболее соответствующие такому миру, а следовательно, и наиболее эффективные формы организации и управления общественными системами.

Как показывают соответствующие исследования в данной области, самой сложной по своей структуре общественной системой, которой в современных условиях человек может относительно эффективно управлять, является национальное государство [Чумаков 2019: 358–360]. Социальные системы иного уровня, например *империи*, способны функционировать на основе регулирования, тогда как возможности полноценного управления ими в современных условиях

весьма ограничены. Как отмечал в этой связи А. А. Зиновьев, «организовать миллион человек – это одно, организовать десять миллионов – это другое, организовать сто миллионов – это тяжелейшая задача. Организовать пятьсот миллионов человек является задачей колоссальных масштабов» [Зиновьев 1999]. Основная проблема здесь в том, что сложные системы, такие, например, как биосфера, регулируются естественным образом, то есть саморегулируются, подчиняясь действию природных законов. Общественные же системы к тому же еще и управляются, так как в их развитии важную роль играет активное начало – человек, который в пределах своих возможностей осознанно влияет на естественный ход событий.

Итак, на планете, поделенной теперь между почти 200 национальными государствами, именно они и укрепились в качестве наиболее крупных международных общественных структур, пригодных для управления, несмотря на определенное изменение их позиций в плане сохранения национального суверенитета и независимости во внешнеполитической деятельности. Такое положение дел вполне объяснимо, если принять во внимание, что глобализация, с одной стороны, унифицирует международные связи и отношения, а с другой стороны, поднимает на более высокий уровень сопротивление этим процессам, активизируя национальное самосознание и борьбу за сохранение традиционных культур и культурного разнообразия, наконец, поднимая прежде локальные и региональные проблемы (эмиграции, сепаратизма, преступности, терроризма и т. п.) до глобального уровня. В этой связи заслуживает внимания замечание А. Б. Вебера, в соответствии с которым, «говоря о глобальном управлении, следует подчеркнуть, что это прежде всего управление *процессами*, а не территориями. Управление не “вместо” национальных государств, а вместе с ними» [Вебер 2009: 11].

Разделяя эту точку зрения, приходим к выводу, что наиболее оптимальной формой организации общественной жизни, пригодной для глобального мира на обозримую перспективу, могла бы стать *конфедерация национальных государств*, где был бы обеспечен разумный компромисс между глобальными и национальными интересами. Решение же такой задачи, как представляется, мог бы обеспечить сетевой принцип управления сложными системами. Эта технология заключается в том, что за основу управления сложными и масштабными структурами берется не иерархический, а сетевой принцип организации и функционирования системы, предполагающий полицентричность и участие в управлении всех составляющих данную систему элементов. Появление такой технологии непосредственно связано с информационно-технологической революцией, открывшей во второй половине XX века беспрецедентные возможности осуществлять сложнейшие расчеты и проводить оперативную обработку больших объемов информации [Лешкевич 2019: 258–260]. С тех пор сетевые методы планирования и управления стали все более активно применяться в различных сферах общественной жизни. В этих условиях определенное преимущество перед системами централизованными и авторитарными получили демократические формы общественной жизни, поскольку гражданское общество по природе своей функционирует по сетевому принципу. Его различные самодостаточные и автономные структурные элементы (отдельные граждане, общественные организации, объединения, институты, творческие союзы и т. п.), не имея единого центра управления или координации, функционируют, тем не менее, как единое целое, подчиняясь вполне определен-

ным принципам организации общественной жизни и соответствующим нормам поведения. В то же время отдельные элементы гражданского общества сами могут функционировать и быть построены по сетевому принципу.

Таким образом, в отличие от традиционных способов управления обществом, основанных, как правило, на иерархии отношений и вертикали власти, когда верхние и нижние властные структуры находятся в ситуации строго регламентированных взаимоотношений, сетевая технология управления в демократических системах обеспечивает гражданам большую степень свободы и полномочий в принятии и реализации экономических, политических и т. п. решений. Касательно международных отношений и отдельных государств такой подход предполагает сохранение национального суверенитета и существенной автономии при одновременной передаче национальными правительствами части своих полномочий наднациональным структурам и международным организациям. При этом следует подчеркнуть, что новые возможности, которые в условиях многоаспектной глобализации открываются с развитием современных технологий, – это то, что можно и проигнорировать (с непременным ущербом для себя), но лучше максимально использовать в интересах построения более безопасного и стабильного будущего – как своего, так и мирового сообщества в целом. Важно и то, что новейшие технологии делают сетевой подход к управлению обществом на международном уровне перспективным средством преодоления современной ситуации «войны всех против всех». Но тогда и решение задачи построения эффективно функционирующей системы международных отношений переходит в другую плоскость, где уже не империи, даже в их новом (неоколониальном) облике, а демократические государства оказываются более эффективной формой организации общественной жизни в глобальном мире.

Литература

- Антология мировой философии: в 4 т. Т. 1. Ч. 1. М.: Мысль, 1969.
- Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 2005.
- Вебер А. Б. Современный мир и проблема глобального управления // Век глобализации. 2009. № 1. С. 3–15.
- Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001.
- Гринин Л. Е. Генезис государства как составная часть перехода от первобытности к цивилизации // Философия и общество. 2004. № 4(37). С. 5–44.
- Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета. Принята резолюцией 2131 (XX) Генеральной Ассамблеи от 21 декабря 1965 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/inadmissibility_of_intervention.shtml.
- Древнекитайская философия. М.: Мысль, 1972.
- Зиновьев А. А. Запад – Россия: управляемая катастрофа // «Фигаро». 1999. 24 июля [Электронный ресурс]. URL: <http://conflictmanagement.ru/zapad-rossiya-upravlyaemaya-katastrofa>.
- Империя // Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / гл. ред.: И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М.; СПб.; Нью-Йорк.: ИЦ «ЕЛИМА», ИД «Питер», 2006.

Кацура А. В., Мазур И. И., Чумаков А. Н. Планетарное человечество: на краю пропасти. М. : Проспект, 2016.

Кузанский Н. Соч.: в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1979.

Лешкевич Т. Г. Цифровая среда как «невидимый» слой современности и форсайт перспективы // Вестник МНЭПУ. 2019. № S1. С. 258–260.

Махаматов Т. М. Гражданское общество как фактор устойчивого развития общества // Материалы ежегодных Моисеевских чтений. Т. 3. М. : Изд-во МНЭПУ, 2014. С. 117–120.

Морган Л. Г. Древнее общество. Л. : Изд-во Ин-та народов севера ЦИК СССР, 1935.

Некрасов Н. А. Родина // Стихотворения, 1845–1877. М. : Московский рабочий, 1979. С. 11–12.

Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3. М. : Мысль, 2001.

Распад колониальной системы. Модернизация стран традиционалистских цивилизаций (14.02.2015) [Электронный ресурс]. URL: https://studopedia.ru/5_63977_raspad-kolonialnoy-sistemi-modernizatsiya-stran-traditsionalistskih-tsvivilizatsiy.html.

Французская Республика: Конституция и законодательные акты. М. : Прогресс, 1989.

Чумаков А. Н. Глобализация. Контурсы целостного мира. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2016.

Чумаков А. Н. Глобальный мир: столкновение интересов. М. : Проспект, 2019.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства: В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1982.

Ferguson A. An Essay on the History of the Civil Society. 5th ed. London : T. Cadell, 1782.

Global Studies Encyclopedic Dictionary / ed. by A. N. Chumakov, I. I. Mazour, W. C. Gay. With a Foreword by Mikhail Gorbachev. Amsterdam; New York, NY : Editions Rodopi B. V., 2014.

Owada H. The Problem of World Public Order / B. Boutros-Ghali // *Amicorum Discipulorumque Liber*. Vol. I. Bruxelles, 1998.

References

Antologiya mirovoy filosofii [Anthology of the World Philosophy]: in 4 vols. Vol. 1. Part 1. Moscow : Mysl', 1969.

Brzhezinsky Z. Velikaya shakhmatnaya doska [The Great Chess Board]. Moscow : Mezhdunarodnyye otnosheniya, 2005.

Veber A. B. Sovremennyy mir i problema global'nogo upravleniya [The Modern World and the Problem of Global Governance] // *Vek globalizatsii*. 2009. No. 1. Pp. 3–15.

Hobbs T. Levianfan [Leviathan]. Moscow : Mysl', 2001.

Grinin L. E. Genezis gosudarstva kak sostavnaya chast' perekhoda ot pervobytnosti k tsvivilizatsii [The Genesis of the State as an Integral Part of the Transition from Primitiveness to Civilization] // *Filosofiya i obshchestvo*. 2004. No. 4(37). Pp. 5–44.

Deklaratsiya o nedopustimosti vmeshatel'stva vo vnutrenniye dela gosudarstv, ob ogra-zhdenii ikh nezavisimosti i suvereniteta [Declaration on the Inadmissibility of Interference

in the Internal Affairs of States, on the Protection of Their Independence and Sovereignty]. Adopted by Resolution 2131 (XX) General Assembly by December 21, 1965. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/inadmissibility_of_intervention.shtml.

Drevnekitayskaya filosofiya [Ancient Chinese Philosophy]. Moscow : Mysl', 1972.

Zinov'yev A. A. Zapad – Rossiya: upravlyayemaya katastrofa [West – Russia: A Controlled Disaster] // Figaro. 1999. 24 iyulya. URL: <http://conflictmanagement.ru/zapad-rossiya-upravlyayemaya-katastrofa>.

Imperiya [Empire] // Globalistika: Mezhdunarodnyy mezhdistsiplinarnyy entsiklopedicheskiy slovar' / ed. by I. I. Mazur, A. N. Chumakov. Moscow; St. Petersburg; New York : ITS “YELIMA”, ID “Piter”, 2006.

Katsura A. V., Mazur I. I., Chumakov A. N. Planetarnoye chelovechestvo: na krayu propasti [Planetary Humanity: On the Edge of the Abyss]. Moscow : Prospekt, 2016.

Kuzanskiy N. Sochineniya [Works]: in 2 vols. Vol. 1. Moscow : Mysl', 1979.

Leshkevich T. G. Tsifrovaya sreda kak “nevidimyy” sloy sovremennosti i forsayt perspektivy [Digital Environment as an “invisible” Layer of Modernity and Foresight of Perspective] // Vestnik MNEPU. 2019. No. S1. Pp. 258–260.

Morgan L. H. Drevneye obshchestvo [Ancient Society]. Leningrad : Institute of the Peoples of the North of the Central Executive Committee of the Soviet Union, 1935.

Makhamatov T. M. Grazhdanskoye obshchestvo kak faktor ustoychivogo razvitiya obshchestva [Civil Society as a Factor in the Sustainable Development of Society] // Materialy yezhegodnykh Moiseyevskikh chteniy. Vol. 3. Moscow : MNEPU Publishing, 2014. Pp. 117–120.

Nekrasov N. A. Rodina [The Motherland] / N. A. Nekrasov // Stikhotvoreniya 1845–1877 [Poems 1845–1877]. Moscow : Moskovskiy rabochiy, 1979. Pp. 11–12.

Novaya filosofskaya entsiklopediya [New Philosophical Encyclopedia]: in 4 vols. Vol. 3. Moscow : Mysl', 2001.

Raspad kolonial'noy sistemy. Modernizatsiya stran traditsionalistskikh tsivilizatsiy [The Collapse of the Colonial System. Modernization of the Countries of Traditionalist Civilizations]. 2015. February 14. URL: https://studopedia.ru/5_63977_raspad-kolonialnoy-sistemi-modernizatsiya-stran-traditsionalistskih-tsvivilizatsiy.html.

Frantsuzskaya Respublika: Konstitutsiya i zakonodatel'nyye akty [French Republic: Constitution and Legislative Acts]. Moscow : Progress, 1989.

Chumakov A. N. Globalizatsiya. Kontury tselostnogo mira [Globalization. Contours of an Integral World]: Monograph. 2nd ed., rev. and compl. Moscow : Prospekt, 2016.

Chumakov A. N. Global'nyy mir: stolknoveniye interesov [Global World: Clash of Interests]. Moscow : Prospekt, 2019.

Engels F. Proiskhozhdeniye sem'i, chastnoy sobstvennosti i gosudarstva: V svyazi s issledovaniyami L'yuisa G. Morgana [The Origin of the Family, Private Property and the State: In Connection With the Studies of Lewis G. Morgan]. Moscow : Politizdat, 1982.

Ferguson A. An Essay on the History of the Civil Society. 5th edition. London : T. Cadell, 1782.

Global Studies Encyclopedic Dictionary / ed. by A. N. Chumakov, I. I. Mazour, W. C. Gay. With a Foreword by Mikhail Gorbachev. Amsterdam; New York, NY : Editions Rodopi B. V., 2014.

Owada H. The Problem of World Public Order // B. Boutros-Ghali Amicorum Discipulorumque Liber. Vol. I. Bruxelles, 1998.

ГЛОБАЛЬНЫЙ МИРОПОРЯДОК: ЖИВОЕ И ОТЖИВШЕЕ – КОНТУРЫ ПРЕДСТОЯНИЯ

Ильин В. В.*

Мировой порядок (МП) – система принципиальных соглашений, узаконивающих создающиеся вследствие крупнейших политико-военных трансформаций балансы сил: конфигурация госграниц, структура двусторонних и многосторонних взаимодействий, права владения, пользования, распоряжения, сферы влияния, зоны интересов, инструменты безопасности и т. п. Венчающий горячую фазу третьей мировой холодной войны МП предположительно оформляется на принципах регионализации, безблоковости, радикальной реорганизации ООН, Совета безопасности, состоящего из представителей не только великих держав, но всех стран планеты.

Ключевые слова: *многополюсность, безблоковость, регионализация.*

GLOBAL WORLD ORDER: THE LIVING AND THE OBSOLETE – THE CONTOURS OF THE FUTURE

The World Order (WO) is a system of fundamental agreements legitimizing the balances of forces created as a result of major political and military transformations: the configuration of state borders, the structure of bilateral and multilateral interactions, the rights of ownership, use, disposal, spheres of influence, zones of interest, security instruments, etc. The WO that is crowning the hot phase of the Third World Cold War presumably is drawn up on the principles of regionalization, blocklessness, sensitive reorganization of the UN, the Security Council, consisting of representatives not only of the great powers, but of all countries.

Keywords: *multipolarity, blocklessness, regionalization.*

Мировой порядок (МП) – плод системных геостратегических договоренностей между конфликтующими великими державами, складывающийся на основе принципиальных взаимоприемлемых соглашений о характере мироустройства. С позиции более или менее взвешенных социально-политических квалификаций МП оформляется как консенсуальное состояние, регулирующее взаимодействия заинтересованных, полномочных, отстаивающих свои амбициозные цели полноправных сторон.

Назначение МП – легализация достигнутых в ходе значительных (масштабных) военно-политических трансформаций (венчающихся распадами, объедине-

* Ильин Виктор Васильевич – д. ф. н., профессор, советник президента НИЦ «Курчатовский институт». E-mail: vvilin@yandex.ru.

Viktor V. Ilyin – Dr. Phil., Professor, adviser of the President of the National Research Center “Kurchatov Institute”. E-mail: vvilin@yandex.ru.

ниями, столкновениями крупнейших государственно-надгосударственных единиц человечества) балансов сил, опирающихся на осмотрительные решения. Непременными спутниками последних оказываются:

– согласованность: МП – итог вынужденного достижения единомыслия и единодействия по существу социально-политической, военно-технической, гуманитарной повестки;

– договорность: МП – итог правового (официального) обеспечения, контроля взаимодействующих ручательств, предполагающих безусловное исполнение;

– обязательность: МП – итог добровольно принятых целесообразных обременений (фиксируемых в письменной форме) по реализации ответственных линий поведения.

Непосредственная и основная задача МП – конституирование гарантий соблюдения, поддержания обоюдывыгодного, полезного *status quo* ввиду неумаления, нестеснения, неущемления высших притязаний вступивших в партнерские отношения, добывающихся сотрудничества контрагентов.

Капитальными вариациями МП в XX в. выступали системы, итожащие результаты Первой (Версальско-Вашингтонская) и Второй (Ялтинско-Потсдамская) мировых войн. Договорные конфигурации вынужденные, но недолговечные, разрушенные устойчивыми стремлениями достигших консенсуса прямых участников подорвать паритетность установленных взаимодействий, перевести контакты в горячую фазу общения.

Версальско-Вашингтонская система развалена исходным неприятием Германией национального поражения, ее поощряемым Рейнским пактом вступлением на путь реваншизма. Ялтинско-Потсдамская система развалена исходным неприятием англосаксами победы Советов, вступлением их на путь ревизионизма (планы превращения войны с фашизмом в войну с СССР при использовании не уничтоженных частей вермахта; Манхэттенский проект; Фултонская речь Черчилля), развязыванием третьей мировой холодной войны.

Политические потрясения геотектонического плана конца канувшего в Лету, но с завидным постоянством напоминающего о себе XX века ведут к удручающей констатации: пришедшее на смену прошлому настоящее ввергло мировое сообщество в сомнительную полосу турбулентного разупорядоченного развития, что по меркам нашего прогрессивного времени непозволительно, недопустимо.

Учитывая нелицеприятные особенности ситуации, это в первую очередь:

– пять раундов некомпенсированного расширения НАТО на восток;

– подготавливаемый шестой раунд увеличения зоны влияния Североатлантического альянса согласно принципу «открытых дверей» – намерения в вожделенной перспективе принять в организацию Грузию, Боснию и Герцеговину, Финляндию, Швецию и др., – очевидны интенции Запада, усиливая давление на Россию, добиться ее ослабления, изоляции, мир-системного уязвления.

Никакой глобальной перезагрузки в отношениях Запад – Россия после наших односторонних уступок (ликвидация советской империи, содействие объединению Германии на фоне подспудного сопротивления англосаксов, подчеркнутое непротивление усилению деятельности враждебного блока на северо-западных рубежах) не последовало. Борьба за восстановление своего исконно высокого гео-

стратегического реноме стала исключительно внутрисоссийским делом, – делом собственной судьбы, дающей право на самостоятельное существование.

В картине мира воспринимающего нашу страну как добычу атлантистского Запада нет места России, россиянам, русским.

Актуализируется, таким образом, необходимая задача определения национального места в подлунном мире: вследствие своеобразной цивилизационной реконкисты Россия – россияне – русские должны занять подобающее им достойное положение в сообществе народов.

Переходя к очерчиванию характера отвечающего нашим национальным интересам МП, во всех отношениях уместно подчеркнуть правильность освобождения судьбоносного десижонизма от не вселяющего доверия флера всякого рода навязчивых представлений; рассуждения по столь серьезному предмету должны быть избавлены от предосудительных спекуляций. Как рекомендовал Гете:

...Брось вечность утверждать за облаками!
Нам здешний мир так много говорит.

Подчеркнутая неконсенсуальность атлантизма, поставившего на Украину как на расходный материал, затягивающий Россию в трясины войны, вознамеривающегося извлечь из происходящего всесторонние выгоды, востребует разработки неординарных противительных действий, с возможной реализацией которых всем участникам «большой игры» *velim nolim*¹ придется считаться.

Ответ России в первую очередь состоит в осознании собственного предназначения – понимании державной роли применительно к себе и миру. Говоря так, мы недвусмысленно высказываемся в пользу работоспособной идеократической доктрины, тематизирующей перспективы национального пути в данном историческом смысле.

Проблематика «русской идеи» на указанном основании для нас – не источниковедческая, не историологическая; это проблематика практической политической философии. Именно так следует к ней относиться: нужно понимать свое предназначение и беззаветно служить ему.

Здесь, однако, держась выверенного контура эвристичной прагматики, необходимо правильно вывести за скобки разветвленное умозрительное теоретизирование – отвлеченную идиоматику «святой Руси» в разных исполнениях. Бегло сошлемся в данной связи на предметно неоформленные национацентричные соображения:

– П. Я. Чаадаева, наделявшего Россию вселенским одиночеством, – обрекающим «послужить каким-то (?! – *В. И.*) важным уроком (?! – *В. И.*) для отдаленных (?! – *В. И.*) поколений»;

– А. С. Хомякова, высказывавшегося за спасение то христианства, то славянства (с высоты протекшей истории не отстраниться от внесения уточнений: христианства – какого, славянства – какого?);

– К. Н. Леонтьева, упирившего на блок России с Востоком (опять же – каким именно?);

¹ Волей-неволей (*лат.*).

– Н. Я. Данилевского, выступавшего за всеславянскую федерацию (какую?), включавшую, правда, Грецию, Румынию, Венгрию, со столицей в... Константинополе;

– В. С. Соловьева, усматривавшего в России некую «высшую силу» (?! – В. И.), какую «русский народ должен (?! – В. И.) провести в человечество (?! – В. И.)» и какая – по трезвом размышлении – «есть сила не от мира сего» (?! – В. И.), ибо «великое историческое призвание России, от которого только получает значение и ее ближайшая задача, есть призвание религиозное в высшем смысле этого слова» [Соловьев 1902: 225].

С этатистской историологической мифологией пора заканчивать. В кругу актуальных политических апологий, технологий нет места отрешенным прожекткам теистической эсхатологии, панславизма, православной сакристыи, как, впрочем, и навязываемым недалекими умами в недавнем прошлом упованиям на общеевропейский дом. Следует отдавать отчет: в настоящий момент мы пребываем в условиях воздействия суровой геополитической интриги, требующих предельной мобилизации потенциала реализма, подвигающего на консолидацию внутренних сил, способных противостоять назойливой атлантистской угрозе.

Суть вопроса, располагающегося в практически политической плоскости, такова: какая компетентная метафизика способна обслужить злободневные потребности нации, оптимизирующие укрепление ее роли в мире?

Очевидно, адресация к таким архаичным комплексам, утрирующим неподтвержденные достоинства самобытной природы «русского космоса», заявляющего себя во «всеспасительной», «всесвятной» обязанности, более чем неопределенна. Если не сказать больше.

Не впечатляет и, как кажется, всеядная формула прозорливого А. И. Герцена: московский панславизм и русский европеизм. Первый отрешен, второй наивен. Не просматривается и намек на славянскую «задругу», учитывая яростную антироссийскую линию польских, болгарских, чешских, словенских, словацких, черногорских, хорватских «братьев» по поводу происходящего на Украине. В *pendant*² к сказанному просматривается нескрываемая, используя фигуру Бэра, *Zielstrebtigkeit*³, – преследующая цель тенденция: русофобия субъектов европейской организации. Между Россией и Европой ныне сожжены все мосты, где можно обмениваться приветствиями; русские и европейцы теперь не подают друг другу руку.

Несомненно, России пристало полагаться исключительно на Россию; ей подбавляет жить без всяких оглядок на Европу, а именно: создавать присущую ей жизнь не по европейской, а по своей истине, – истине, имеющей не отвлеченную, а прочувствованную редактуру.

Изложенное недвусмысленным, то есть самым прямым образом обязывает распрощаться и с надуманной идеей России – посредника между Западом и Востоком. Такая трактовка вычурна и нереалистична. Во-первых, потому что поглощенный атлантизмом европеизм не скрывает зловещих планов окончательно уничтожить Россию. Во-вторых, потому что в силу тех же причин на опасной

² В дополнение (*фр.*).

³ Целеустремленность (*нем.*).

очереди стоит Китай, с которым Запад как с достойным мир-системным конкурентом имеет в виду расквитаться.

Отсюда – никаких иллюзий по части медиатора между «ничто» и «ничем»; толкование России в терминах континентальной срединности для любого исполнения МП не соответствует виду геостратегической перспективы.

Текущие печальные события разделили отечественную, европейскую, мировую жизнь на «до» и «после», где в «после» применительно к российской картине мира, как вытекает из сказанного, не остается простора никаким славяно- и европоцентристским настроениям.

Каковы идеократические опоры складывания предстоящего МП?

Наиблагоприятнейшее практическое последствие сообщает использование абстрактного отношения рефлексивности, получающего конкретное философско-политическое наполнение, – внутреннее сосредоточение: настала пора державного самоустремления России.

Определенную канву последнего в XIX в. намечал С. С. Уваров, в качестве реперов национального самостояния введивший триединство: православие, самодержавие, народность. Избегая оправдываемых лишь наносной конъюнктурой предвзятых оценок сути как самой формулы, так и ее незаурядного автора, отметим значимость присутствия в общественном сознании иницирующего идейного комплекса – комплекса духоподъемного самосознания, осуществляющего регулятивную, целеориентирующую функцию.

Независимо от негативного отношения к национальной идеологии части либерально ангажированной интеллигенции в тематизации роли национальной идеи возьмем за основу показательный мировой опыт.

Относительно суверенных народов национальные идеи предельно ясно, внятно:

- формулируют релевантные концепции бытия;
- обосновывают самобытность;
- вводят потребные образы роли, места, притязаний, согласно аутентичным целям;
- программируют схемы оптимального развития;
- категоризируют статус сообразно фразатур сопоставительных.

Национальные идеи версифицируют представительный перечень первостепенных сюжетов: каковы боги; люди; традиции; база идентификации; взгляды на будущее; – через призму чего нацеливают разрешение задач исторического, цивилизационного утверждения: чем нация обогащает, способна обогащать всечеловеческое прогрессивное шествие [Ильин 2020: 81–103].

Разные народы соотносят с собой служение разным святыням: евреи – вследствие наложенной на сынов израилевых печати божеской «благодати»; инки – вследствие этноцентристской идиомы «аунтанеуйо»; англичане – высокомерного «outlandish⁴»; японцы – «богоносности» потомков «сотворителей» солнца и моря; русские – «богоизбранности» всеспасающего народа и т. д. [Ильин 2021: 28]

Концептуальное и прагматическое здравомыслие никогда, нигде, никак не позволит поставить под сомнение необходимость продумывания темы «место

⁴ Заморский, странный (англ.)

нации во всемирной истории», в зависимости от версификации которой (философско-политическая апология) налаживается стратегия адаптированного к ней государственного устройства (социально-политическая технология).

Уязвимой эмоционально-волевой точкой, влекущей дальнейшие когнитивные и преобразовательные искажения в прецеденте России, оказывалась несообразная мессионистско-миссионистская идеология отечественного «спасительного» призвания – от третьего Рима до Третьего Интернационала. От монархизма до большевизма Россия озабочивалась решением не своих злободневных вопросов; в фокусе ее внимания, говоря фигурально, пребывало обихаживание «дальнего». Насколько же безупречна национально-государственная линия, ставящая во главу угла благо «чужого» в ущерб «своему»? Не оставляет ли желать лучшего, скажем, усилие «землю крестьянам в Гренаде отдать» при отсутствии решения земельного вопроса для собственного крестьянства?.. Вопрос риторический.

За эту политическую теургию, – по-соловьевски, – мистическую (конечно, реалии заслуживают более откровенной лексической квалификации) феерию созидания жизненной нови по «божественной» (в согласии с почвенной ревелиционной догматикой) истине уже в современности России объявляли «империей зла» (Р. Рейган); «государством-злодеем» (Дж. Буш-старший); «осью зла» (Дж. Буш-младший).

Предосудительный псевдоочистительный деидеологизаторский демарш предпринимали отечественные «прогрессисты» – записные либерал-демократические обструкционисты, – воспользовавшись неприятием населением вконец обветшавшей коммунистической идеологии, на волне конъюнктуры объявившие радикальный отказ от всякой идеологии, но насаждавшие разрушительную идеологию фронтального подчинения России Западу.

Ни как политическая философия, ни как политическая практика либерализм у нас не прижился. Между тем на всестороннюю дискредитацию его ушли годы; мы потеряли время, ресурсы, темпы, людей; мы чуть не потеряли Россию. Мы и будем ее терять, покуда не избавимся от наведенного дефицита идейности, немобилизованности национального духа, смущаемого проектами выполнения не своего мандата.

Зачем же искать в полом?

Почвенная архаика преодолена; европейский модерн – в развалинах (тот же Дж. Байден в бытность свою сенатором рассматривал США как «моральный центр» духовно оскудевшей Европы). Из отжившего и чужого невозможно почерпнуть ничего ценного; ценное пристало черпать в живом и своем (ср.: заемная парадигма разоруженческого «нового мышления», гиперболизирующая фиктивные «общеевропейские» – на поверку антироссийские – ценности).

На свое – животворящее – и обратил внимание государственный-патриот С. С. Уваров, подчеркивая державоорганизующую роль веры – власти – мира. Современная редакция вдохновительного триединства: Правда – Народ – Отечество.

Патриотичному народу нужна крепкая Россия, в чем и заключается высшая цивилизационная вселенская правда. Народ вожделем процветающего Отечества, – не славянства (Хомяков), не спасения Европы (Данилевский, Соловьев), не Востока (Леонтьев), не урока (Чаадаев), не Запада (либеральные космополи-

ты). Российский народ востребует обихожения державы, – вот содержание национальной идеи. Ничего лишнего, и все личное.

Россия в перипетиях своей богатейшей истории обеспечивала государственность Финляндии, Латвии, Литвы, Эстонии, Польши, Румынии, Молдавии, Болгарии, Югославии, Азербайджана, Армении, Грузии, Таджикистана, Туркмении, Узбекистана, Киргизии, Казахстана, Белоруссии, Украины, поучаствовала в становлении, возрождении КНР, КНДР, Вьетнама, Греции, Алжира, Кубы, Израиля, Анголы, Никарагуа, Мозамбика, Швейцарии, Австрии, Чехословакии, Германии, Египта, Сирии.

Многое многими забыто. Сносят памятники, уничтожают свидетельства, напоминающие об утверждении настоящего в прошлом. Бог всему судья.

Нам же пора начать думать о себе, собственном упорядочении. К подобному судьбоносному повороту и приурочивается идеократически адекватно обеспеченная выработка нового МП.

Отбрасывая экивоки, мировой порядок есть всеобщий порядок, отображающий имманентную тягу сапиента (носителя разумного начала, а потому – высшей сферы мироздания) к единству, закону, справедливости. Насколько достижимо потребное? При попытке придать ему эмпирически обоснованное содержание проблематизируются все атрибуции:

– имманентность: общество как ассоциация свободных индивидов, преследующих частные цели, входящие в столкновение с однопорядковыми мотивами поведения себе подобных, – антагонистично в соответствии с объективным механизмом человеческой природы. На данном резоне отвергается пасторальная идиллия «естественного состояния» (Руссо): люди, может, и желают согласия, однако же могущественная природа требует раздора [Кант 1966: 22]; – лишенное внутренних противоречий социальное сущее безудержно, безнадежно косно, не имеет шансов эволюционировать в лучшую сторону;

– разумность: из протекшей многовековой всемирной истории ни один знак не позволяет в качестве доминанты вывести правило претворения невоенного состояния [Ильин 2022]. Чем дальше – тем больше войны обретают черты античеловечности, неразумности. Если в отменяющих разумное войнах все-таки искать признаки разума, на примерах военных действий американцев, украинцев, не гнушающихся использовать в борьбе не столько с противником, сколько с мирным населением напалмовые, касетные, фосфорные, ядерные, биологические, химические боеприпасы, становится очевидно: современные войны демонстрируют полное человеческое неразумие;

– «механизм природы»: как популяция человечество подвержено действию не естественного, но гуманитарного отбора, устои которого мы сами себе учреждаем. Суть в том, однако, что коллективный самоконтроль как таковой неэффективен, неработоспособен. Довольно сослаться на некатегоричность инструментов деятельности всех всемирных организаций – в первую очередь ООН с блокирующим правом вето постоянных членов Совета безопасности.

Основные философские платформы конструирования политического единства человечества сводились к активизации ресурсов:

– общественного договора (принципы политического права), – используя мысль Ж.-Ж. Руссо: все принимают на себя обязательства на одних и тех же условиях, и все пользуются одинаковыми правами;

– всепланетарного мирного союза, – используя мысль И. Канта: не по моральному совершенствованию, но по механизму природы канализируются бытующие в народе столкновения немирных устремлений, подчиняющие принужденно осуществление состояния мира [Кант 1966: 286];

– скачка из царства необходимости в царство свободы, – используя мысль К. Маркса: революционное освобождение труда, обслуживающее человеческое совершенное саморазвитие.

Реальность оказалась сложнее, на поверку – ужасней.

Всечеловеческое разумное состояние мира перестало выглядеть осуществимым. Обнажились культурные, цивилизационные, традиционные различия народов, предобусловившие автономизацию, сепаратизацию их местонахождения, месторазвития в мир-системе.

Дело усугубилось вступлением человечества в современную полосу глобального дефицитного существования. Не размениваясь на мелочи, каждая страна – государство – нация очутилась один на один с проблемой жизнеобеспечения.

Китаю, Индии требуется накормить по 1,5 млрд граждан. В Нигерии и Эфиопии (по самым осторожным подсчетам) за 50 лет (с начала текущего века) ожидается прирост населения почти на 130 % и 110 % соответственно. В Пакистане (к тому же сроку) прогнозируется увеличение численности населения в три раза с возрастаянием его плотности до 450 человек на кв. км, *etc.*

Несмотря на всеобщее приглашение вкусить счастья, полноты жизни в духе западной модели государства «всеобщего благосостояния», последнее расценивается мировым сообществом (прежде всего странами Юга) как следствие несправедливого асимметричного мироустройства. Нуждающиеся вместо хлеба получают камни. И это в ситуации, когда весь Запад потребляет 3/4 сырьевой продукции в мире. Живущий за счет остального мира «золотой миллиард» привык ни в чем себе не отказывать.

Учитывая повсеместно идущие или намечаемые глобальные протесты, экспроприации, конфигурации на базе однополюсной (а); блоковой (в); континентальной (с) гегемонии себя исчерпали:

(а) – по причине всесторонней девальвации атлантизма, неспособного выполнять выгодную только ему роль мирового жандарма, объективным замещением его автономными центрами силы-влияния;

(в) – по причине политической децентрации, суверенизации интересов, требующих институциональных форм диверсифицированного удовлетворения (от борьбы с пандемией до соперничества за доступ к источникам жизнеподдержания и признания);

(с) – по причине локальности: достигнутая к настоящему духовно-практическая технологическая универсализация воспроизводства человеческих отношений: 1) исключает изоляцию невсеобщих – «схлопывающихся», превращающихся в «черные дыры» – пространств, невыдворяемых из коммуникативного процесса государств-изгоев, «серых зон», с которыми так или иначе поддерживается диалог; 2) допускает избирательную непродолжительную солидаризацию – западный

бойкот современной России на фоне одобрения ее стратегического курса непро-западной частью ойкумены; 3) противится консервации наличного дискриминационного *status quo*, – привилегированная ситуация вестерна стимулирует протестное поведение за ресурсный передел мира с ликвидацией бесосновного европейского «права» жить за счет остальных.

С позиции категориальных диспозиций искомый МП каким-то образом должен олицетворять «понимаемое в понимающем» [Хомяков 1900: 295], которое, принимая во внимание существо обсуждаемого, обременяется следующим:

- глобальные ТНК управляют ресурсами;
- неглобальные государства управляют народными территориями (вырожденный случай национального государства – киевский режим, – безнародная форма территориального управления);
- глобальный МП обязан сочетать управление ресурсами с управлением народными территориями, увязывая тем самым глобальные и локальные функции управления и не препятствуя вступлению в конфликт глобализации и этатизации [Ильин 2022: 56].

С категориальной – концептуальной – точки зрения, подобным кондициям удовлетворяет региональное районирование мира: не однополярность, не двухосность (классическая геополитическая пикировка теллури-, талассократий), не континентальность. Региональность – многоосное мироустройство на базе мобильных коммуникативных единств, становящихся как системы сопряженных, реци-прокных по жизнепроизводству пространств-регионов.

Очертания современного МП обуславливает тенденция – региональная (кластерная) корпорация [Ильин, Ахиезер 2000: 129].

С позиции «понимаемого в понимающем» региональный корпоративизм *ex confesso*⁵ означает переход к многополюсности. Более или менее выпукло про-сматриваются абрисы:

- объединенная Европа (классическая римская панидея);
- усиливающаяся, все более входящая в геостратегический раж *sit pro ratione voluntur*⁶ Турция (классическая туранская панидея);
- начинающая возвращаться за своими и за своим (перефразируя выражение О. фон Бисмарка) в покрытии евразийского контура Россия (классическая русская панидея);
- активизирующийся в восточноазиатском пространстве Китай (набирающая силу Поднебесная – великоханская панидея).

Отчетливо складывающуюся картину пытается редактировать стремящийся к вселенской гегемонии атлантизм, препятствующий материализации двухосной тенденции: регионализм – многополюсность.

Сила без разума, как известно, рушится под собственной тяжестью. Воюющий со всеми за приоритетность своих интересов американизм становится *Terra pondus inutile*⁷. Дни его сочтены. Бросаются в глаза такие расклады:

⁵ Несомненно (*лат.*).

⁶ Пусть доводом будет моя воля (*лат.*).

⁷ Бесплезное бремя земли (*лат.*).

1. Откровенно, прямолинейно США противостоят сильной России; независимому Китаю; единой Европе. У них нет союзников.

2. Национальные преимущества США – владение расчетной мировой валютой; обладание информационной, технологической, военной мощью. Вытекающие из этого уязвимости: потенциальное изменение девизной политики – дискредитация доллара как международной валютной единицы; обвал ФРС вследствие роста инфляции, увеличения национального долга, наращивания необеспеченной денежной массы, кредитного перегрева.

США находятся в преддверии серьезной угрозы запуска внутреннего кризиса, являющегося эффективным средством их глобального невоенного сдерживания.

По известному историческому несообразию: имперские континентальные теллуракратии (Франция, Германия), пытаясь взять верх над имперской островной талассократией (Великобритания), предварительно тщились покорить Россию, – и находили здесь бесславный конец. Стародавнюю избитую партию пробуют в современности разыграть США: грядущую неизбежную войну с главным геостратегическим противником – Китаем – они предваряют превентивной борьбой с Россией.

Не басня, – история учит. Вернее, должна учить.

Воистину коротки умы, не желающие извлекать из истории поучительных уроков. Никакому столкновению кого-то с кем-то не следует предпосылать пикировку с Россией; для инициатора это затея гибельная.

И Франция, и Германия не разобрались с Великобританией, найдя упокоение в России. Не разберутся с Китаем и США, воюющие с Россией чужими руками (до последнего украинца), но близоручо растрачивающие свой наступательный национальный потенциал.

Втягивание в сшибку с Россией фатально: оно обрекает на полный провал опосредуемые ей дальнейшие сколь угодно амбициозные планы. Помимо подкрепления опытом, мысль поддерживается модельным представлением событийно правдоподобного.

Оттолкнемся от капитального. В первой квинтиле XXI в. на долю человечества выпало купирование сугубого испытания: сырьевого дефицита, точечного перенаселения, обусловивших падение уровня жизни, обострение социальной напряженности, конфронтации бедленд – гудленд со всеми вытекающими отягощениями [Ильин 2022].

Прямолинейный – оказавшийся пробным – рецепт развитой части мира, некогда концептуально намеченный Т. Мальтусом, прорежение популяции, принудительное (по синдрому Сатурна) сокращение численности населения искусственно (как предположительно установлено по оказавшимся в руках общественности свидетельствам) выведенной коронавирусной инфекцией.

Задним числом возможно констатировать: по разным причинам рычаг пандемии себя не оправдал. Инициация противостояния «тело – дух», «природа – культура» в очередной раз подвела к обратному. На пути столкновения жизнеподдерживающих антитез ничего планируемого достичь невозможно. С начала 2022 г. вселенский коронавирусный депопуляционный «проект» закрыт (в чем убеждает стремительное повсеместное и безболезненное свертывание карантинных мер);

с того же момента запущен гораздо более изощренный по мизантропичной стати глобальный проект противопоставления истории – географии.

Нерв универсальной конфликтности современного существования, как неоднократно нами указывалось [Ильин 2009], – не межконфессиональные, не межцивилизационные дразги; нерв универсальной конфликтности нашего времени – борьба за пространства, не успешную стать историей географию.

Наш предшественник И. Ильин как на бремя, препятствующее поступательному страновому прогрессу, указывал на бескрайность, неосвоенность, необходимость российских просторов [Его же 1991: 12–13]. Национальное пространство, державная территория – не бремя, а достояние, залог вселенского величия. И на него с завидным рвением покушаются стервятники со всех сторон горизонта, прежде всего с Запада.

Эпоха «дешевой» комфортной жизни в Старом Свете заканчивается. Предвидя собственный закономерный «закат», ресурсоистощенная, опустошенная Европа реанимирует порочный традиционный ход. Топологически социально-политическое многообразие векторизовано, – с определенной периодичностью воспроизводится экспансивное привилегированное движение: колонизация идет с запада на восток, поневоле натываясь на громаду России.

Видимо, корректируя неудавшиеся в прошлом лобовые аннексионистские марши (предводительствуемые то Германией, то Францией безоглядные расширения римской панидеи), Запад избрал более витиеватую тактику наступления: удары не в лицо, а в спину наносит не он, а те, кого раньше Россия, как саму себя, защищала грудью.

Перелицовка политического антуража культивирует из бывших фрагментов России анти-Россию. Таковы в качестве овеществленного – страны Балтии, Грузия; на очереди – Молдавия; в качестве неовеществленного – Белоруссия, Казахстан. Апекс атлантической геополитической реификации – Украина, превращенная в антипод России.

Исход глобальной, почти избежавшей вступления в горячую фазу третьей мировой холодной войны (под личиной необъявленной фронтальной борьбы атлантизма с Россией) решается теперь на полях сражения России с созданной ей Украиной.

Как ни прискорбно сознавать, в антироссийском интерьере у Украины нет будущего. Россия породила, Россия и убьет ставшую ненужной свою креатуру. Россия способна терпеть долго и много, но не беспрестанно; она медленно запрягает, но быстро едет.

Срывая все и всякие драпировки, инициированный Западом локальный конфликт двух славянских стран, имея целью державное ослабление России, обслуживает сверхцель – глобальную задачу: обеспечить привычно комфортное существование Запада в дефицитном мире. Действительно, планетарная ресурсная база способна прокормить около 9 млрд землян. По подсчетам, контрольная цифра достигается к 2050 г. Поскольку механизм сокращения численности населения, спровоцированного пандемией, себя не оправдал, актуализируется сценарий разрыва базовых пищевых цепочек (чем превентивно – уже с 2015 г. – озаботился фонд Рокфеллера). Необъявленная война Запада России на украинском театре действий рассчитана на установление контроля:

(а) над Юзовским бассейном, разработка которого способна удовлетворить энергетические потребности Европы прокачкой сланцевых углеводородов;

(в) эксплуатацией плодородных черноземов, способных удовлетворить продовольственные потребности Европы поставкой зерна, сахара, растительного масла, кормов (рапс, соя) для скота;

(с) производством удобрений, необходимых для ритмичной работы агропромышленных комплексов.

(А-с) вкуче демонстрируют: Западу нужна не Украина как таковая (что старательно пытается скрыть призывающая к «уважению государственного достоинства» двурушная атлантистская пропаганда), а ее территория. И желательно без балласта – проживающих там граждан.

Свое орудие урезонивания не умеющих властвовать собой атлантистских мечтателей предъявила Россия, отстоявшая Белоруссию, Казахстан (без чего ход событий обрел бы совершенно иную форму) и развернувшая вынужденную специальную военную операцию по санации стратегической обстановки. И на Украине, и в мире.

Украина – предлог. На ней сошлось множество интересов; соединенные своими концами, они замкнули цепь; произошло образование не предусмотренного стандартным порядком возбуждающего контакта. Открылся кратчайший путь утраты былого, самоутраты.

Каким сквозь туман вражды провидится завершение беспощадной битвы за сырьевой передел мира не в пользу России? Чем закончится наведенная сшибка истории с географией?

Разумеется, компромиссом, означающим учреждение нового согласованного МП.

С каким балансом готовятся войти в него основные лицедеи разыгрываемой политической пьесы?

ЕС. Актив: в качестве санкционного (недолговременного) трофея оштрафованные 300 млрд долларов российских валютных средств; агрессивный разрыв кооперации по всем азимутам взаимодействия с Россией; политическое, военнотехническое давление угрозой дальнейшего нагнетающего конфликтности расширения НАТО, милитаризация сопредельных стран; провоцирование террористической деятельности на пространстве России. Пассив: сокращение товарного ассортимента, повышение цен, дестабилизация логистики, поставок продовольствия, промышленно необходимого сырья; надвигание угрозы рецессии; снижение уровня жизни; рост протестного поведения.

США. Актив: расширение сферы мирового влияния ужесточением политического, военнотехнического, организационного контроля Европы; эффективизация военно-промышленного комплекса. Пассив: усиление гражданского брожения – следствие недовольства населения: а) снижением стандартов комфортной жизни; в) вопиющей некомпетентностью политического управления, повлекшей раскол государственных элит, разбалансировку отлаженной системы руководства страной.

Украина. Однозначно-универсально отрицательное сальдо: обслуживание чужих интересов обусловило полнейшее разорение государства, окончательную деморализацию, обнищание народа. Невзирая на бессмысленные, но упорные

тщания советского руководства (Ленин – Сталин – Хрущев) превратить Украину в самостоятельное государство инициацией державности, в том числе беспардонной передачей все новых и новых земель, Украина не обрела государственности, оставшись территорией – конгломератом наделов, заселенных культурно несопряженными, ментально разобщенными этногруппами со своими идентификационными кодами. Окончательный обвал украинской государственности маркируется запущенным после 1991 г. радикальным силовым проектом форсированной коренизации страны. Государственно-политической национально-культурной унитарности населения на базе шовинизма и русофобии достигнуто не было. В качестве естественной противительной реакции на насилие пошла открытая и скрытая сецессия, дезагрегация, венчавшаяся отложением Крыма, сепаратизацией Донбасса, социально-психологической, поведенческой фрондой жителей, отмеченной трагическими событиями в Одессе, Харькове, Мариуполе и др.

Россия. Актив: страна подверглась процессу очистительной ферментации внутренней обстановки за счет ликвидации офшорной олигархии, выгодной скупки акций системообразующих предприятий с бывшим участием иностранного капитала; демонстрация мощи; создание предпосылок самососредоточения; возрастание геополитической роли в незападной части мира; конец государственной постсоветской смуты 1985–2022 гг. (интересна аналогия: послепетровская смута 1725–1767 гг. также длилась 37 лет); население России научилось гордиться своей страной; наконец, отчетливо усвоенный урок: в отсутствии работоспособных народно-демократических институтов в угоду конъюнктурно настроенным правителям недопустимо растрачивать невосполнимое богатство – национальную географию (ср.: в 1918 г. по Брестскому миру Россия утратила 780 тыс. км² с 56 миллионами – 1/3 населения; в 1991 г. по Беловежскому договору Россия утратила 1 млн км² с 75 млн человек [из них 18 млн – русские; 25 млн – русскоязычные]). Пассив: спад промышленного производства; рост инфляции; усиление безработицы; снижение стандартов быденного существования.

Предварительная оценка ситуации во всех втянутых в конфликт агентов действия подводит к выводу об активизации пресловутых четырех всадников Апокалипсиса в лице болезни, войны, голода, смерти, наступающих на гуманитарную организацию. Подрываются капитальные ценности родовой истории, по необходимости обеспечивающие простор прогрессивной самореализации, наращиванию свободы. Вопреки общеисторическим, общеродовым, общерациональным заветам, в первой квинтиле XXI в. обваливаются условия не то что поступательно-го, – любого развития. В пандемию человечество теряет тело, в набирающей обороты глобализирующей бойне оно теряет и тело, и душу. Западная котерия поставила на уничтожение великой России, – неразрешимая задача, грозящая разрушением самого человечества.

Хотя до окончания войны далеко, уже сейчас очевидна антагонизация трудно снимаемых цивилизационных проблем:

– углубляющегося и усугубляющегося противостояния частей человечества по осям Запад–Восток, Север–Юг, проявляющегося в неприятии несправедливой системы неравномерного, неравноправного доступа к жизнеподдерживающим ресурсам, гарантирующего их неправомерную утилизацию;

– угрозы голода – в текущий момент на грани истощения, голодной смерти порядка 120 миллионов человек, печальное число которых неизмеримо возрастет в случае срыва посевной кампании в районах Украины – России, сбоя поставок зерновых, масличных, удобрений, рапса, сои на корм скоту;

– стагнации промышленности объявлением ответных российских санкций на экспорт сырья (углеводороды, уран, редкоземельные металлы и пр.);

– разбалансирования принятой финансовой (Бреттон-Вудской) системы – отказом от использования доллара в качестве мировой зачетной и расчетной валюты (серьезный симптом – вывод из США 600 млн долларов государствами Персидского залива);

– роста протестных настроений в западно-северной (снижение стандартов существования, затратный наплыв беженцев, разрушение иллюзий несбывшейся мечты – «единого европейского дома») и восточно-южной (тотальное обнищание) частях ойкумены, ставящего человечество на порог войны за товары первой необходимости.

«Учитесь властвовать собой», – назидает А. С. Пушкин. Во избежание провала в архаику, ситуацию планетарного хаоса настала пора договариваться. Совершенно объективные императивы реалий, предотвращающие впадение в состояние *massa damnata*⁸, обязывают идти на трудные – вынужденные компромиссы, намечающие силуэты более чувствительного к запросам фигурантов международного взаимодействия глобального МП.

Когда нет возможности победить, следует не ждать, кто первый отступит, – следует достигать консенсуса. Для народов Запада долговременная поддержка Украины непосильна. Для народов России война с Украиной не является дестабилизирующей: старшее поколение еще помнит плохую жизнь, молодое пока не привыкло к хорошей.

Война для России – предлог для мобилизации, а не деморализации населения, консолидирующегося единством народа – государства, живущим по законам унитарной державности; низов – верхов, живущим по законам унитарной моральности. В годину испытаний Россию нельзя победить Россией; значит, – ее нельзя победить.

Сказанное подводит к платформе взаимоучета интересов конфликтующих сторон – парадигме равной, неделимой безопасности, отстаивающей не разрушение, а созидание жизни. С позиций принципиальных философских рассмотрений последнее поддерживается конструктивной идеей разграничения *dominium directum*⁹, – обновление МП осуществляется на принципах:

– регионализации мира – обеспечения представления интересов стран по политико-географическому признаку – учетом автономных ценностей иррадиированных кластеров;

– безблоковости;

– надлежущей реорганизации ООН, Совета безопасности, проводящих волю не исключительности и диктата великих держав, но всей полноты цивилизации.

⁸ Проклятая масса (*лат.*)

⁹ Прямое владение (*лат.*)

Перефразируя мысль И. В. Гёте, в завершение скажем: падения тронов нас не трогают; разоренный крестьянский двор – вот истинная трагедия. Новый глобальный мировой порядок должен быть кратчайшим путем к торжеству жизнеподдерживающих устоев, не допускающих самоутрату в условиях отправления медленных, малых трудов по обустройству обыденной жизни в поддержании порядка в пределах собственного двора, своего дома.

Литература

Ильин И. А. О грядущей России: избранные статьи. М. : Воениздат, 1991.

Ильин В. В. Мир Globo: вариант России. М. : КДУ, 2009.

Ильин В. В. Философское сегодня // Российский гуманитарный журнал. 2020. № 2. С. 81–103.

Ильин В. В. Метафилософия. Поэтика философии. М. : Проспект, 2021.

Ильин В. В. Философия кризиса. Человечество на пороге катастрофических перемен. М. : Проспект, 2022.

Ильин В. В., Ахиезер А. С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2000.

Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 6. М. : Мысль, 1966.

Соловьев В. С. Собр. соч.: в 9 т. Т. 1. СПб. : Обществ. польза, 1902.

Хомяков А. С. Полн. собр. соч.: в 8 т. Т. 1. М. : Унив. тип., 1900.

References

Ilyin I. A. O gрядushchey Rossii: izbrannye stat'i [About the Coming Russia: Selected Articles] / ed. by N. P. Poltoratskiy. Moscow : Voenizdat, 1991.

Ilyin V. V. Mir Globo: variant Rossii [The World of Globo: A Variant of Russia]. Moscow : KDU, 2009.

Ilyin V. V. Filosofskoye segodnya [Philosophical Today] // Rossiyskiy Gumanitarnyy zhurnal. 2020. No. 2. Pp. 81–103.

Ilyin V. V. Metafilosofiya. Poetika filisofii [Metaphilosophy. Poetics of Philosophy]. Moscow : Prospect, 2021.

Ilyin V. V. Filosofiya krizisa. Chelovechestvo na poroge katastroficheskikh peremen [Philosophy of Crisis. Humanity is on the Verge of Catastrophic Changes]. Moscow : Prospect, 2022.

Ilyin V. V., Akhiezer A. S. Rossiyskaya tsivilizatsiya: sodержanie, granitsy, vozmozhnosti [Russian Civilization: Content, Boundaries, Possibilities]. Moscow : MSU Publishing, 2000.

Kant I. Soch. [Works]: in 6 vols. Vol. 6. Moscow : Mysl', 1966.

Solovyev V. S. Sobr. soch. [Collected Works]: in 9 vols. Vol. 1. St. Petersburg : Obshchestvennaya pol'za, 1902.

Khomyakov A. S. Poln. Sobr. soch. [Complete Works]: in 8 vols. Vol. 1. Moscow : Univ. tip., 1900.

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

НООСФЕРНАЯ ПАРАДИГМА ГЛОБАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕДИАПРОСТРАНСТВА

Шарков Ф. И.*

Актуальность исследуемой проблематики обусловлена необходимостью раскрыть причины расширения границ и усложнения структуры глобальных политических коммуникационных сетей и их ноосферной трансформации. В расширяющемся политическом пространстве выделяются глобальные коммуникационные компоненты, функционирующие под воздействием сформировавшихся императивов. Рассматриваются различные варианты толкования понятий «глобальная коммуникация», «глобальная политическая коммуникация», «глобальное политическое медиапространство», дается авторская дефиниция. Новизну представляет рассмотрение факторов глоболизирующегося медиапространства и его политической составляющей. Автор призывает планетарное политическое сообщество не допустить превращения глобальной политической медиасферы в полигон разжигания антагонистических противоречий глобального масштаба. Возможность такого негативного сценария развития глобальных коммуникационных процессов вызывает у автора мнение об уже начавшемся процессе нарушения экологии политической компоненты глобального медиапространства. Такое экологическое развитие глобальной сферы приводит к возникновению антагонистического противоречия между глоболизирующимся политическим медиапространством и гуманизмом ноосферной цивилизации.

Ключевые слова: медиапространство, политическое медиапространство, парадигма, ноосферная парадигма, пространство глобализации.

THE NOOSPHERIC PARADIGM OF GLOBALIZATION OF POLITICAL MEDIA SPACE

The relevance of the studied problem is determined by the need to reveal the reasons for expanding the borders and complicating the structure of global political communication networks and their noospheric transformation. In the expanding political space global communication components that function under the influence of established imperatives are highlighted. Various interpretations of the concepts

* Шарков Феликс Изосимович – д. соц. н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, проф. кафедры социологии факультета международной журналистики МГИМО МИД России. E-mail: sharkov_felix@mail.ru.

Felix I. Sharkov – Dr. Soc. Sci, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor, Department of Sociology, Faculty of International Journalism, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. E-mail: sharkov_felix@mail.ru.

“global communication”, “global political communication” and “global political media space” are considered and the author's definition is given. A novelty is consideration of the factors of the globalization of media space and its political component. The author calls on the planetary political community to prevent the transformation of the global political media sphere into a ground for inciting antagonistic contradictions on a global scale. Fear of the such a negative scenario's possibility for the development of global communication processes causes the author to think about already begun process of violating the ecology of the political component of the global media space. This ecological development of the global sphere leads to an antagonistic contradiction between the globalization of the political media space and the humanism of the noosphere civilization.

Keywords: *media space, political media space, paradigm, noosphere paradigm, space of globalization.*

Социальные коммуникации стали возможными благодаря разуму, который расширяет границы коммуникации до пределов глобальной сети, а виртуальные – до бесконечности. Тем не менее даже глобальные коммуникации, затрагивающие различные сферы жизнедеятельности, осуществляются в конкретных границах и в определенных направлениях. Например, в последние годы приобрели глобальный характер миграционные потоки, направленные из развивающихся в развитые страны. Резкое изменение климата на планете не только ухудшило экологическую ситуацию, но и затронуло одновременно социокультурные, экономические и политические аспекты международных коммуникаций, выводя проблему на глобальный уровень [Мамедов 1982; 2003]. Все эти вызывающие тревогу у всего человечества процессы требуют принятия мер по установлению новых правил, упорядочивающих коммуникации в политическом медиaprостранстве.

В различных моделях информационно-коммуникационных систем имеются свои требования (императивы). Под императивами подразумеваются предписания нравственного характера, значимые для общества или глобальных общественных формирований. В коммуникациях, осуществляемых в глобальных масштабах, особенно важно взаимопонимание между коммуникантами, в качестве которых выступают представители различных культур, этносов, конфессий. При этом нельзя игнорировать морально-этические императивы. В последние годы в политических коммуникациях, осуществляемых в медиaprостранстве, к сожалению, все чаще наблюдается неуважение установившихся международных правил, а также иной точки зрения.

Расширение пространства глобализации

Поскольку пространство глобализации непрерывно насыщается огромными массивами информации и охватывается новыми моделями коммуникации, глобальное управление немислимо без наличия сформировавшихся информационно-коммуникационных моделей, отвечающих на глобальные вызовы современности. В связи с этим в последнее десятилетие активно продуцируются новые и конвергентные медиа, которые становятся одним из основных источников преобразования глобальной коммуникации. Т. Левитт, американский профессор из Гарвардского университета, отмечает процесс глобализации рынков и коммуникаций, унификации мира, при котором «вкусы и потребности людей становятся все бо-

лее сходными, возникают общие глобальные стили жизни и потребностей» [Levitt 1983]. Пространство осуществления коммуникации и обмена информацией все больше расширяется и предоставляет возможность доступа к глобальной информации практически из любой точки мира.

На основе анализа различных источников, рассматривающих глобальные процессы и развитие медиасферы, выделим основные признаки, характеризующие стадию сформированности глобального медиапространства: 1) наличие многообразия типов, видов, форм и моделей коммуникаций и передачи информации; 2) постоянное увеличение возможностей обращения людей к различным информационным каналам; 3) появление гиперконцентрации медиаисточников в мегаполисах; 4) возможность доступа посредством стационарных и/или мобильных средств к информации практически из любой точки земного шара; 5) наряду с быстрым ростом СМИ, создаваемых на интернет-платформе, почти всеобщее дублирование контента всех классических СМИ в интернет-пространстве; 6) рост числа интерактивных и социальных медиа и охвата ими населения; 7) лавинообразный рост участников сетевых коммуникаций, формирующих свой собственный контент; 8) быстрый рост числа пользователей Интернета в отдаленных частях Земли. В информационно-коммуникационном пространстве пересекается контент экономического, социокультурного и политического характера.

Политическое пространство как важный фактор геополитики

В современных противоречивых условиях развития глобальной сферы политической компонент информационного пространства стал играть главную роль в протекающих общественных процессах, формируя свое относительно самостоятельное политическое пространство. Можно утверждать (в узком понимании), что социальное пространство, насыщенное политическим содержанием, и есть политическое пространство, сформированное в пределах расширения информационно-коммуникационного носителя.

Российский политолог, политик и предприниматель, доктор политических наук, профессор Г. Ю. Семигин отмечает, что под воздействием геополитического подхода в современной науке сформировалось представление о политическом пространстве как о «реальной протяженности территории, на которую распространяется исторически обусловленная политическая жизнь или политическое влияние» [Семигин 1999: 296]. Такое толкование политического пространства как территориально обусловленной политической жизни и как совокупности политических событий, совершающихся в определенном месте, отвечает привычному восприятию пространственно-временной обусловленности глобальных процессов, включая политические.

Здесь представляется логичным более подробно рассмотреть понятие и сущность политического пространства. Существует два основных подхода к рассмотрению проблематики политического пространства. Первый подход сложился в рамках геополитики, которая традиционно оперирует категориями, раскрывающими территориальную обусловленность политических процессов. Как известно, один из основоположников геополитики, шведский государствовед и геополитик Рудольф Челлен, назвал геополитикой «науку о государстве как географическом организме, воплощенном в пространстве» [Kjellén 1916]. Этот подход сформиро-

вал представление, что политическое пространство можно выделить на основе наложения политических процессов на параметры физического (географического) пространства. Именно этой проблематикой, по мнению М. В. Ильина, должна заниматься геополитика, которая по своему содержанию есть «знание (учение) об организации политики в качественно определенном пространстве» [Ильин 1998: 82]. Иначе говоря, в глобальном политическом пространстве в пределах определенной территории разворачиваются политические действия, формируются политические структуры. Такой подход позволяет описывать соотношения действий одних политических акторов с другими, наблюдать за разворачиванием политических процессов, а также выделять траектории развития, наблюдать и описывать степень физической удаленности друг от друга участников политических процессов.

«В качестве цели политической жизни политическое пространство предстает как важный фактор “геополитики”... Современная геополитика стремится обеспечить многообразие форм политической жизни этносов и народов и отказывается от объявления их геопространства зоной жизненных интересов того или иного государства. Величие государства заключается не в увеличении размеров своей территории силовыми методами, а в расширении демократического политического пространства – с помощью повышения уровня и качества жизни как социальных и национальных сообществ, так и отдельного человека» [Семигин 2001].

Влияние свободы Интернета на свободу собраний, мнений и право на проведение свободного голосования являются «ключевыми столпами политического пространства. <...> В полностью демократическом обществе политическое пространство – это область, в которой может происходить неограниченное членение, и организация, и где политическая власть, используя государственные структуры, не может произвольно контролировать или подавлять волю народа» [Ткачева]. Политическое пространство превращается в арену, на которой постоянно обмениваются информацией все политические субъекты с населением. Однако взаимодействие в этом пространстве далеко не всегда происходит на демократической основе и на принципах взаимопонимания и признания моральных ценностей глобального политического медиапространства.

Расширение политических границ в медиапространстве

Развитие информационно-коммуникационных технологий, превращение коммуникационных сетей в основу глобального управления требует установления общезначимого мирового предписания в виде некоего мирового кодекса коммуникации. «Все более актуальной является задача установления взаимопонимания между представителями различных культур и социумов, то есть задача успешной социально-культурной коммуникации» [Шаповалов 2010: 18]. Одним словом, глобализация политического медиапространства выдвигает новые императивы, среди которых важнейшим является моральный императив. Общезначимое моральное предписание в социокультурной коммуникации означает необходимость признания ценностей глобальной коммуникации как основы мирного сосуществования народов, культур, конфессий в социетальном измерении [Чумаков 2011: 174–180].

Развитие средств массовой информации и коммуникации известный в мире ученый Никита Моисеев связывает с формированием нового гомеостаза: «Коммуникационные потоки и сама коммуникация (пожалуй, во всех смыслах ее со-

временной универсальности) на наших глазах превращается в глобализующий фактор и средство развития... Изменение системы нравов должно вести к превращению СМИ в составную часть Коллективного Разума, более того – в важнейший механизм самоорганизации общества, направляющий его развитие на формирование нового гомеостаза» [Моисеев 1990: 77, 89].

Научно-понятийный аппарат, позволяющий адекватно толковать процессы всеобъемлющей глобальной коммуникации, не был сформирован вплоть до середины XX в. При всей кажущейся однозначности понимания термин «глобальная коммуникация» до сих пор подвергается авторами различным интерпретациям.

Маджид Теграниан, профессор Гавайского университета, описывает глобальные коммуникации как коммуникации в различных сферах общества: «Глобальная коммуникация – это термин, используемый для описания различных способов коммуникации в географических, политических, экономических, социальных и культурных сферах» [Tehraniyan 1999]. Автор статьи соглашается с толкованием глобальной коммуникации Санкт-петербургским профессором О. Л. Гнатюк: «Глобальная коммуникация связана с процессами глобализации, с появлением новых технических средств передачи информации. Это коммуникация, охватывающая огромную часть человечества в транснациональных масштабах по всему миру. Одной из систем глобальной коммуникации выступает Интернет» [Гнатюк 2013: 65].

Глобальные императивы межнациональных медиапространств

Границы национальных медиапространств в условиях глобализации становятся размытыми. Коммуникационное пространство практически каждого из развитых государств, которые обладают мощной информационно-коммуникационной инфраструктурой, становится экстерриториальным, носящим глобально-сетевой характер. Мировая сеть обеспечивает доступ представителей различных политических структур и культур к голосовой, визуальной, письменной информации, одновременно предоставляя возможность пополнять сеть актуальными сведениями.

Среди глобальных императивов коммуникаций, осуществляемых в различных сферах жизнедеятельности человека, важнейшими являются социокультурный и политический императивы. «Взаимопонимание между представителями различных социумов и носителями различных культур все более затрудняется и грозит подойти к той опасной черте, за которой неминуемо произойдут дезинтеграция и распад общества во всемирном масштабе» [Шаповалов 2010].

Итак, интенсивность информационно-коммуникационных процессов, протекающих в глобальном мире, вовсе не исключает, а, наоборот, усугубляет проблему взаимоотношений между представителями политических субъектов, различных культур и стран. Большой проблемой является сохранение социокультурной идентичности, требующее выработки новых императивов политического и межкультурного взаимодействия. Смогут ли предложить адекватную модель международных коммуникаций сформировавшиеся в последние десятилетия междисциплинарные научные направления – глобалистика, коммуникология, – изучающие проблемы глобализации и глобальных коммуникаций и их влияния на человека и природу [Чумаков 2016]? Для позитивного ответа на этот вопрос следует мобилизовать усилия не только представителей из числа известных теоретиков,

но и политиков-международников, а также межгосударственного политического менеджмента.

Глобализирующееся политическое медиапространство в ноосферном измерении

Для установления взаимообусловленности глобального медиапространства и ноосферно-информационного пространства приводится авторское понимание ноосферы. Ноосфера – буквально «сфера разума», или ментальная оболочка Земли – это термин, введенный в научный оборот Эдуардом Ле Руа, французским философом и учеником Анри Бергсона. Ноосферная концепция им формировалась в 1926 г. в Париже совместно с палеонтологом-иезуитом Пьером Тейяром де Шарденом и русским геохимиком Владимиром Ивановичем Вернадским [Вернадский 2013; Казначеев, Спириин 1990]. Толкование данного концепта в авторском изложении заключается в следующем. В основе первичного определения ноосферы лежит утверждение о том, что жизнь на Земле развивается в пространстве, составляющем цельную сферу, известную как биосфера. Кроме того, коллективный разум представляет собой некий «мыслящий слой» Земли, существующий в единстве со всей системой жизни на Земле, включая ее неорганические элементы. Из этих двух предпосылок вытекает утверждение о том, что развитие ноосферы определяет следующую неизбежную стадию земной эволюции, которая будет включать также преобразование биосферы.

Авторское толкование ноосферы и представление о переходе из биосферы в ноосферу в значительной степени вытекают не только из трудов П. Тейяра де Шардена и В. И. Вернадского, но и из парадигмальных оснований, изложенных американским физиком Оливером Райзером [Reiser 1973]. Попробуем суммировать эти точки зрения ниже в нашем понимании, что позволит впоследствии более четко изложить свою концепцию ноосоциетальной системы, сформулированную автором еще в 2000 г. в статье «Трансформация общества и природы в ноосоциетальную систему» в журнале «Народонаселение» [Шарков 2000: 78–90].

П. Тейяр де Шарден предвидел возникновение ноосферы в пиковый момент, именуемый точкой Омега. Мы бы назвали это утверждение гипотетическим, поскольку никаких доказательств и даже логических обоснований не приводилось. Данный момент является, как считает П. Тейяр де Шарден, результатом взаимодействий возрастающей активности человеческих сетей, создающих высокозаряженный «мыслительный слой». Тейяр де Шарден говорит о существовании планет с ноосферой – планет, в которых мыслящий слой развит в такой степени, когда он превращается в ноосферу, некую ментальную оболочку Земли. Эту оболочку ученый сравнивает с нервной системой, которая выполняет связующую (мыслящую) функцию. И эта ментальная оболочка находится в тесной взаимосвязи с коллективным разумом (у Тейяра де Шардена под коллективным разумом подразумевается сеть взаимосвязей по всей Земле). «Прежде всего следует учесть, – пишет он – что самым фактом индивидуализации нашей планеты с самого начала в земной материи была замкнута некоторая масса элементарного сознания. Только одно истолкование, только одно название в состоянии выразить этот великий феномен – ноосфера. Столь же обширная, но, как увидим, значительно более цельная, чем все предшествующие покровы, она действительно новый покров, “мыслящий

пласт», который, зародившись в конце третичного периода, разворачивается с тех пор над миром растений и животных – вне биосферы и над ней» [Тейяр де Шарден 1965].

П. Тейяр де Шарден описал продвижение биосферы до стадии техносферы, обосновал предпосылки для проявления ноосферы при развитии глобальной информационной сети Интернет – развитие геотехнологии. Эту стадию взаимодействия на глобальном информационном уровне посредством Интернета он называет предпоследней в развитии реального свободно функционирующего мыслящего слоя, то есть Интернет, по его мнению, является средством электронного соединения глобальной информационной сферы, созданной человеком, с ноосферой – информационной сферой, созданной природой без участия человека.

Трансформация общественных и природных явлений

Гипотетические утверждения Тейяра де Шардена согласуются с пониманием автора статьи этапов трансформации природных и общественных явлений, приводящих к возникновению и развитию ноосферы [Борзенко 2015]. Логически можно прийти к выводу о том, что все, что создано природой (включая человека и человечество), подчиняется законам природы, включая произведенное человеком и человечеством в целом. То есть, к примеру, человек не может создать артефакты, а человечество – планетарную цифровую информационную сеть на основе закономерностей, не существующих в данной природе. Соответственно, как общество, так и сеть Интернет, созданная людьми в пространстве земной природы, есть не что иное, как производное от самой природы. А это означает, что информационная система, сформированная в пределах земного пространства самой природой (совокупность излучаемых сигналов, объединенных в целостную систему), и информационная система (в данном случае – Интернет), созданная людьми и развиваемая человечеством, способны вступать во взаимодействие и совместно создавать информационно-коммуникационную систему более высокого порядка.

Человечество как часть природы

Понимание человечества как части природы требует дальнейшего осознания его места в ткани (структуре) природы. Деятельность человечества можно представить как развивающуюся нервную систему планеты и одной из активной частей ее мыслящей субстанции. Эту субстанцию по аналогии с мыслящим человеческим мозгом можно представить в качестве мозга планеты. Современные информационные технологии и сеть Интернет дают возможность формирования коллективного бессознательного, тем самым объединения с естественной информационной системой планеты (природы). Сама такая возможность исходит из того основания, что продукт природы и ее часть (человечество) функционирует по законам создателя (природы). Гуманисты утверждали, что люди должны понимать свою собственную природу и свое место в природной системе и выполнять свое предназначение. Такая интерпретация гуманизма также предполагает необходимость более тщательного изучения природы, общества и его порождения – коллективного разума [Борзенко и др. 2005].

Однако не все исследователи соглашались с возможностью единения совокупностей мыслей, даже помещенных в сеть Интернета, в единый разум. Так, Вла-

димир Каганов задается вопросом: «Можно ли в этих условиях говорить о каком-то коллективном разуме? Общение людей при помощи речи и других средств коммуникации (СМИ, искусство, сеть Интернет и т. д.) создает некое подобие коллективного разума, но этот разум не имеет субъекта, не персонифицирован, он лишь виртуально существует в некой социальной общности, проявляясь только в индивидуальном сознании» [Каганов]. В то же время он не исключает возможности интегрирования этих связей посредством компьютерных систем: «В век всеобщей компьютеризации интегрировать эти связи лучше любого человека могут компьютеры», не придавая, однако, такому единению статус единого Разума [Там же].

На уровне конкретного человека информация, переработанная в его сознании, трансформируется, воссоздается. Люди всегда жили в пространственно-временном континууме, расширенном и обогащенном потоками информации из самых давних времен. Говоря о направленности процессов, протекающих в пространстве в определенные промежутки времени, остановимся на рассмотрении понятия «стрелы времени», вводимого в оборот С. А. Кравченко [Кравченко, Салыгин 2015]. Вполне логично, что положительному направлению изменений можно было приписать знак «плюс», а отрицательному – «минус». Но если эта маркировка касается направления изменения времени, нужно зафиксировать факт, что время как исчисленное движение всегда увеличивается во всех направлениях пространства одновременно. Поэтому, по мнению автора статьи, более логично рассуждать не о «стреле времени», а о «стреле процессов». Можно приписать протеканию процесса положительный или отрицательный знак в зависимости от того, увеличивается или уменьшается во времени величина, описывающая некоторое свойство процесса. Знак протеканию процесса можно присвоить потому, что этот процесс происходит именно во времени. Выражаясь метафорически, природа говорит нам, что время «течет», но не говорит, в какую сторону. Время однонаправленно. В этом (и только в этом) смысле можно говорить о «потоке времени», о «течении времени». Но бессмысленно спрашивать, в каком направлении (положительном или отрицательном) оно течет. Время течет всегда в одну сторону, и это направление невозможно изменить. А скорость протекающих процессов в единицу времени можно изменить, что будет влиять на величину потраченной или приобретенной энергии в данном временном промежутке.

По представлению автора статьи, энергия пространства всех эпох накапливается в массе пространства, преобразующегося (движущегося) с определенной скоростью. Энергия самой планетной жизнедеятельности также подчиняется формуле $E = mc^2$, то есть зависит от скорости света и массы, включенной в эту жизнедеятельность. Даже более частные физические, химические, биологические движения (также и преобразования, как формы движения) подчиняются той же закономерности, однако в этой формуле скорость света заменяется скоростью движения (преобразования) той или иной массы ($E = mv^2$). Чем больше масса и скорость ее движения, тем больше ее энергия. Так, кинетическая энергия нашей планеты зависит не только от ее массы, но и от скорости движения вокруг своей оси и вокруг Солнца; энергия, получаемая при управляемом распаде ядер некоторых элементов, пропорциональна утраченной массе ядер, вступивших в реакцию до ее начала, а также зависит от скорости этого изменения (распада). При химических реакциях, например, горения, светового и теплового излучения, справедлива та же формула.

Здесь уместно остановиться на рассмотрении одной – этической по отношению человека к природе – проблемы инициирования процессов распада и соединения ядер некоторых элементов (термоядерного синтеза), которые невозможны в самой природе Земли, а возможны лишь при создании дополнительных условий. Говоря метафорически, здесь кроется скрытая бомба глобального саморазрушения, вплоть до уничтожения жизни на планете, а возможно, даже и самой планеты. Нужно тысячу раз взвесить, прежде чем запускать данные процессы, и определить возможные дальнейшие процессы, которые могут запустить процесс такого распада или синтеза. Одним словом, вмешиваться во взвешенные саморегулирующиеся природные процессы (что негуманно по отношению к самой *природе*) можно лишь, точно и определенно зная возможные как локальные, так и глобальные последствия. Одним словом, человечество должно выработать взвешенное ноосферное мировоззрение.

Однако, по мнению преподавателя факультета математики и статистики Питтсбургского университета П. Масани, экологическое движение потерпело неудачу в игнорировании ноосферного слоя Земли и того факта, что разрушающие жизнь взаимодействия, вытекающие из этого слоя, являются ненормальными, и что человек стал вести себя как падшее млекопитающее. Он считает, что «необходимы экологические меры, а не уклонение от них, на экономическом, образовательном, коммуникационном, эстетическом и политическом фронте» [Masani].

Выводы

Концепцию политического пространства ученые начали разрабатывать в контексте политической географии. Уже знакомая политико-географам концепция политического пространства в последнее время получила повышенное внимание в связи с необходимостью новых способов осмысления и описания акторов, структур и процессов, формирующих политику и модели управления в современном сложном мире после окончания холодной войны [Political... 2002]. Такая ситуация требует более тщательного исследования границ поля глобальной политики. Особенно это связано с тем, что медиапространство постоянно расширяется и усложняется по структуре. Оно вмещает в себя огромные информационные массивы, описывающие различные процессы, протекающие во всех сферах общества. Политическое медиапространство также постоянно трансформируется. Каналы мировой сетевой коммуникации превратились в масштабную арену для оспаривания новых политических границ и интересов, что стало более активно проявлять ускоряющийся трансформационно-глобализирующий процесс развития медиапространства.

Таким образом, структура политического медиапространства в глобальном медиарынке является перманентно изменяющейся. Направление глобализации медиапространства можно обозначить «стрелой процессов», то есть определять пространственно-временные изменения глобализационных процессов, происходящих в медиапространстве. Современные исследования подтверждают, что сети глобальных медиарынков характеризуются пирамидальной иерархией, сосредоточенной в нескольких европейских и североамериканских странах. Сохраняющийся дисбаланс на мировых рынках средств массовой информации в значительной степени объясняется прочными и стабильными связями между западными развитыми странами и поддерживается международными политическими и эко-

номическими контекстами, поскольку такая асимметричная структура власти на глобальных рынках средств массовой информации вряд ли изменится в ближайшем будущем. Поэтому странам третьего мира и глобальному обществу в целом необходимо найти новые подходы к развитию медиапространства и глобальных коммуникаций, которые должны радикально отличаться от того, что предлагают западные страны. В частности, в этих коммуникациях должен присутствовать баланс гражданского участия.

Расширение политического пространства, сконцентрированного в основном на электронно-сетевой платформе Интернет, и трансформация информационной системы ноосферного порядка в сторону их интеграции в ноосоциетальной системе приводят к постепенному размыванию границ между глобализирующимся медиапространством и ноосферой.

Литература

Борзенко И. М. Ноосферный гуманизм. М. : Академический проект, 2015.

Борзенко И. М., Кувакин В. А., Кудишина А. А. Человечность человека: Основы современного гуманизма: уч. пособ. для вузов / под ред. А. Г. Круглова, В. А. Кувакина. М. : Российское гуманистическое общество, 2005.

Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М. : Айрис-пресс, 2013.

Гнатюк О. Л. Основы теории коммуникации. М. : Кнорус, 2013.

Ильин М. В. Этапы становления внутренней геополитики России и Украины // Полис. 1998. № 3. С. 82–94.

Каганов В. О ноосфере и ноосферном гуманизме [Электронный ресурс]. URL: <http://www.humanism.ru/discussions/840-kaganov2018.html>.

Казначеев В. П., Спиринов Е. А. Идеи В. И. Вернадского и экология человека // Вестник высшей школы. 1990. № 12. С. 29–34.

Кравченко С. А., Салыгин В. И. Социокультурная динамика рисков в контексте «стрелы времени»: востребованность гуманистического поворота // Сетевой журнал «Научный результат». Сер. Социология и управление. 2015. № 4(6). Т. 1.

Мамедов Н. М. Экологическая проблема и технические науки (философско-методологические аспекты). Баку : Элм, 1982.

Мамедов Н. М. Основы социальной экологии. М. : Ступени, 2003.

Моисеев Н. Н. Возвращение к гуманистическим традициям. Ежегодник Философского общества СССР. 1989–1990. М. : Наука, 1990.

Семигин Г. Ю. Политическое пространство // Политическая энциклопедия / науч. ред. Г. Ю. Семигин: в 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1999.

Семигин Г. Ю. Новая философская энциклопедия / под ред. В. С. Стёпина: в 4 т. М. : Мысль, 2001 [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/8946/%D0%9F%D0%A0%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%A0%D0%90%D0%9D%D0%A1%D0%A2%D0%92%D0%9E.

Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М. : Прогресс, 1965 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.klex.ru/7ic>.

Чумаков А. Н. Культура и вызовы глобализации: новые подходы // Век глобализации. 2011. № 2(8). С. 174–180.

- Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира. М. : Проспект, 2016.
- Шаповалов В. Ф. Коммуникация как глобальная проблема современного мира // Философия и общество. 2010. № 4. С. 5–20.
- Шарков Ф. И. Трансформация общества и природы в ноосоциетальную систему // Народонаселение. 2000. № 4. С. 78–90.
- Kjellén R. Die politische Probleme des Weltkrieges. Leipzig; Berlin : B. G. Teubner, 1916.
- Levitt T. The Globalization of Markets // Harvard Business Review. 1983. No. 61(3). Pp. 92–102.
- Masani P. R. The Ecology of the Noosphere: Where the Ecological Movement Falls Short [Электронный ресурс] : Kybernetes. Vol. 24. No. 9. URL: <https://doi.org/10.1108/03684929510101812>.
- Political Space: Frontiers of Change and Governance World / ed. by Y. H. Ferguson, R. J. Barry Jones. Albany, NY : State University of New York Press, 2002.
- Reiser O. L. Cosmic Humanism and World Unity // World Union Journal. 1973. September 19.
- Tehrani M. Global Communication and World Politics: Domination, Development, and Discourse. 1999 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gmu.edu/>.
- Tkacheva O., Schwartz L. H., Libicki M. C., Taylor J. E., Martini J., Baxter C. Internet Freedom and Political Space [Электронный ресурс]. URL: https://itlaw.wikia.org/wiki/Internet_Freedom_and_Political_Space.

References

- Borzenko I. M. Noosfernyj gumanizm [Noospheric Humanism]. Moscow : Akademičeskij proekt, 2015.
- Borzenko I. M., Kuvakin V. A., Kudishina A. A. Chelovečnost' cheloveka: Osnovy sovremennogo gumanizma [The Humanity of Man: The Foundations of Modern Humanism]: high education textbook / ed. by A. G. Kruglov, V. A. Kuvakin. Moscow : Ros. gumanist. obščestvo. 2005. 390 p.
- Vernadskiy V. I. Biosfera i noosfera [Biosphere and Noosphere]. Moscow : Ayrispress, 2013.
- Gnatyuk O. L. Osnovy teorii kommunikatsii [Foundations of the Theory of Communication]. Moscow : KnoRus, 2013.
- Ilyin M. V. Etapy stanovleniya vnutrenney geopolitiki Rossii i Ukrainy [Stages of Formation of Internal Geopolitics of Russia and Ukraine] // Polis. 1998. No. 3. P. 82.
- Kaganov V. O noosfere i noosfernom gumanizme [On the Noosphere and Noospheric Humanism]. URL: <http://www.humanism.ru/discussions/840-kaganov2018.html>.
- Kaznachejev V. P., Spirin E. A. Idei V. I. Vernadskogo i ekologiya cheloveka [V. I. Vernadsky's Ideas and Human Ecology] // Vestnik vysshey shkoly. 1990. No. 12. Pp. 29–34.
- Kravchenko S. A., Salygin V. I. [Sociocultural Dynamics of Risks in the Context of the "Arrow of Time": The Demand for a Humanistic Turn] // Network journal "Nauchnyy rezul'tat". Series "Sotsiologiya i upravleniye". 2015. Vol. 1. No. 4(6).

Mamedov N. M. *Ekologicheskaya problema i tekhnicheskiye nauki (filosofsko-metodologicheskiye aspekty)* [Environmental Problem and Technical Sciences (Philosophical and Methodological Aspects)]. Baku : Elm, 1982.

Mamedov N. M. [Foundations of Social Ecology]. Moscow : Stupeni, 2003.

Moiseev N. N. *Vozvrashcheniye k gumanisticheskim traditsiyam* [A Return to the Humanistic Traditions]. Yearbook of the Philosophical Society of the USSR. 1989–1990. Moscow : Nauka, 1990.

Semigin G. Yu. *Politicheskoye prostranstvo* [Political Space] // *Politicheskaya entsiklopediya* [Political Encyclopedia] / ed. by G. Yu. Semigin: in 2 vols. Vol. 2. Moscow : Mysl', 1999.

Semigin G. Yu. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia] / ed. by V. S. Stiopin: in 4 vols. Moscow : Mysl', 2001. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/8946/%D0%9F%D0%A0%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%A0%D0%90%D0%9D%D0%A1%D0%A2%D0%92%D0%9E.

Teilhard de Chardin P. *Fenomen cheloveka* [The Phenomenon of Man]. Moscow : Progress, 1965. URL: <https://www.klex.ru/7ic>.

Chumakov A. N. *Kul'tura i vyzovy globalizatsii: novyye podkhody* [Culture and Challenges of Globalization: New Approaches] // *Vek globalizatsii*. 2011. No. 2(8). Pp. 174–180.

Chumakov A. N. *Globalizatsiya. Kontury tselostnogo mira* [Globalization. The Contours of the Whole World]. Moscow : Prospekt. 2016.

Shapovalov V. F. *Kommunikatsiya kak global'naya problema sovremennogo mira* [Communication as a Global Problem of the Modern World] // *Filosofiya i obshchestvo*. 2010. No. 4. Pp. 5–20.

Sharkov F. I. *Transformatsiya obshchestva i prirody v noosotsiyetal'nyuyu sistemu* [Transformation of Society and Nature into a Noosocietal System] // *Narodonaseleniye*. 2000. No. 4. Pp. 78–90.

Kjellén R. *Die politische Probleme des Weltkrieges*. Leipzig; Berlin : B. G. Teubner, 1916.

Levitt T. *The Globalization of Markets* // *Harvard Business Review*. 1983. No. 61(3). Pp. 92–102.

Masani P. R. *The Ecology of the Noosphere: Where the Ecological Movement Falls Short* // *Kybernetes*. Vol. 24. No. 9. URL: <https://doi.org/10.1108/03684929510101812>.

Political Space: Frontiers of Change and Governance World / ed. by Yale H. Ferguson and R. J. Barry Jones. Albany, NY : State University of New York Press, 2002.

Reiser O. L. *Cosmic Humanism and World Unity* // *World Union Journal*. September 19, 1973.

Tehrani M. *Global Communication and World Politics: Domination, Development, and Discourse*. 1999. URL: <http://www.gmu.edu/>.

Tkacheva O., Schwartz L. H., Libicki M. C., Taylor J. E., Martini J., Baxter C. *Internet Freedom and Political Space*. URL: https://itlaw.wikia.org/wiki/Internet_Freedom_and_Political_Space.

ДВА ТОЛЧКА ГЛОБАЛИЗАЦИИ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Немцев В. И.*

Темы о результатах Второй мировой войны вызывают вопросы, а то и совсем непонятны студенческой аудитории. Между тем в последнее время учащаются взаимные обвинения стран-участниц по поводу как хода войны, так и послевоенных территориальных и политических споров. Стороны предлагают неудобные точки зрения и рекомендуют вероятные решения проблемы.

Идеи когнитивной лингвистики (А. Кибрик, Дж. Лакофф, Ю. Хабермас, В. Эванс и другие) находят широкое применение не только в лингвистике, но и в междисциплинарной сфере. Целью статьи является демонстрация применения когнитивно-лингвистического анализа к концепту «война». Доказывается, что алогичность и двойственность образов союзников и побежденных связана в том числе со спецификой понимания концепта «война».

Ключевые слова: когнитивные знаки, война, капитуляция, подчинение, оккупация, инсценировка ухода, статистика, пружины сжатия.

TWO PUSHES OF GLOBALISATION AFTER THE WORLD WAR II

Topics about the outcome of the World War II are questionable or even completely incomprehensible to a student audience. Meanwhile, the mutual accusations of the participating countries, both about the course of the war and about post-war territorial and political disputes, have recently become more frequent. The parties offer uncomfortable points of view and likely solutions.

The ideas of cognitive linguistics (A. Kibrick, J. Lakoff, J. Habermas, W. Evans and others) find wide application not only in linguistics, but also in the interdisciplinary field. The aim of the article is to show the application of cognitive-linguistic analysis of the concept “war”. It is proved that the illogicality and duality of the images of allies and vanquished ones is connected with the peculiarities of understanding of the concept “war”.

Keywords: cognitive signs, war, surrender, subjugation, occupation, staged withdrawal, statistics, compression springs.

* Немцев Владимир Иванович – д. филол. н., профессор Самарского государственного университета путей сообщения. E-mail: vnemtsev@bk.ru.

Vladimir I. Nemtsev – Dr. Philol., Professor of Samara State of Transport University. E-mail: vnemtsev@bk.ru.

Введение

Риторика вокруг политических вопросов в последнее время заметно обостряется. В них вовлекаются разными способами до этого «молчавшие» страны. Разговор грозит перейти и в военную плоскость: в середине сентября 2021 г. КНДР запустила за пределы своей морской экономической зоны две испытательные ракеты. Эти и другие факты мы подвергаем когнитивному анализу, позволяющему перевести разговор в научную область.

Но прежде нужно определить некоторые причины и условия происхождения неудобных вопросов, потому что они имеют многолетнюю историю.

Население фашистской Европы в 1941 г. составляло 283 млн человек; СССР – 190 млн человек. Таким образом, в 1941 г. по своему мобилизационному потенциалу Россия уступала Западной Европе в полтора раза. И не следует думать, что какую-то из оккупированных стран можно исключить из подсчета мобилизационного ресурса – так как рабочий, стоящий у станка в Голландии, Дании или Польше, автоматически высвобождал для призыва в армию работника из Германии.

В СССР же станочники, горняки, медики получали бронь от призыва, так как для войны выточенные ими стволы, добытая руда и здоровье населения были важнее лишнего пехотинца.

Легко заметить, что, напав на СССР, А. Гитлер полагался не на какую-то хитрую военную тактику и стратегию, на тонко продуманный блицкриг или расовые теории, как утверждается в российских школьных учебниках. Он опирался на тотальное превосходство над СССР в живой силе, технике и производственных ресурсах. Фюрер намеревался завалить СССР «пушечным мясом» и раздавить техникой. И это почти удалось. В 1942 г. Советский Союз уступал фашистской Европе в экономике уже в восемь раз, в промышленном производстве – впятеро, по мобилизационному ресурсу – втрое. Какими стали шансы СССР даже не на победу – просто на выживание при подобном соотношении сил? С точки зрения арифметики – нулевыми.

Единственным ресурсом Советского Союза оставалось безусловное превосходство советских людей в интеллекте, дисциплине, морально-волевых качествах. Победы Красной армии зимой 1941–1942 гг. поразили союзников: после немыслимых поражений лета-осени первого года войны Советский Союз перешел в контрнаступление.

Сначала ознакомиться с боевым опытом приезжали офицеры, а в ноябре поездку на фронт совершил специальный посланник президента Ф. Рузвельта, бывший военный министр США генерал П. Хёрли. После визита на фронт Хёрли телеграфировал в Белый дом: «Моральный дух, физическая сила и общий вид офицеров и солдат Красной Армии при любых обстоятельствах были великолепными» [Консолидация...].

К 1945 г. бои шли уже на улицах Берлина, а почти все мужское население Германии оказалось истреблено. Формировать же боевые части из *гитлерюгенда* и *фольксштурма* можно было только от полной безысходности. Из взрослых немцев выжили только те, кому повезло вовремя оказаться в плену.

И все-таки полная картина Второй мировой войны ни на Западе, ни в России пока не складывается. На наш взгляд, война продолжается, по крайней мере, среди историков и в архивных материалах, – и в этом заключается основная проблема.

К примеру, если исследователь хочет обратиться к данным макростатистики для определения потерь вермахта, он возьмет, наверное, самую авторитетную монографию Бурхарта Мюллера-Гиллебранда «Сухопутная армия Германии. 1933–1945». Там написано, что потери армии Гитлера за первый этап войны на восточном фронте составили 542 тыс. человек... И так во всем: цифры то «прыгают», то «убегают». Лишь дойдя до второй половины труда, на которой находятся страницы с итоговыми цифрами, можно понять, что автор принципиально оперирует данными 1933–1937 гг., а ведь в Германии постоянно жили до Второй мировой 69,9 млн человек, а не как в Третьем рейхе – 110 млн. Потери же на остфронте подсчитаны только у «истинных арийцев», другие не важны [Мюллер-Гиллебранд 2002].

Таковыми же неучтенными стали этнические германцы («фольксдойче»), призванные в Польше, Бельгии, Дании и иных странах; добровольные помощники («хиви»), как служившие в небольших отрядах, так и сведенные в многочисленные национальные легионы, и многие сотни тысяч других военнослужащих, не попадающих в статистику призывников от Мюллера-Гиллебранда.

Так можно ли показать хотя бы приблизительную картину, сложившуюся в ту эпоху? Конечно, да.

Методология

Основой исследования послужило использование преимущественно теоретических научных методов, в том числе: анализ и синтез, системный подход, сравнение в классификации и обобщение основных подходов в сторону их типологизации. Исторический метод дополнен когнитивным подходом. Когнитивные исследования – это суть «невывыказанное», то есть слова, жесты, взгляды, как обозначил А. Кибрик [Кибрик], языковые знаки [Уфимцева 1990: 167], то есть цифры, события, аналитические связки, а также концепты [Степанов 2001].

* * *

Во Второй мировой войне принимали участие 62 страны из 73 [Спицын 2018: 325]. Но были там и добровольцы из нейтральных государств и некоторых европейских колоний, от шведов и аргентинцев до африканцев и индусов.

Общие потери Вооруженных сил СССР за годы войны составили 11,4 млн человек. Из них 5,2 млн погибли в боях и умерли от ран на этапах санитарной эвакуации, 1,1 млн умерли от ран в полевых госпиталях, 0,6 млн составили небоевые потери и 5 млн пропали без вести и погибли в фашистских концлагерях. С учетом вернувшихся из плена после войны – 1,8 млн, и 1 млн из числа учтенных ранее как пропавших без вести, но выживших и вторично призванных, – реальные безвозвратные потери составили около 8,7 млн человек списочного состава.

На советско-германском фронте безвозвратные потери германских вооруженных сил составили около 7,2 млн человек, а вместе с их союзниками – итальянцами, венграми, румынами и финнами – около 8,65 млн человек [Спицын 2018: 422].

Воевали союзники разобщенно. Это значит, что когда Красная армия сражалась с Германией на географическом востоке Европы, американцы сосредоточились на Тихоокеанском театре военных действий, Великобритания воевала в Ливии и Египте. Союзники получали от Америки ленд-лиз – продукты питания и технику – бесплатно, Советский Союз платил золотом.

Что ж удивительного: «Государственные люди Англии никогда не гнушались применять грубую военную силу. <...> Так, карьере завоевателей и вершителей судеб человечества англичане начинали с разгрома своего союзника – Голландии. 10 июня 1652 г. Государственный совет Англии приказал адмиралу Р. Блэку захватить возвращавшийся из Индии голландский флот, доверху набитый колониальными товарами. После этого англичане перенесли свои наступательные действия против Испании. <...> Потом наступила очередь Франции» [Ракитянский 2018: 100–111].

Можно собрать таблицы, показывающие численность личного состава в частях и соединениях вооруженных сил той или иной армии в определенный период истории. Останется лишь все сложить в определенную картину в исходный отрезок времени. Хорошо, если найдется документ, указывающий количество выбывших солдат. Можно и подсчитать самому: нужно лишь учитывать, что наступающие войска несут потери в три раза больше обороняющихся.

Но можно опереться на выкладки по учету стрелкового оружия, выпущенного и продолжающего выпускаться во время войны; его производят столько, сколько мобилизованных солдат будут им вооружены. Стрелковое оружие – ствольное оружие, как правило, огнестрельное, для стрельбы пулями или другими поражающими элементами калибром 20 мм и менее.

За многие годы сложилась следующая классификация:

– по способу управления и удержания – револьверы, пистолеты, винтовки, пистолет-пулеметы, пулеметы, противотанковые ружья;

– по способу использования – ручное, удерживаемое при стрельбе непосредственно стрелком, и станковое, применяемое со специального станка или установки;

Вторая мировая война существенно повлияла на развитие стрелкового оружия, оставшегося самым массовым видом вооружения. Доля боевых потерь от него составила 28–30 %, что являлось достаточно впечатляющим показателем, если учесть массовое применение авиации, артиллерии и танков.

Наибольшее развитие в годы войны как в качественном, так и в количественном выражении получили самозарядные винтовки, в том числе такая их разновидность, как автоматы и пулеметы, включая авиационные и танковые. Личное оружие – револьверы и пистолеты – играло вспомогательную роль. При этом револьверы уже находились на закате своего использования, хотя еще и служили для вооружения как армейских подразделений, так и вспомогательных войск и некоторых спецподразделений. Предположительно, в период войны использовалось не менее 5 млн револьверов.

Стрелковое оружие, выпущенное главными воюющими державами: Великобританией – 24 685,5 млн ед.; Германией – 50 582,3 млн ед.; СССР – 40 464,6 млн ед.; США – 28 040,4 млн ед.; Японией – 8755,1 млн ед. Всего (с остальными странами) – 186 461,8 млн ед. [Вооружение...].

Как показывает вышеприведенный анализ, мы можем утверждать, что количество выбывших солдат в немецкой армии по формуле один к трем в наступающих войсках составляло значительно больше заявленного, а значит, убыль солдат в немецкой армии с 1941 по 1945 г. насчитывала отнюдь не 0,6 млн человек, как отчитался Мюллер-Гиллебранд в своей книге, а не менее 12 млн. Иначе зачем главнокомандующему вермахта объявлять в середине 1944 г. «тотальную мобилизацию», учитывая отсутствие людских ресурсов в Германии?

Другой вопрос: кто-то в наши дни считает, что мирный договор – это «бумажка», мало что значащая. Ведь все знают, кто победил, а кто проиграл. Лукавство! В мировой политике любой канцелярский документ содержит огромный свод принципов и правил проходящей жизни страны совместно с другими странами, то дружественными, то (спустя время) ставшими недоброжелательными. Как с ними разговаривать, если они не хотят слышать о былых общих светлых днях Победы? И что значат юридические акты в политике?

Например, 8(9) мая 1945 г. генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель от лица немецкого командования подписал Акт о безоговорочной капитуляции Вооруженных сил Германии. И только. До этого, 7 мая, состоялось подписание акта военной капитуляции на территории западной части Германии. И. В. Сталин был возмущен тем, что подготовка акта велась кулуарно, а подписание проходило на территории союзников. Учитывая, что бойцы Красной армии были главными действующими лицами, Советский Союз почему-то был отодвинут на второй план.

Кстати, на тот момент легитимное правительство Третьего рейха во главе с Карлом Дёницем никаких нормативных актов о капитуляции германского государства не подписывало, капитулировал только вермахт, а не государство. Капитуляцию германского государства должен был юридически подписывать – согласно статье 45 Веймарской конституции – лишь рейхспрезидент как глава и представитель германского народа, чего юридически не было оформлено.

Правительство Дёница было арестовано англичанами лишь 23 мая 1945 г., до этого оно спокойно продолжало свою работу. Тогда Дёниц подписал лишь один документ. 4 мая 1945 г. между преемником фюрера, новым рейхспрезидентом гросс-адмиралом Карлом Дёницем, и генералом Монтгомери был подписан документ о военной сдаче союзникам северо-западной Германии, Дании и Нидерландов и связанном с этим перемирии. Документ вступал в силу 5 мая в 8 часов утра. Но безоговорочной капитуляцией всей Германии этот документ назвать нельзя.

Можно его определить как исторический «казус», который в будущем не может не иметь серьезных последствий. Между прочим, дело рейхспрезидента рассматривал трибунал в Нюрнберге и присудил ему 10 лет тюрьмы. Через год узника освободили по состоянию здоровья, как и прочих других нацистских бонз. Именно они потом воссоздавали германское государство – ФРГ [Третий...].

В итоге выходит, что Третьего рейха вроде бы как нет, но он есть по самому настоящему закону. И это то самое, что сохранилось, поддерживает нацификацию

Европы и Украины, проводит агрессивную политику по отношению к России [Третий...].

Некоторые историки и политики то и дело, не думая, оговариваются: после войны «мирный договор», мол, был подписан. Нет! Это ложь, даже если и выглядит как нечаянная оговорка.

Интересно, что в 1955 г. Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов подписал Указ о мире и сотрудничестве с Японией после безуспешных переговоров с этой страной по поводу соглашения о послевоенном мире. Но японцы неизменно отказывались от подобного шага, очевидно, чтобы иметь возможность играть с Россией в долгие политические игры. Они, например, в XXI в. постоянно требуют отдать им какие-либо северные территории... И это серьезный раздражитель в наших отношениях – если долго бить в одну и ту же точку, что-нибудь, может быть, получишь.

Перед Победой начинается череда что-то упреждающих событий.

Из военного дневника верховного командования вермахта («Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht»):

7 мая 1945 г., 1 час 35 минут

Гросс-адмирал Дёниц отдает фельдмаршалу Кессельрингу и генералу Винтеру следующий приказ, который сообщается для сведения также командующему группой армий «Центр» Ф. Шернеру, командующему войсками в Австрии Л. фон Рендуличу и командующему войсками Юго-Востока А. Леру: «Задача состоит в том, чтобы отвести на запад возможно больше войск, действующих на Восточном фронте, пробиваясь при этом в случае необходимости с боем через расположение советских войск. Немедленно прекратить какие бы то ни было боевые действия против англо-американских войск и отдать приказ войскам сдаваться им в плен. Общая капитуляция будет подписана сегодня в ставке Эйзенхауэра. Эйзенхауэр обещал генерал-полковнику Йодлю, что боевые действия будут прекращены 9 мая 1945 г. в 0 часов 00 минут по летнему германскому времени...» [Kriegstagebuch...].

Ставка командующего объединенными войсками союзников генерала армии США Дуайта Эйзенхауэра располагалась в Реймсе (Франция), на территории, освобожденной американцами. Здесь варились аппетитно пахнущие блюда, вероятно, для русских. Первым замыслился акт о капитуляции германских вооруженных сил в 2 часа 41 минуту 7 мая 1945 г., названном впоследствии Москвой Предварительным.

Из воспоминаний начальника оперативного отдела Советского Генерального штаба генерала армии Сергея Штеменко:

Вечером 6 мая к начальнику советской военной миссии [при штабах союзных войск] генералу Сулопарову прилетел адъютант Д. Эйзенхауэра. Он передал приглашение главнокомандующего срочно прибыть в его штаб. Д. Эйзенхауэр принял И. Сулопарова в своей резиденции.

<...> Д. Эйзенхауэр поспешил сообщить, что он потребовал от Йодля капитуляции Германии и не примет никакой иной. Немцы были вынуждены согласиться с этим. Затем главнокомандующий просил Сулопарова сообщить в Москву текст капитуляции, получить там одобрение

и подписать его от имени Советского Союза. Подписание, по его словам, уже было назначено на 2 часа 30 минут 7 мая 1945 г. в помещении оперативного отдела штаба главнокомандующего.

<...> Начальнику советской военной миссии оставалось весьма немного времени, чтобы получить инструкции своего правительства. Немешкая, он передал телеграмму в Москву о предстоящем акте подписания капитуляции и текст протокола; просил указаний. Пока телеграмма И. Сулопарова была доложена по назначению, прошло несколько часов. В Реймсе перевалило за полночь, и наступило время подписывать капитуляцию» [Штеменко: 223–224].

Документ был составлен на английском языке. Сулопаров не имел полномочий подписывать капитуляцию. Направив запрос в Москву, ответа к началу процедуры он не получил. Что делать? Совсем не подписывать никаких документов – получилось бы, что немцы сдались перед союзниками, подписав акт, а с СССР остались в состоянии войны. Куда заведет такая ситуация, непонятно. Генерал Сулопаров действовал на свой страх и риск. В текст документа он внес примечание: данный протокол не исключает в дальнейшем подписания иного, более совершенного акта о капитуляции Германии, если о том заявит какое-либо союзное правительство. После чего акт был подписан представителем Ставки верховного главнокомандования Советского Союза генерал-майором И. А. Сулопаровым, представителями западных союзников и Верховного командования вермахта.

Конечно же, этот акт вызвал закономерное удивление.

По требованию И. В. Сталина 8 мая в 22 часа 43 минуты (0 часов 43 минуты по московскому времени) в пригороде Берлина Карлсхорсте состоялась знаковая церемония подписания окончательного Акта о полной и безоговорочной капитуляции Германии [8 мая...].

Время от времени германские газеты помещают подборки писем граждан ФРГ о войне и о России. Например, такие: «Süddeutsche Zeitung (Германия): Историческая ответственность перед Россией» [Süddeutsche...].

Войну с СССР в Германии видят совсем иначе, чем мы. Эта война для немцев не Великая, для них это просто Ostfront – Восточный фронт. Ведь Германия воевала на многих направлениях – был французский фронт, британский, бельгийский, норвежский, греческий и так далее.

При этом немцы считали, что война против СССР – не просто война, а «крестовый поход против большевизма». Если с европейскими странами немцы воевали только для установления господства в Европе, то с СССР – для полного уничтожения всего населения Советского Союза.

Немцы знали, что СССР не готов к войне. Всего в Красной армии к июню 1941 г. насчитывалось около 4,7 млн солдат, из них на западных рубежах находилось около 2 млн. В момент нападения на Советский Союз численность солдат вермахта составляла свыше 3 млн человек, плюс еще 600 000 солдат из Венгрии, Румынии, Словакии, Финляндии и Италии.

Несколько публикаций «Süddeutsche Zeitung» напомнили читателям газеты, что, помимо холокоста, их народ (не только партийно-нацистская организация СС, но и вполне «общенародная» армия – вермахт) участвовал в страшных пре-

ступлениях против нееврейского населения СССР. Для многих это стало новой информацией, и они делятся своими мыслями.

Это особенно важно сейчас, когда некоторые силы в Германии предлагают разделить память и выделить в отдельную графу ответственность перед украинским народом. И видеть в вине перед ним еще один стимул к поддержке Киева в борьбе с Москвой.

Читатели газеты «Süddeutsche Zeitung» вспоминают о судьбе многих миллионов русских, которые погибли во время Второй мировой войны, будучи солдатами или так называемыми «остарбайтерами» (по сути, рабами). Некоторые призывают к большей чуткости и в нынешних напряженных отношениях с Россией [Süddeutsche...].

«Должно было пройти 80 лет, должно было состояться поминальное мероприятие с участием президента ФРГ Штайнмайера, чтобы стало возможным публично почтить память 27 миллионов погибших в результате нападения», – беспокоились читатели газеты.

В ФРГ освободителями считали американцев, их «прославляли, и с тех пор мы прочно стоим на стороне США как их лучшие друзья. Мы благодарны им за “возрождение” Германии после Второй мировой войны. Мы переняли их цивилизацию, музыку, моду, ценности и “образ жизни”, мы – верные члены НАТО. И после воссоединения Германии вроде бы все стало прекрасно» [Süddeutsche...].

Эрика Хофитеттер (Гаутинг) призывает «должным образом помянуть восточных рабочих»: «Только благодаря принудительному труду людей из оккупированных стран война вообще могла продолжаться, а снабжение населения продуктами питания благодаря “остарбайтерам” могло какое-то время поддерживаться на приемлемом уровне. Большая часть военной добычи в виде бесплатной рабочей силы стала поступать в Германию начиная с 1941 г. – причем вопреки всем прежним пропагандируемым Гитлером расистским предрассудкам – из Советского Союза и Польши» [Ibid.].

«Ближе к концу войны в бесчисленных концентрационных лагерях началось их массовое уничтожение каторжным трудом. А после 1945 г. с ними бесчеловечно обращались как с “перемещенными лицами”, и наконец, им не выплатили даже достойной компенсации. Десятки тысяч советских военнопленных, подавших заявление на получение компенсации, получили отказы с обоснованием, что, мол, сам по себе плен не дает права на получение таковой» [Ibid.].

Д-р Доротеа Хенниг (Оффенбург) пишет: «За миллионами погибших стоит еще большее количество поломанных жизней их родных. Оставшимся в живых “восточным рабочим” и их семьям было бы горько узнать, что выплаченная им несколько лет назад компенсация была ниже, чем компенсация, которую получили владельцы автомашин с дизельными моторами за то, что им предоставили ложные данные о вредных выбросах их автомобилей» [Ibid.].

Возможно, эти различия в знаниях объясняют, почему отношение многих восточных немцев к России более спокойное и свободное, чем у западных немцев. Это четко проявляется, например, в случае с «Северным потоком – 2». Критика проекта и готовность его остановить исходит преимущественно от западных немцев. А желание его закончить – в том числе из-за экономического значения

проекта для (Восточной) Германии – характерно для восточных немцев. Это происходит потому, что они в большинстве своем не рассматривают Россию как врага. А еще они не рассматривают ее как страну, которую кто-то должен поучать. И уж тем более не с руки поучать Россию Германии.

Маттиас Юдт (Лейтциг): «Во всех сообщениях о преступлениях этой войны я не вижу одного аспекта, который делает все еще более ужасным. Мать рассказывала мне, о чем ей в свое время рассказывал брат, воевавший и погибший в России. Местные жители шли навстречу немецким войскам с хлебом и солью, традиционными символами мира и гостеприимства, и подходили с ними к немецким танкам. Вероятно, они ожидали от немцев освобождения от господства Советов. А те пришли их уничтожить. Это ужасно» [Süddeutsche...].

Дискуссия

Немцы, как и многие народы Европы, охотно верили, что разные их символы, знамена и люди легко наделяются дьявольской энергией, чтобы их обманывать, наделять недугами, страстно искушать, поэтому надо бы куда-то хоть на время податься, где-то затаиться, переждать, а то и... сгинуть. Ведь быть одержимым нечистым – это поражение, стыдоба. Да и обмануть других – ведь тоже не славно. Поэтому верь власти, вождям, они отвечают за все. Создали новую религию, вернее, направление христианства, называемое протестантством (то есть против римской церкви) [Немцев 2017: 92–97].

В этой протестантской среде ограниченно возможны некоторые перевоплощения, например, если после собственного ухода вернуться, окажешься в фокусе внимания, а недоделанные дела (перестройка дома, написание какого-либо труда, создание фильма) будут завершаться с приливом твоих сил и с помощью окружения.

Вот философ Олег Насобин и задумался об инсценировке собственной смерти (не своей, других) с целью исчезнуть с радаров общественного внимания. Николая Фламель, Жанна д'Арк, император Александр I, Адольф Гитлер, Борис Березовский, другие, кто готов на ложную смерть как способ начать новую жизнь [Насобин].

Н. Фламель, простой мещанин, живший в XIII в., решил с помощью некоей организации, Приората Сиона, уйти из общества на несколько лет. Он вернулся счастливым и богатым.

О. Насобин с увлечением рассказал другие истории, и нам поверилось, что Гитлер, человек своего времени, своей среды, мог решиться на ложный уход. И его ближайшие соратники тоже – Герман Геринг, Мартин Борман... Стоит задуматься, как их встретят по возвращении. Тут можно о многом подумать, и не только об их судьбе.

Но можно устроить свою жизнь по-другому. Император Хирохито, к примеру, сознательно отказался от монаршей жизни, оставшись только главой государства, чтобы не навлечь на своих подданных строгих репрессий и прочих бед. Правда, еще он выбрал путь мягкой вражды с Советской Россией, намеренно холодно обращаясь с московскими представителями властей.

И. Сталин не единожды намеревался разместить войска на Хоккайдо, самом северном и малонаселенном острове Японии. Это было вполне закономерно. Неизвестно, имел ли какое-то отношение император Японии к этому вопросу, но американская администрация решительно отвергла этот знак Москвы, видимо, опасаясь ее влияния на будущее Японии — оно полагалось только Соединенным Штатам.

Прежде всего, боялись, что русские солдаты «распропагандируют» японцев. У русских крестьян (а среди солдат их было больше всего) существовал тогда особый взгляд на землю, общину, устройство мира.

Вот как это выражено философом К. М. Долговым:

Славянская община представляла собой своеобразный тип всеобщей демократии и самоуправления: она в равной мере заботилась как о всех своих членах, так и о каждом в отдельности, не допуская бедности и нищеты, что выгодно отличало ее от западноевропейского общества. <...> Славянская община воспринималась как своеобразная патриархальная семья, не допускавшая такого явления, как западноевропейский майорат. <...> Государство также воспринималось как большая община и даже семья, что в тех исторических условиях не способствовало укреплению государственного устройства. <...> Исключением стала Россия, оказавшаяся способной создать могучее государство. В связи с этим возникает вопрос: возможно ли при сохранении общины как славянского типа государственного устройства создание самостоятельных независимых славянских государств или их федерации [Долгов 2019: 196–212].

Мы говорили об этом с другой стороны: «Довольно долго в России считалось, что по-божески человек, добившийся как материальных, так и интеллектуальных успехов, обязан отныне поработать “на опчество”, то есть на всех. И не зря же множество отпущенных крепостных, обманутых чиновниками, помещиками, кулаками, ко всякой собственности относилось с ненавистью. В этом эмоциональном убеждении их поддерживал собственный опыт» [Nemtsev 2019b: 613–619].

Генерал Макартур с известным допущением напоминает нам героя романа М. А. Булгакова, прокуратора Пилата. Его положение в Японии сопоставимо с пилатовским в отношении других лиц, императора Хирохито и Иешуа-га-Ноцри [Nemtsev 2019a: 284–295].

Выводы

Дуглас Макартур впоследствии жалел, что жесткость к Японии возобладала в его политике глобализации. Это явно сближает его с Понтием Пилатом [Nemtsev 2019a: 284–295], каким показывает его Булгаков. На фото той поры Макартур рядом с императором Хирохито, одетым в строгий темный костюм, смотрит напряженно в своей повседневной служебной форме с расстегнутой верхней пуговицей рубашки и заложеными в задние карманы брюк ладонями, тогда как император стоит свободно, и взгляд его ироничен. Это красноречивая иллюстрация к «Кодексу Макатура», как закрепилось в истории определение его политики мести и драконовских мер, подобных планам по Германии.

Надо сказать, Верховный командующий союзных держав получил за несколько лет «умиротворения» 111 директив от Вашингтона и союзников и действовал по-американски правильно.

15 августа 1945 г. японский император Хирохито, называемый всеми «Солнцем» – божеством, – обратился к нации и объявил о капитуляции Японии, о последовательном американском курсе на демократизацию, который лишил ее армии, прежних порядков и даже бога. Иначе говоря, был употреблен языковой знак: на смену императору Хирохито пришел культ генерала Дугласа Макартура.

Мания его величия простиралась до президентского кресла в Вашингтоне. А его радикализм привел к поражениям во время войны на территории Северной Кореи. В 1951 г. президент Гарри Трумэн, разумеется, имея в виду, что, не распустив Дуглас японскую армию, она бы еще повоевала, отправил генерала-прокуратора в отставку. Вскоре, в 1952 г., по итогам Сан-Францисского мирного договора, завершилась оккупация Японии. Император Хирохито прилюдно обещал никогда не быть угрозой США и остальным странам мира [Оккупация...]. Прокуратор Пилат вместе с Первосвященником Каифой привел римский народ к тому же [Nemtsev 2019a: 284–295].

Так что финал глобализации в отношении Германии и Японии закончился в основном одним знаковым результатом – смирением. Вот только в продолжение процесса обе страны движутся сейчас к радикализации.

В качестве напоминания концепта «война»: «Для правильной работы пружин сжатия большое значение имеет конструкция конечных витков. Форма конечных витков должна отвечать следующим условиям:

- поверхность контакта между конечными витками и опорными деталями должна быть плоской и перпендикулярной к оси пружины во избежание точечного приложения нагрузки;

- площадка контакта должна по возможности представлять собой полное кольцо во избежание внецентренного приложения нагрузки;

- конструкция конечных витков должна обеспечивать правильное центрирование пружины и опорных деталей» [Пружины...].

Суть: пружина должна распрямиться строго перпендикулярно. Так, как рассчитано. Но ведь система может и сломаться, и тогда надо выбрать одно решение из двух – починить систему либо создать новую [Там же].

Мы не нашли, какие договоренности могли быть достигнуты тремя державами в 1943 г. в Тегеране, потом на Ялтинской и Потсдамской конференциях, для того чтобы не были заключены послевоенные соглашения о мире между воюющими странами. Но языковые знаки говорят: отпущенная пружина сжатия все равно ударит сильно.

Литература

Вооружение. Стрелковое оружие Второй мировой [Электронный ресурс]. URL: <https://wwii.space/стрелковое-оружие-второй-мировой> (дата обращения: 02.10.2021).

Долгов К. М. Восток, Россия, Запад и Славянство: вопросы мировой геополитики // Вопросы философии. 2019. № 4. С. 196–212.

Кибрик А. А. Наука о невысказанном: что такое когнитивная лингвистика (интервью). URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/17654-nauka-o-nevyskazannom-chto-takoe-kognitivnaya-lingvistika> (дата обращения: 12.10.2021).

Консолидация сил государства антигитлеровской коалиции [Электронный ресурс]. URL: http://vimpel-v.com/history/vov/history_2w/1465-tom-6-glava-15-konsolidaci-ja-sil-gosudarstva-antigitlerovskoj-koalicii.html (дата обращения: 02.10.2021).

Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. 1933–1945 гг. М. : Изографус, 2002.

Насобин О. Инсценировка смерти. Ложная смерть публичных личностей. 2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xPnz16gu1AA> (дата обращения: 06.10.2021).

Немцев В. И. Протестантство в Новой истории // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. Т. 19. № 1, 2. 2017. С. 92–97.

Оккупация Японии американцами: как это было [Электронный ресурс]. URL: <https://news.rambler.ru/other/37579699-okkupatsiya-yaponii-amerikantsami-kak-eto-bylo/> (дата обращения: 02.10.2021).

Ракитянский Н. М. Великобритания как суперсубъект глобальной политики в пространстве ментальных исследований // Век глобализации. 2018. № 1(25). С. 100–111.

Пружины сжатия. Конечные витки [Электронный ресурс]. URL: <https://inzheninfo.ru/razdely/konstruirovanie/pruzhiny/pruzhiny-szhatiya-konstruktsii.html> (дата обращения: 14.10.2021).

Спицын Е. Ю. Россия – Советский Союз. 1917–1945 гг.: Полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов. Кн. III. М. : Концептуал, 2018.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: 2-е изд., испр. и доп. М. : Академический проект, 2001.

Третий рейх существует до сих пор [Электронный ресурс]. URL: <https://maxpark.com/community/14/content/3542738> (дата обращения: 27.10.2021).

Уфимцева А. А. Знак языковой // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. Энциклопедия, 1990. С. 167.

Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=40091>.

Süddeutsche Zeitung (Германия): историческая ответственность перед Россией [Электронный ресурс]: ИноСМИ. 2021. 18 июля. URL: https://inosmi.ru/politic/20210718/250138951.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 14.10.2021).

8 мая 1945 года в предместье Берлина Карлсхорсте в 22 часа 43 минуты по центрально-европейскому времени (9 мая в 0:43 по московскому времени) был подписан окончательный Акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии и ее вооруженных сил [Электронный ресурс]. URL: <https://1kommunist.ru/2022/05/08/8-maya-1945-goda-v-predmeste-berlina-karlsxorste-v-22-chasa-43-minuty-po-centralno-evropejskomu-vremeni-9-maya-v-043-po-moskovskomu-vremeni-byl-podpisan-okonchatelnyj-akt-o-bezogovorochnoj-kap/>.

Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/kriegstagebuchde01jacorich/page/994/mode/2up>.

Nemtsev V. I. Pontius Pilate's Lack of Freedom in M. Bulgakov's Novel "The Master and Margarita" // Amazonia Investiga. 2019a. Vol. 8. No. 21. Pp. 284–295.

Nemtsev V. I. Problems of Private Property in Russia // Amazonia Investiga. 2019b. Vol. 8. No. 22. Pp. 613–619.

References

Vooruzheniye Strelkovoye oruzhiye Vtoroy mirovoy [Armaments. Small Arms of the Second World War] URL: <https://wwii.space/стрелковое-оружие-второй-мировой> (accessed: 02.10.2021).

Dolgov K. M. Vostok, Rossiya, Zapad i Slavyanstvo: voprosy mirovoy geopolitiki [East, Russia, West and Slavs: Issues of Global Geopolitics] // Voprosy filosofii. 2019. No. 4. Pp. 196–212.

Kibrik A. A. Nauka o nevyskazannom: chto takoye kognitivnaya lingvistika (in-terv'yuu) [Science of the Unspoken: What is Cognitive Linguistics (Interview)]. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/17654-nauka-o-nevyskazannom-chto-takoe-kognitivnaya-lingvistika> (accessed: 12.10.2021).

Konsolidatsiya sil gosudarstva antigitlerovskoy koalitsii [Consolidation of Anti-Hitler Coalition State Forces]. URL: http://vimpel-v.com/history/vov/history_2w/1465-tom-6-glava-15-konsolidacija-sil-gosudarstva-antigitlerovskoy-koalicii.html (accessed: 02.10.2021).

Müller-Hillebrand B. Sukhoputnaya armiya Germanii. 1933–1945 gg. [Land Army of Germany 1933–1945]. Moscow : Izografus, 2002.

Nasobin O. Instsenirovka smerti. Lozhnaya smert' publichnykh lichnostey [Faking Death. False Deaths of Public Figures]. 2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xPnz16gu1AA> (accessed: 06.10.2021).

Nemtsev V. I. Protestantstvo v Novoy istorii [Protestantism in New History] // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial'nyye, gumanitarnyye, mediko-biologicheskiye nauki. 2017. Vol. 19. No. 1, 2. Pp. 92–97.

Okkupatsiya Yaponii amerikantsami: kak eto bylo [The American Occupation of Japan: How it Was]. URL: <https://news.rambler.ru/other/37579699-okkupatsiya-yaponii-amerikantsami-kak-eto-bylo/> (accessed: 02.10.2021).

Rakityanskiy N. M. Velikobritaniya kak supersub'yekt global'noy politiki v prostranstve mental'nykh issledovaniy [The UK as a Global Policy Supersubject in the Mental Research Space] // Vek globalizatsii. 2018. No. 1(25). Pp. 100–111.

Pruzhiny szhatiya. Konechnyye vitki [Compression Springs. End Coils]. URL: <https://inzhenier-info.ru/razdely/konstruirovanie/pruzhiny/pruzhiny-szhatiya-konstruktsii.html> (accessed: 14.10.2021).

Spitsyn Ye. Yu. Rossiya – Sovetskiy Soyuz. 1917–1945 gg. [Russia – Soviet Union. 1917–1945]: A Complete Course in Russian History for Teachers, Lecturers and Students. Book III. Moscow : Kontseptual, 2018.

Stepanov Yu. S. Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury [The Constants: Dictionary of Russian Culture]. 2nd ed., rev. and exp. Moscow : Akademicheskii proekt, 2001.

Tretiy reykh sushchestvuyet do sikh por [The Third Reich Still Exists]. URL: <https://max-park.com/community/14/content/3542738> (accessed: 27.10.2021).

Ufimtseva A. A. Znak yazykovoy [Linguistic Sign] // Linguistic Encyclopaedic Dictionary / ed. by V. N. Yartseva. Moscow : Sov. Entsiklopediya, 1990.

Shtemenko S. M. General'nyy shtab v gody voyny [General Headquarters During the War]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=40091>.

Süddeutsche Zeitung (Germaniya): istoricheskaya otvetstvennost' pered Rossiyei [Süddeutsche Zeitung (Germany): Historical Responsibility to Russia]. URL: https://inosmi.ru/politic/20210718/250138951.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (accessed: 14.10.2021).

8 maya 1945 goda v predmest'ye Berlina Karlskhorste v 22 chasa 43 minuty po tsen-tral'no-yevropeyskomu vremeni (9 maya v 0:43 po moskovskomu vremeni) byl podpisan okonchatel'nyy Akt o bezogovorochnoy kapitulyatsii fashistskoy Germanii i yeye voo-ruzhennykh sil [The Final Act of Unconditional Surrender of Nazi Germany and its Armed Forces Was Signed on 8 May 1945, at 22:43 CET (9 May at 0:43 Moscow Time) in Berlin's Suburb of Karlshorst]. URL: <https://1kommunist.ru/2022/05/08/8-maya-1945-goda-v-pred-meste-berlina-karlsxorste-v-22-chasa-43-minuty-po-centralno-evropejskomu-vremeni-9-maya-v-043-po-moskovskomu-vremeni-byl-podpisan-okonchatelnyj-akt-o-bezogovorochnoj-kap/>.

Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht. URL: <https://archive.org/details/kriegstagebuchde01jacorich/page/994/mode/2up>.

Nemtsev V. I. Pontius Pilate's Lack of Freedom in M. Bulgakov's Novel "The Master and Margarita" // Amazonia Investiga. 2019a. Vol. 8. No. 21. Pp. 284–295.

Nemtsev V. I. Problems of Private Property in Russia // Amazonia Investiga. 2019b. Vol. 8. No. 22. Pp. 613–619.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ БУДУЩЕГО*

Косиченко А. Г.**

В какой мере доминанты сегодняшнего дня влияют на будущее? Какие из тенденций сохранятся в будущем и станут определять это будущее? Сохранится ли глобализация в качестве значимого и даже основного тренда в будущем? Если сохранится, то как, в какой мере и в каких формах она будет определять это будущее? Вот круг проблем, которые поднимаются и исследуются в данной статье.

Ключевые слова: глобализация, современный мир, будущее, человек, ценности, реальность, тенденции, религия, нравственность.

GLOBALISATION OF FUTURE

To what extent do the dominants of today influence the future? Which of the trends will continue in the future and will determine this future? Will globalization continue as a significant and even major trend in the future? If it persists, how, to what extent and in what forms will it determine this future? Here is the range of problems that are raised and investigated in this article.

Keywords: globalization, modern world, future, person, values, reality, trends, religion, morality.

Введение

Глобализация будущего осуществляется не на пустом месте, она является продолжением глобализации, активно идущей в настоящее время, хотя и встречающей сопротивление локальных культур и ценностей. Можно, впрочем, спорить – надо ли именовать эти процессы, распространяющиеся на будущее, глобализацией, или это новые тенденции в построении мирового порядка. Мы считаем, что глобализация будущего идет уже сегодня, и глобализация посягает на будущее, причем самая эффективная форма глобализации – это активная и многогранная унификация будущего.

Имеется связь однополярности мира и глобализации. Глобализация выстраивается вокруг этого полюса силы, потому что для продвижения глобализма нужна

* Статья подготовлена в рамках финансирования КН МОН РК (грант № AP09260036 «Светские и религиозные ценности в современном Казахстане: взаимодействие и влияние на политику РК в сфере религии»).

** Косиченко Анатолий Григорьевич – д. ф. н., профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Министерства образования и науки Республики Казахстан. E-mail: anatkosichenko@mail.ru.

Anatoliy G. Kosichenko – Dr. Phil., Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. E-mail: anatkosichenko@mail.ru.

сила в качестве глубинного основания успешности глобализации. И такой силой до последнего времени выступали США, а правильнее будет сказать – «мировая элита», состоящая из политиков и финансистов западных стран. Поэтому глобализация была «американизацией», или глобализацией по западному образцу. Однополярный мир продуцирует и одномерную, унифицирующую глобализацию.

Когда же мир переходит к многополярности – а сейчас как раз такое время, – глобализм несколько смещает акцент, и соответственно изменяется структура «тела» глобализации: она реагирует на меняющуюся конфигурацию мира, и это проявляется в большей вариабельности актуальных ее форм. При этом глобализация становится неоднозначной, хотя и сохраняет свои приоритеты, основные цели и задачи: унификация мира и уничтожение человечества в его полноте и разнообразии. В последнее время к этому добавились жесткая геополитика, ставшая инструментом глобализации, и рост силовой составляющей конфликтов. Также становится более заметным смещение задач глобализации с влияния на государства и регионы на воздействие на локальные общества и человека – последние и подвергаются наибольшему давлению со стороны глобализма.

Беспорно, глобализация несколько меняет конфигурацию и акценты, но в целом она осуществляется по сложившимся законам вне зависимости от перехода мира к многополярности. Ни Китай, ни Россия как формирующиеся центры силы и значимые игроки геополитики не отказываются ни от имперских притязаний, ни от роли финансового капитала, ни от цифровизации, принимают идеи трансгуманизма и идущие от Запада иные идеологемы и парадигмы будущего мира. Хотя надо признать, что обе страны пытаются сохранить и актуализовать свои традиционные ценности, существенно отличающиеся от ценностей современного западного мира. Однако на государственном уровне проводится политика, реализующая не ценности культуры и духовности, но задачи развития на основах унифицирующегося мира. Декларируемые, в частности, Россией традиционные ценности и тем более ценности православия не становятся реальными параметрами (или хотя бы идеалами) развития страны.

Проявилось некоторое разнообразие глобальных проектов будущего: заявлен глобалистский проект Китая; формируется и будет очень важным глобальный проект России. Они имеют отличные от западных идейные и смысловые установки. Но наряду с концептуальным разнообразием этих проектов они имеют много общего по форме и по содержанию. И, к сожалению, это общее не радует. Оно остается абстрактным, формально-обезличенным, низкокультурным, лишенным творческого начала, и самое главное – бездуховным и античеловеческим по существу. Похоже, прежние и новые центры силы исходят из одних и тех же духовных устремлений в выстраивании будущего мира. Все носит как бы вынужденный, предрешенный характер. И содержание этой вынужденности бездуховно и низменно. Прорабы нового мира забыли о вере, надежде, радости, глубинах человеческой сущности, о богочеловеческих измерениях бытия. Поэтому в арсенале глобальных проектов остаются все те же подавление духовности, выхолащивание сущности человека, его примитивизация, забвение смысла жизни, трансгуманизм, возрастание нестабильности и неопределенности бытия.

Глобальное будущее и формирующие его парадигмы

Говорить о будущем всегда ответственно и даже самонадеянно. Мы и настоящего-то толком не знаем, а тут – о будущем, и тем более о проблеме его глобализации. Однако завтрашний день не так и неведом нам. Он во многом есть продолжение настоящего в системе новых координат. Вот эти новые координаты и необходимо рассмотреть. Пока мы видим их «сквозь мутное стекло», как писал апостол Павел, будущее, бесспорно, будет иметь некое новое содержание, даже принципиально новое, но вырастает это новое из нашего настоящего. Это приходится признать вне зависимости от того, на каком мировоззренческом основании мы стоим.

Во все времена люди хотели влиять на будущее, причем по-разному. Кто-то желал сохранить все как есть и воспроизвести настоящее в грядущем. Кто-то хотел все изменить. Сегодня же глобализм намеревается предопределить будущее, так сказать, по заданным параметрам. Ряд принципов уже заложен: манипулирование общественным сознанием; снижение уровня образования; цифровизация в качестве доминанты будущей реальности; плюрализм вместо истины; избыточное материальное потребление наряду с полной утратой духовности; потеря жизненных ориентиров; трансгуманизм и прочее.

Думается, имеющиеся сегодня глобальные тенденции в будущем сохранятся и усилятся. Почему? Потому что правящая элита неслучайно заложила именно те парадигмы развития, которые господствуют в настоящем. Можно предположить, что глобализация будущего окажется более жесткой, чем сейчас, так как борьба за участие в переформатировании мира будет усиливаться. И унификация будущего намного опасней, чем унификация настоящего, так как в будущем влияние активной части человечества возрастет, унификация станет жестче, а ее результаты – трагичней.

Соотношение между настоящим и будущим носит непростой характер. Будущее в очень значительной своей части уже присутствует в настоящем. Оно отчасти вырастает из настоящего, а отчасти реализуется из новых условий, и потому во многом неопределенно. В свою очередь, будущее входит в проекты настоящего. Содержание же последнего зависит от ожидаемого будущего. Это не только проектирование, планирование, но и прямое конструирование будущего. Вырастающая из настоящего, будущее окажется принципиально иным. Уже и настоящее меняется с нарастающей скоростью. В течение последних десятилетий и даже лет социально-политическая реальность, так же как и реальность человека, изменились в чрезвычайно высокой степени. Причем изменения эти носят сущностный, концептуальный характер, и лишь незначительно базируются на предыдущих этапах развития человечества. Создается такое впечатление, что некто могучей рукой взялся за «штурвал» исторического развития и властно изменил ход и направление этого развития. Строится новая реальность; смысл, сущность и содержание этой реальности крайне сомнительны и очевидно антигуманны.

Как глобалисты сегодня воздействуют на будущее? Какие штрихи этого влияния можно увидеть уже сегодня? Во-первых, возрастает сущностная пассивность человека. Почему мы говорим «сущностная»? Потому, что пассивность возрастает на глубинном уровне. Внешне как раз нарастает активность, скорость жизни, всеохватность присутствия человека в различных проекциях жизни. Все это пра-

вильно назвать возрастающей суетой современного человека. В противоположность этой внешней суете, на «сущностном» уровне, на уровне реального влияния на современность в основных ее проявлениях, возможности «среднего» человека все сокращаются. Человек пробует, конечно, воздействовать на реальность, но та не поддается. И тогда он ослабляет попытки влияния, что выражается в нарастании пассивного отношения к окружающему человека миру. Эта парализующая человека пассивность – необходимое условие эффективной деятельности глобалистов.

В новой реальности, выстраиваемой глобализмом, утрачивается человек. Он не исчезает, нет, он по-прежнему присутствует, но вытеснен из центра развития, которое осуществляется без него и не ради него. Человеческие измерения этого развития исчезают. Человек не может влиять на принятие значимых решений, прилагаются гигантские усилия, чтобы сделать его абсолютно пассивным. Идет посягательство на сущность человека – быть ответственным творцом своей жизни. Те горизонты развития, которые процессы современности оставляют ему, примитивны. «Человек, и чем дальше, тем более, унифицируется, утрачивает личностную специфику, предает себя, выступает противником глубокобытийственного многообразия, которое является условием обретения человеком своей сущности» [Косиченко 2011: 52]. Личностное содержание человека вообще становится обременительным и для среднестатистического человека современного мира, и для общества, в котором он существует.

Все это оказывается возможным в атмосфере предельной неопределенности, характерной уже и для современного мира. Неопределенность бытия является следствием отказа человека от осмысленной и потому ответственной жизни. Неопределенность и неустойчивость при некоторой аберрации сознания может рассматриваться как находка и надежда на успех в реализации намерений, правда, сами намерения при этом не должны быть слишком определенными и строгими. Еще лучше, если этих планов не будет вовсе, а под успехом и удачей станет пониматься любой полученный в условиях неопределенности результат. Удовлетворит ли кого-либо такой подход – дело второе; главное – не будет проигравших, так же как и выигравших, а ведь это главнейшее условие всеобщего удовлетворения процессом. Так что неопределенность, будучи нежелательной при наличии четкой цели и твердого желания, превращается в некое благо для тех, кто не видит смысла ни в одной из альтернатив будущего. Эта методология выстраивания нового мирового порядка имеет все шансы на успех, к великому сожалению людей, стремящихся к осмысленной и ответственной жизни, которая одна только способна оправдать существование человека как существа свободного и обладающего целью в ее эсхатологической перспективе.

Человек, имеющий цель и желание, изначально проигрывает контрагенту, не имеющему этих обязывающих и ограничивающих возможные варианты поведения качеств. Поэтому победа достанется человеку, безразличному ко всему; именно такого индивида и воспитывает современная система образования, заранее продуманная и успешно насажденная повсеместно. Но это будет ложная победа, ибо выигравшим в ней будет проигравший самому себе человек, утративший способность остановиться во всеохватном процессе самоуничтожения.

Человек не успевает реагировать на происходящие изменения вокруг. Все происходит с возрастающей скоростью. Объемы новой реальности быстро растут. Лишь незначительную часть измененной реальности человек успевает принять, очеловечить, но с основной частью обновленной реальности этого не происходит. И она остается «необжитой», а значит, чужой для человека. И такой реальности становится все больше и больше. В итоге человек живет в реальности, к которой он относится как к чуждой ему. Отношение к этой чужой реальности настороженное, но в целом безразличное. Она чужая человеку, он ее не понимает и живет внешней жизнью, хотя это его, человека, жизнь. Нет ответственности за такую жизнь, нет радости, нет свободного к ней отношения. Эти парадигмы и условия задают измерения и контексты глобального будущего человека.

Важнейшие измерения и контексты бытия человека в глобальном будущем

Обратимся к важнейшим измерениям глобального будущего, в котором вынужден существовать человек.

Государство. У национальных государств остается мало суверенных функций; их деятельность становится однообразной и сводится к формальным и общим для всех государств действиям. Прежние функции государства перехватывают транснациональные компании, которые не несут ответственности за сферы социальной жизни, требующие затрат и усилий и не приносящие прибыли.

Демократия вырождается в диктатуру меньшинств. Меньшинства с нетрадиционными предпочтениями диктуют свою волю и свои ценности большинству. Почему такое стало возможным? Какие силы поддерживают и направляют это агрессивное меньшинство? Само по себе оно бы не смогло так преуспеть. Предпочтения этого меньшинства поддерживаются влиятельными силами с целью противопоставления их большей части общества. Имеются свидетельства представителей меньшинств, которые сами недоумевают растущему влиянию своих нетрадиционных предпочтений и утверждают, что им хватило бы простого признания их прав без того, чтобы навязывать эти права большинству. Однако именно навязывание большинству предпочтений, характерных меньшинствам, и происходит сегодня повсеместно в мире. Следовательно, традиционные общества сознательно ставят перед необходимостью не только признать права нетрадиционных меньшинств, но и принять их в качестве предпочтительных.

Результатом является размытие содержания традиционных для общества ценностей, что снижает потенциал нравственности и духовности обществ, а в перспективе ведет к полному устранению всякого нравственного и духовного содержания общества. Подмена духовных и нравственных ценностей общества ранее не характерными для этого общества предпочтениями нетрадиционных меньшинств стала одним из парадигмальных принципов выстраивания новой реальности, которая уже начинает доминировать, вытесняя прежнюю. Вытеснение традиционных духовных ценностей ведет к снижению роли религии в обществе: «Извращения, неуравновешенность психики и апостасия дошли до такой степени в наши дни, что неверие и безбожие стали предметами любования и гордости; они неприкрыто предлагаются всем в качестве образца для подражания. Ситуация дошла до того, что ничтожное меньшинство стало навязывать свои предпочтения

и взгляды большинству граждан, придерживающихся традиционных ценностей» [Афанасий].

Образование. Образование трансформируется в сторону подготовки узких компетенций, владение которыми не дает человеку стабильного положения и уверенности в завтрашнем дне. Концепция образования в течение всей жизни, несмотря на мнимые возможности и ложный гуманизм, на деле является только совокупностью неустойчивых компетенций, потерять которые столь же легко, как и обрести. Настоящее классическое всеобъемлющее образование, дающее общественный статус и прочное место в жизни, становится уделом привилегированной узкой группы, стоящей над массами. Цель глобализма в сфере образования – снизить уровень образованности населения, что приведет к падению общей культуры человечества.

Общение утрачивает личностное начало, формализуется. Отношения людей становятся поверхностными, так как духовно ослабевший человек не способен строить глубокие отношения. В содержательном общении человек развивается, причем развивается не одна сторона общения, но все участвующие в содержательном общении. Поэтому на его формализацию и предельное упрощение до примитивизма направлены значительные усилия глобализма. И тенденция на снижение продуктивности общения сохраняется и возрастает.

Потребление. Одной из самых значительных парадигм новой реальности стало широкое распространение потребительского мировоззрения. Выдвинув и навязав людям идеалы потребления, требующие для своего осуществления изматывающих и чаще всего бесплодных усилий, а также немалых денег, идеологи этой стратегии одновременно создали систему, при которой доступ к деньгам очень ограничен. Человек, воспринявший потребительское мировоззрение, оказался в ситуации, когда эту навязанную ему ориентацию он не в силах реализовать, так как у него нет для этого средств. Подвергнувшись двойному обману-давлению: сначала усвоением ложного смысла, а затем невозможностью реализации этого смысла, человек приходит к весьма очевидному решению отказаться от какого бы то ни было смысла вообще. Подчеркнем, что это очень массовое мировоззрение – абсолютно смазанный смысл жизни, вплоть до утраты всякого смысла; вместо него – все расширяющееся потребление. Потребительская идеология ведет к утрате человеком остатков духовности и веры в Бога. Идеология потребления делает человека рабом потребляемых им вещей. «Подлинно, ничто так не делает человека рабом, как множество потребностей; и ничто так не делает свободным, как довольство лишь необходимым. <...> Подлинно, ничто не придает душе столько силы, как свобода от забот, и ничто столько не делает ее слабой, как бремя забот» [Иоанн Златоуст 2012: 297].

Можно видеть, что все рассмотренные сферы человеческого бытия находятся в кризисном состоянии, лишенном духовности и возможности развития в существенных для человека измерениях. «Все в современном мире находится под знаком кризиса, не только социального и экономического, но также и культурного, но и духовного кризиса, все стало проблематическим» [Бердяев 2002а: 657].

Что происходит при этом с важнейшими для человека контекстами и условиями его бытия и самим человеком? Возьмем навскидку некоторые из них.

Человек. Будущее глоболизируется сегодня через потерявшего смысл жизни человека. Он становится ретранслятором замыслов глобалистов. Чтобы человек не сопротивлялся, его ослабляют. Вселяют апатию, пассивность; уныние и страх становятся массовыми. Политизируют сообщества и при этом лишают каналов воздействия на власть, чтобы привить мысль о невозможности что-либо изменить. Уничтожают все глубинные качества человека; сохраняя их по термину, по содержанию изменяют до полной примитивности. Превратить человека в нового варвара – одна из задач глобализма, и для ее решения надо оторвать человека от высших измерений его сущности. Н. А. Бердяев предвидел этот процесс: «В безбожной цивилизации будет погибать образ человека и свобода духа, будет иссякать творчество, начинается уже варваризация» [Бердяев 2002б: 653].

Время. Современного человека учат не ценить время, тратить его. А ведь время человеческой жизни ограничено и потому предельно ценно. Христианство ответственно утверждает, что время дано человеку для покаяния и исправления. И человеческие, и античеловеческие поступки остаются в вечности. Тем самым вечность «вмешивается» в настоящее и будущее, покрывая личностное и общественное время. Время только тогда может оправдаться перед вечностью, когда дела во времени достойны вечности. Будущее как часть времени подчинено вечности. Глобализм стремится посредством снижения значимости настоящего обесмыслить будущее и не дать человеку ощутить вечные свои измерения. И лишь тогда, когда вечность «прорывается» в будущее, это будущее выходит из-под власти глобализма.

Религия. Глобальный мир не считается с многообразием способов жизни людей. Глобализм имеет свою идеологию, и это идеология унификации. Вообще всякая идеология унифицирует идейную сферу общественной или личной жизни. Христианство тоже хотело бы, чтобы все люди жили так, как заповедал Иисус Христос, но оно не насилует людей, не заставляет их жить единообразно, а глобализм заставляет. «Религия находится в совершенно особых отношениях с глобализмом и глобализацией. Религия сопротивляется унифицирующему влиянию глобализации более, чем любой другой сегмент современного мира» [Косиченко 2013: 47]. Однако глобализм многообразными средствами секуляризирует мир, в результате чего религия вытесняется на периферию общественного бытия и воспринимается сегодня как часть геополитики и разделяющий человечество фактор.

Снижение роли религии в обществе нередко изображается в качестве позитивного процесса. Религиозные лидеры, знающие суть данных процессов изнутри, обращают внимание общества на опасность этих процессов. «Церковь воспринимается обмирщенным обществом именно как организация. Общество не принимает Церковь в ее пророческом служении. Оно не принимает ее как обновление и преобразование мира. Общество видит в ней структурную часть социума – институт среди других институтов. В этом институте совершаются браки, крещения, отпевания и прочие обряды, которые “нравятся” миру сему. Таковую Церковь не отвергают даже атеисты» [Георгий]. Деградация затрагивает не только собственно духовную составляющую человека и общества, но и социально-политическую сферу, так как «уровень общественного порядка стоит в функциональной

зависимости от нравственного уровня людей, его составляющих» [Франк 1992: 460].

Картины будущего в прогнозах глобалистов

До этого момента мы описывали глобализацию будущего с изрядной долей критики и как бы извне. Представляет интерес мнение идеологов глобализма – каким они сами видят будущее. Прочитируем трех стратегов глобализма, разных по мощи, но очень значительных по влиянию. Проекты глобального будущего родились не сегодня. Не заглядывая в слишком уж отдаленное прошлое, в котором уже довольно ясно высказывались подобные намерения, можно упомянуть более близкие нам по времени идеи, озвученные, например, известным писателем-фантастом и по совместительству идеологом глобализма Гербертом Д. Уэллсом в его написанной в 1940 г. книге «Новый мировой порядок», в которой он откровенно излагает замысел, стратегию и тактику глобализма.

Вот фрагменты из его книги. «В те дни (Уэллс пишет о конце XIX в. – А. К.), отдалившись уже на полжизни, никто не думал о каком-либо мировом управлении. Лоскутное одеяло великих и малых держав казалось самым разумным и практичным способом ведения дел человечества. Было слишком сложно подерживать связи для хоть какого-то централизованного управления миром» [Уэллс 2021: 49]. «Именно система националистического индивидуализма и некоординированного предпринимательства является мировой болезнью, и именно вся система должна уйти. Система должна быть заново построена или заменена» [Там же: 53]. «Нам нужно выработать ясную концепцию мирового порядка, который мы предпочли бы нынешнему хаосу» [Там же: 64]. «Наш мир разваливается на куски. Он должен быть реконструирован» [Там же: 66]. «Человеческая жизнь не может продолжаться, когда столицы большинства цивилизованных стран мира находятся в подлетном часе бомбардировок от их границ, за которыми могут бесконтрольно готовить агрессию и вести тайные приготовления к ней» [Там же: 70] – (современно донельзя). «Независимое суверенное государство с его вечной военной угрозой, вооруженное ресурсами современных механизмов устрашения, является лишь самым вопиющим и ужасающим аспектом того же самого отсутствия согласованного общего контроля, которое делает разросшиеся, независимые, суверенные, частные организации и объединения бизнеса социально разрушительными» [Там же: 75].

А вот получивший широкую известность Жак Аттали: «Прозрачность и открытость информации станет обязательной: люди, скрывающие свое происхождение, социальное положение, состояние здоровья или уровень образования, априори будут вызывать подозрение. <...> Государства ослабеют перед лицом корпораций и городов. Гиперкочевники будут управлять гиперимперией – открытой империей без четких границ и определенного центра. <...> Люди перестанут доверять друг другу. <...> Законы заменят на контракты, судебную систему – на арбитраж, полицию – на наемников. <...> Остальные – инфракочевники, представители беднейших слоев населения – будут скитаться на задворках в поисках пропитания. Управление миром перейдет в руки страховых компаний, устанавливающих свои законы, которым должны будут подчиняться государства, корпорации и люди. Соблюдение этих законов будут контролировать частные силовые

структуры» [Аттали 2014: 15–16]. И далее: «В грядущем новом мировом порядке будут и побежденные, и победители. Число побежденных, конечно, превысит число победителей. Они будут стремиться получить шанс на достойную жизнь, но им, скорее всего, такого шанса не предоставят. Они столкнутся с откровенными предрассудками и страхом. Они окажутся в загоне, будут задыхаться от отравленной атмосферы, а на них никто не станет обращать внимания из-за простого безразличия. Все ужасы XX столетия поблекнут по сравнению с такой картиной» [Его же]. «Произойдут изменения в сфере здравоохранения, образования, безопасности, суверенитета. Появятся новые средства наблюдения за человеком – для измерения собственных показателей здоровья и контроля над их отклонением от нормы. Каждый будет сам себе доктор, преподаватель и контролер. <...> Самоконтроль превратится в высшую форму свободы, а страх несоответствия нормам будет ее ограничивать. Продолжительность жизни увеличится, власть сосредоточится в руках пожилых людей, которые предпочтут жить в долг. Возникнут новые порядки. <...> Ресурсы истощатся, и появится много роботов. <...> В один прекрасный день каждый сможет заниматься самолечением, изготавливать себе протезы для разных частей тела, а затем и клонироваться» [Его же 2014: 15–16].

И наконец, менее известный, но сильный теоретик глобализма З. Бауман пишет: «Дезинтеграция социальной сети, распад эффективных организаций коллективного действия часто бывает отмечен большой тревогой, и о нем сожалеют как о непредвиденном “побочном эффекте” новой легкости и текучести, все более и более мобильной, нестабильной, переменчивой, неуловимой и мимолетной власти. Но социальная дезинтеграция является как условием, так и результатом новой техники власти, использующей свободу и искусство ускользания в качестве своих главных инструментов. Чтобы власть могла быть текучей, мир должен быть свободен от заборов, барьеров, укрепленных границ и контрольно-пропускных пунктов. Любая плотная сеть социальных обязательств, и особенно основанная на территориальном принципе, является препятствием, которое необходимо убрать с пути. Глобальные силы склонны разрушать такие сети ради непрерывности и развития своей текучести, этого основного источника их могущества и гарантии их непобедимости» [Бауман 2008: 21].

Таковы, по замыслу глобалистов, картины новой реальности. И в самом ближайшем времени для того, чтобы человеку существовать в этой новой реальности, ему придется полностью отказаться от нравственности, от позитивной духовности, от каких бы то ни было человеческих качеств, от всего того, что еще недавно составляло сущность человека. Лишение человека всех этих измерений будет осуществляться по двум основным направлениям. Первое – его унификация, обезличивание, кодификация, полнейшая цифровизация всего спектра его деятельности. И второе – трансгуманизация человека: буквальное внедрение информационно-технологических элементов в естественно-биологическую природу человека, в его телесную форму; замена сначала отдельных органов его тела на искусственные, а затем и полная смена органики человека искусственным существом, в котором от человека не останется ничего. «Цель трансгуманистов – преодолеть человеческую природу для достижения качественно нового состояния – “нового тела” и “нового интеллекта” либо путем большого числа изменений в самом человеке, либо в результате создания искусственного существа» [Четве-

рикова]. Духовно предчувствующие будущее люди, а таких еще немало, предупреждают: «Люди становятся похожими на роботов. Теряют способность к суждению. Через несколько лет рассуждать смогут только те, чья профессия связана с исследованием. Остальные станут как машины» [Афонские... 2016: 32].

Такое будущее ожидает человека при осуществлении намерений творцов нового мирового порядка. Противостоять этому процессу вскоре будет некому, так как насаждаемая в общемировом масштабе пассивность человека (и общества) стала массовой и доминирующей во всех отношениях. Пассивность является негативным состоянием человека в том случае, когда он достаточно ясно представляет себе свою цель и пути ее достижения, и, однако, не реализует цель в силу своей пассивности. В таком случае можно говорить об отказе от цели в пользу комфортного существования, что, в конце концов, приведет к падению значимости цели как жизненно необходимой, вплоть до утраты способности ставить ее. «В новых обстоятельствах, скорее всего, основная часть жизни индивидуума и большинство человеческих жизней пройдут в мучительном выборе целей, а не в нахождении средств их достижения, не требующих размышлений» [Бауман 2008: 69].

Это будущее не является неизбежным, многое зависит от мужества человека противостоять подобным планам и от духовного состояния человека и человечества. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн (Снычев) проясняет влияние глобализма на сегодняшнюю реальность и причину нарастания бездуховности и зла в современном мире: «Бывают люди, сообщества, религиозные системы и целые государства, злоупотребляющие свободой нравственного выбора и склоняющиеся – сознательно или неосознанно – ко злу как к своему духовному и деятельному источнику. Да, их политическая, социальная и религиозная практика исторически преемственна и может быть ретроспективно отслежена до глубокой древности. Существуют и отшлифованные веками технологии этой разрушительной практики. Но – не существует и не может существовать в мире силы, способной управлять ходом общественного развития, и уж тем более – предопределять его результат. Силы зла обретают в современном мире все большую власть. Но происходит это не из-за того, что их носители как-то по-особому умны и предусмотрительны. Нет, зло возрастает по мере того, как мы сами (!) отступаем от Заповедей Божиих, добровольно отсекая себя от животного Источника добра и правды, справедливости и любви. Это не есть результат “заговора”, но печальное следствие всемирной апостасии, и может быть правильно понято и оценено лишь в рамках христианской эсхатологии, но не примитивных поисков виноватых во всем “заговорщиков”» [Митрополит Иоанн 2004: 286].

Заключение

Такими видятся тенденции глобализации будущего, и они в целом негативны. Есть некоторая надежда на неприятие описанного сценария будущего Россией, обладающей возможностью прибегнуть к ее национальным традиционным ценностям и отчасти ценностям православия (которые, несмотря на их слабое укоренение в российском массовом сознании, способны идейно сплотить российское общество, конечно, в продуктивном партнерстве с исламом). Но эти надежды еще надо осуществить, для чего необходимо перейти от пассивного наблюдения

за происходящим вокруг к активному созиданию новой реальности, отвечающей задачам возрождения страны. Понятно, что глобальный мир, построенный по лекалам либерализма, не примет эту новую реальность, и ее придется насаждать, преодолевая сопротивление. Достанет ли у России творческой энергии и силы для этого – вопрос. Но если не хватит, Россия вновь окажется «в плену Запада», и уверенная поступь глобализма в описанном выше ключе продолжится.

Современный человек, отказавшись от веры в Бога (в массе своей), пытается выстроить веру в нечто иное, так как без веры во что-то жить вообще чрезвычайно сложно. Однако стало ясно, что и веры в нечто иное человек удержать не может. «Современный европейский человек (как и человек восточных культур. – А. К.) потерял веру, которой он пытался в прошлом веке заменить христианскую веру. Он не верит больше в прогресс, в гуманизм, в спасительность науки, в спасительность демократии, он сознает неправду капиталистического строя и изверился в утопии совершенного социального строя» [Бердяев 2002а: 657–658].

Скорее всего, теперь человечество так и будет развиваться: каждый его шаг будет противоречив, станет привычной неочевидность успехов и проигрышей, нестабильность будет восприниматься как неизбежность, несовпадение намерений и результатов станет правилом. Это прискорбно и говорит об утрате чувства должного, но это так. Нельзя утратить сущностные характеристики человека: свободу, понимаемую как ответственность; совесть как голос Бога в человеке; обязанность нравственно относиться ко всему происходящему; способность к жертвенности, состраданию; человеческие добродетели, и среди них: вера, надежда, любовь (а все это, бесспорно, утрачено). Нельзя утратить все человеческое и при этом ожидать, что все будет хорошо, легко, без проблем, и что можно достигать цели, толком не поставив ее и не прилагая усилий к ее достижению. Как говорили древние по аналогичным случаям, «желающего судьба ведет, а не желающего – тащит», посему, если человечество пришло в состояние нравственной деградации, потеряло здоровое историческое чутье и способность к осмысленному созиданию будущего, что же, придется «тащиться» поневоле в ярме обстоятельств.

И все же, поскольку человек сущностно свободен, и никто из людей и сообществ не может сделать его будущее однозначно определенным, то сохраняется возможность избежать этого античеловеческого сценария. Человек может стать на пути реализации вышеописанных процессов, но это потребует от него усилий, на которые он, находясь в теперешнем его состоянии, вряд ли способен. Современный человек даже при угрозе исчезновения не желает сосредоточиться, собраться, воспрепятствовать планам превращения его в ничтожество, функционировать по роботизированным программам, поэтому в полной мере сохраняется опасность утраты каких бы то ни было позитивных перспектив. А вместе с тем уже давно было сказано: «Бог даровал нашему свободному произволению такую силу, что хотя бы все свойственные человеку чувства, весь мир и все демоны вооружились против него и вступили с ним в схватку, они насиловать его не могут; на его стороне всегда останется свобода предлагать предлагаемого и ими требуемого, если захочет, и не возжелать, если не захочет» [Никодим Святогорец 2002: 83].

Источником оптимизма, необходимого для преодоления негативных тенденций развития человечества по сценариям глобализма, выступает сущностная ду-

ховность человека, которая неуничтожима при любых обстоятельствах. Вот на этот духовный статус человека и на его центральное место в мире и в истории мы возлагаем надежду. На нас при этом ложится обязанность всеми силами стремиться соответствовать этому духовному статусу и способствовать порождающей будущее надежде.

Литература

Аттали Ж. Краткая история будущего. СПб. : Питер, 2014.

Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия [Электронный ресурс]. URL: <https://bookshake.net/b/na-poroge-novogo-tysyacheletiya-zhak-attali> (дата обращения: 10.09.2018).

Афанасий (Анастасиу), архим. Дадим больше места Христу в нашем сердце [Электронный ресурс]. URL: <https://pravoslavie.ru/140136.html> (дата обращения: 08.06.2021).

Афонские старцы о спасении и современном мире. М. : Святая Гора, 2016.

Бауман З. Текучая современность. СПб. : Питер, 2008.

Бердяев Н. Духовное состояние современного мира / Н. А. Бердяев // Смысл творчества: Опыт оправдания человека. М. : АСТ, 2002а.

Бердяев Н. Спасение и творчество / Н. А. Бердяев // Смысл творчества: Опыт оправдания человека. М. : АСТ, 2002б.

Георгий (Капсанис), архим. Православие и гуманизм. Православие и папизм [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Kapsanis/pravoslavie-i-gumanizizm-pravoslavie-i-papizm (дата обращения: 10.09.2020).

Иоанн Златоуст. Беседы на псалмы. Беседа на 109 псалом / Иоанн Златоуст // Полн. собр. творений: в 12 т. Т. 5. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2012.

Косиченко А. Г. Глобализация и религия // Век глобализации. 2013. № 1. С. 47–58.

Косиченко А. Г. Личностные аспекты глобализации // Материалы II Международного научного конгресса «Глобалистика – 2011: пути к стратегической стабильности и проблема глобального управления / под общ. ред. И. И. Абылгазиева, И. В. Ильина: в 2 т. Т. 1. М. : МАКС Пресс, 2011. С. 48–53.

Митрополит Иоанн. Самодержавие духа / Митрополит Иоанн // Русская симфония. Очерки русской историософии. СПб. : Царское дело, 2004.

Никодим Святогорец. Невидимая брань. М. : Правило веры, 2002.

Уэллс Г. Д. Новый мировой порядок / Г. Дж. Уэллс // Будущее нашего мира: процветание или гибель? М. : Кислород, 2021.

Франк С. Л. Свет во тьме / С. Л. Франк // Духовные основы общества. М. : Республика, 1992.

Четверикова О. Враг зашел с тыла [Электронный ресурс]. URL: https://ruskline.ru/analitika/2015/03/14/vrag_zashyol_s_tyla/ (дата обращения: 14.05.2019).

References

Attali J. *Kratkaya istoriya budushchego* [A Brief History of the Future]. St. Petersburg : Piter, 2014.

Attali J. *Na poroge novogo tysyacheletiya* [On the Threshold of the New Millennium]. URL: <https://bookshake.net/b/na-poroge-novogo-tysyacheletiya-zhak-attali> (accepted: 10.09.2018).

Afanasiy (Anastasiu), archim. Dadim bolshe mesta Khristu v nashem serdtse [Let's Give More Place to Christ in Our Hearts]. URL: <https://pravoslavie.ru/140136.html> (accepted: 08.06.2021).

Afonskiye startsy o spasenii i sovremennom mire [Athos Elders About Salvation and the Modern World]. Moscow : Svyataya Gora, 2016.

Bauman Z. Tekuchaya sovremennost' [Fluid Modernity]. St. Petersburg : Piter, 2008.

Berdyayev N. Dukhovnoye sostoyaniye sovremennogo mira [The Spiritual State of the Modern World] / N. A. Berdyayev // Smysl tvorchestva: Opyt opravdaniya cheloveka [The Meaning of Creation: The Experience of Human Justification] Moscow : AST, 2002.

Berdyayev N. Spaseniye i tvorchestvo [Salvation and Creativity] / N. A. Berdyayev // Smysl tvorchestva: Opyt opravdaniya cheloveka [The Meaning of Creation: The Experience of Human Justification]. Moscow : AST, 2002.

Georgiy (Kapsanis), archim. Igumen monastyrya Prepodobnogo Grigoriya. Pravoslaviye i gumanizm [Orthodoxy and Humanism. Orthodoxy and Papism]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Kapsanis/pravoslavie-i-gumanizm-pravoslavie-i-papizm (accessed: 10.09.2020).

Ioann Zlatoust. Besedy na psalmy. Beseda na 109 psalom [Conversations on Psalms. Conversation on Psalm 109] / Ioann Zlatoust // Polnoye sobraniye tvorenyy [Complete Works]: in 12 vols. Vol. 5. Svyato-Troitskaya Sergiyeva Lavra, 2012.

Kosichenko A. G. Globalizatsiya i religiya [Globalization and Religion] // Vek globalizatsii. 2013. No. 1. Pp. 47–58.

Kosichenko A. G. Lichnostnyye aspekty globalizatsii [Individual Aspects of Globalization] // Materialy II Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa "Globalistika – 2011: puti k strategicheskoy stabilnosti i problema globalnogo upravleniya" / ed. by I. I. Abylgaziyev, I. V. Il'in: in 2 vols. Vol. 1. Moscow : MAKS-Press, 2011. S. 48–53.

Mitropolit Ioann. Samoderzhaviye dukha [Autocracy of the Spirit] // Mitropolit Ioann. Russkaya simfoniya. Ocherki russkoy istoriosofii [Russian Symphony. Essays on Russian Historiosophy]. St. Petersburg : Tsarskoye delo, 2004.

Nikodim Svyatogorets. Nevidimaya bran' [Invisible Warfare]. Moscow : Pravilo very, 2002.

Wells H. G. Novyy mirovoy poryadok [The New World Order] / H. G. Wells // Budushcheye nashogo mira: protsvetaniye ili gibel' [Our World's Future: Prosperity or Perdition?] Moscow : Kislod, 2021.

Frank S. L. Svet vo t'me [Light in the Darkness] / S. L. Frank // Dukhovnyye osnovy obshchestva [The Spiritual Foundations of Society]. Moscow : Respublika, 1992.

Chetverikova O. Vrag zashel s tyla [The Enemy Came From the Behind]. URL: https://ruskline.ru/analitika/2015/03/14/vrag_zashyol_s_tyla/ (accessed: 14.05.2019).

В МИРЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

МЕГАТRENДЫ РАЗВИТИЯ МОРСКОГО ТРАНСПОРТА

Бабурина О. Н.¹, Кондратьев С. И., Кузнецова Г. В.

В статье на базе прогнозно-аналитической оценки современного состояния международного движения прямых иностранных инвестиций проведено исследование, посвященное анализу развития международных морских перевозок в условиях цифровой трансформации и под влиянием COVID-19. Выявлены основные процессы в области корпоративного управления морским транспортом в условиях нового витка научно-технического прогресса. Обосновано, что морские перевозки переживают трансформационный период, связанный с усилением консолидации бизнеса на базе цифровизации процессов управления, а также под влиянием активного продвижения зеленой повестки дня. В исследовании использован системный анализ статистических данных и экспертных оценок, приемы обобщения и группировки. Показано, что в условиях структурной перестройки мировой экономики наблюдаются укрупнение бизнеса, сокращение числа участников рынка и одновременно появление новых игроков в сфере морского транспорта. В конкурентную борьбу активно включаются новые компании из стран Азии, которые обеспечивают себе лидерство в отрасли с помощью тактики слияния и поглощений. Материалы статьи могут послужить базой для разработки мероприятий по формированию промышленной политики в области морского транспорта.

Ключевые слова: морской транспорт, морские перевозки, транснациональные корпорации (ТНК), цифровизация, зеленая экономика.

¹ Бабурина Ольга Николаевна – д. э. н., профессор кафедры экономической теории, экономики и менеджмента ФГБОУ ВО «Государственный морской университет имени адмирала Ф. Ф. Ушакова». E-mail: olgababurina@mail.ru.

Olga N. Baburina – Dr. Econ., Professor of the Department of Economic Theory, Economics and Management, Admiral Ushakov State Maritime University. E-mail: olgababurina@mail.ru.

Кондратьев Сергей Иванович – д. т. н., профессор кафедры судовождения ФГБОУ ВО «Государственный морской университет имени адмирала Ф. Ф. Ушакова». E-mail: mail@nsma.ru.

Sergey I. Kondratiev – Dr. Tech., Professor of the Department of Ship Navigation, Admiral Ushakov State Maritime University. E-mail: mail@nsma.ru.

Кузнецова Галина Владимировна – к. э. н., доцент кафедры мировой экономики ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова». E-mail: gkuznet3@gmail.com.

Galina V. Kuznetsova – Ph.D. Econ., Associate Professor of the Department of World Economy, Plekhanov Russian University of Economics. E-mail: gkuznet3@gmail.com.

MEGATRENDS IN THE DEVELOPMENT OF MARITIME TRANSPORT

This article analyses the development of international maritime transportation under conditions of digital transformation and the impact of COVID-19, based on a forecast-analytical assessment of the current state of foreign direct investment in international traffic. The main processes in the field of the corporate management of maritime transport under the conditions of new round of scientific and technological progress have been identified. It is grounded shipping is undergoing a transformational period connected with increased business consolidation, based on the digitalization of management processes, as well as under the influence of active promotion of the green agenda. The systematic analysis of statistical data and expert assessments, methods of generalization and grouping are used in the research. It is shown that in the context of the structural adjustment of the world economy, there is a consolidation of business, a reduction in the number of market participants and, at the same time, the emergence of new players in the field of maritime transport.

New companies from Asian countries, which secure leadership in the industry with the help of mergers and acquisitions tactics, actively join the competition. The materials of the article can serve as a basis for developing measures to form an industrial policy in the field of maritime transport.

Keywords: *maritime transport, maritime transportation, transnational corporations (TNCs), digitalization, green economy.*

Введение

Пандемия коронавируса и повсеместные локдауны, падение, а потом резкий подъем цен на нефть и другие сырьевые товары, активизация торговых войн и опасения по поводу введения новых санкций, спецоперация российских войск на территории Украины и другие факторы привели к тому, что уже никто не готов взять на себя ответственность за оценку будущего и перспективы развития глобальной экономики.

Уже два года мировая экономика находится под влиянием COVID-19. Мировое сообщество уже не раз охватывали масштабные эпидемии, но отличия современной пандемии от всех предыдущих заключаются в том, что она протекает в условиях многоаспектной глобализации и высокой транспортной мобильности населения, представляет собой новую угрозу планетарного масштаба, что требует беспрецедентных эпидемиологических мер для всех стран и народов [Чумаков 2020]. Возрастание роли Китая и других новых догоняющих и развивающихся стран разрывает традиционный ландшафт мировой экономики, что делает ее еще более нестабильной [Иноземцев 2019]. Современные финансово-экономические кризисы, которые после распада социалистической системы хозяйствования стали происходить чаще, а глубина падения экономик стала больше, в который раз показали, что современная капиталистическая система далека от совершенства [Хасбулатов 2017]. Все эти и другие факторы нестабильности, стремительно нарастающие изменения в мире можно интерпретировать как начало «мировой глобалистской революции» [Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2021].

В современной ситуации кризисной турбулентности и неопределенности производственно-хозяйственная деятельность столкнулась со множеством проблем, но особенно остро они затронули морской транспорт. Общеэкономические риски наложились на другие риски, традиционно связанные с морским транспортом. Это климатические аномалии, участвовавшие в последние годы и связанные с эффектами глобального потепления; это и неблагоприятная геополитическая обстановка во многих регионах мира – угрозы минирования портов и заливов, обстрел танкеров и других торговых судов, акты пиратства; это и аварии на транспорте вроде инцидента в Суэцком канале в марте 2021 г., когда контейнеровоз Ever Given перегородил канал, образовав беспрецедентное скопление судов у входа в него, что в конечном итоге привело к мировым потерям порядка 10 млрд долларов в день [Суэцкий...]. Все перечисленные и многие другие факторы нанесли и наносят огромный экономический ущерб и судовладельцам, и операторам, формируя атмосферу недоверия, сдержанности в развитии торговли и инвестиционного сотрудничества.

При всей своей гибкости морской транспорт остается одним из наиболее уязвимых звеньев мирохозяйственных связей и потому, очевидно, требует бережного отношения к себе. Всякий акт, направленный на дезорганизацию судоходства, подобно камню, брошенному в воду, вызывает круговую реакцию, которая распространяется на самые различные отрасли хозяйства, и часто последствия этой реакции трудно предсказать как в экономическом, так и в социальном, и в политическом плане.

Эта общая неопределенность ситуации вынудила многих инвесторов отказаться от активной деятельности. Как известно, среди наиболее пострадавших в 2020 г. оказался и транспортный сектор, в частности морские грузовые перевозки. Многие надеются, что низшая точка кризиса преодолена, и впереди – восстановительный цикл, однако крупный капитал и ТНК ведут себя с осторожностью.

Вместе с тем становится все более очевидным, что активная международная экспансия крупных компаний из разных стран мира во все сферы мирового хозяйства превратилась практически в главную движущую силу глобализации [Кониная 2020: 6]. От ее масштабов и динамики зависят многие мировые тенденции развития, особенно это касается морского транспорта как объекта инвестирования с высоким сроком окупаемости.

Цель исследования – выявить основные процессы в области консолидации капитала и корпоративного управления морским транспортом и перспективы дальнейшей транснационализации отрасли в условиях нового витка НТП.

Материалы и методы

И теоретики, и практики давно исследуют сферу транснационализации бизнеса как одну из движущих сил современного экономического развития. На первом этапе исследования не выходили за рамки кейнсианской или неолиберальной парадигмы, но в последнее время углубление глобализационных процессов и приобретение ими многовекторности формирует новые подходы к этому комплексу вопросов с использованием не только макроэкономического, но и микроэкономического анализа. Так, теория интернационализации, предложенная Р. Коузом [2007] и развитая П. Бакли, М. Кэссоном и А. Рагменом, рассматривает теорети-

ческую модель, трактующую международные торговые и финансовые сделки ТНК как внутрифирменные операции, которые определяются стратегическими целями и не связаны с макроэкономическими сравнительными преимуществами или различиями в обеспеченности факторами производства. Успехи ТНК объясняются результативностью, которую они получают, заменяя неэффективные рыночные сделки внутрифирменными отношениями, создавая структурные подразделения посредством строительства новых или поглощения действующих предприятий в разных странах [Исаченко и др. 2020: 436].

Майкл Портер в своих исследованиях причин успешности корпораций, помещенных им в ставший знаменитым ромб, отмечает «контекст стратегии фирмы и соперничества, а также родственные и поддерживающие отрасли, объем и стоимость, в числе прочих факторов, информационной и научно-технической инфраструктуры» [Портер 2005]. Поддерживающие отрасли (по М. Портеру) – поставщики узлов, комплектующих, услуг, сети ремонтных и сервисных компаний, финансовых и страховых институтов и пр. – в настоящее время приобретают особую значимость в связи с ростом взаимозависимости корпораций через участие в глобальных стоимостных цепочках добавленной стоимости.

Большой вклад в исследование ТНК с позиций «фирмы» внес Питер Друкер. Его исследование сохраняет ценность и в наше время, так как главный акцент ученым был сделан на стратегии корпорации в условиях, когда изменения «становятся нормой». «В периоды коренных структурных преобразований выживают только лидеры перемен, – пишет П. Друкер, – те, кто чутко улавливают тенденции изменений и мгновенно приспосабливаются к ним, используя себе во благо открывающиеся возможности». «Надо перестать жить вчерашним днем», – настаивал ученый [Друкер 2004: 104]. Несмотря на все изменения и неопределенность, в основе мощи корпорации лежит «соединение передовой техники с массивным применением капитала» [Гэлбрейт 1979: 67].

При этом, очевидно, нынешняя реальность, которую мы охарактеризовали как неопределенную, не дает возможности даже приблизительно спрогнозировать ближайшее будущее. Прав был Й. Шумпетер, который писал более 70 лет назад: «В любом прогнозе общественного развития мы ценим не положительный или отрицательный вывод, сделанный на основе определенных фактов и аргументов, а только сами эти факты и аргументы. <...> Экономический или любой анализ может лишь обнаружить тенденции, характерные для наблюдаемого объекта, мы не можем узнать с его помощью, что случится с этим объектом в будущем, в наших силах лишь предположить, что может случиться, если тенденции сохранятся такими же, как в период наблюдения, а никакие иные факторы не будут вмешиваться. <...> Общественная жизнь зависит от многих переменных, большая часть которых вовсе не поддается измерению» [Шумпетер 1995: 103].

Для выявления современных тенденций в сфере международных морских перевозок в условиях перехода к четвертой промышленной революции использованы отчеты и статистические данные Конференции ООН по торговле и развитию (UNCTAD), в частности, Отчет о мировых инвестициях [World... 2021] и Обзоры морского транспорта [Review... 2019–2021], а также материалы отечественных и зарубежных экспертов.

Результаты

В настоящее время транснационализация как процесс перемещения капитала из одной страны в другую в форме прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и усиления роли международных корпораций является главной движущей силой развития экономики и внешней торговли. В отчетах ЮНКТАД, посвященных международному движению капитала и мировым инвестициям, применяется термин «многонациональные предприятия» (МНП), в российской литературе наиболее часто используются словосочетания «транснациональные корпорации» (ТНК) и «многонациональные корпорации» (МНК). В данной статье эти термины рассматриваются как идентичные.

Трансграничное движение инвестиций можно рассматривать как главную движущую силу развития экономики и внешней торговли. Государства и корпорации вступают в схватки друг с другом на арене глобальной конкуренции без правил, что оказывает давление на компании и их работников. Формирование общемирового инвестиционного пространства на основе крупномасштабного перелива капитала стало важнейшим проявлением глобализации. Объемы трансграничных слияний и поглощений, в том числе масштабных, так называемых мегаделок, сумма которых превысила 1 млрд долларов, достигли максимального уровня за всю историю наблюдений [Кузнецова 2020].

В пандемийный период введения ограничительных мер инвестиционная активность в глобальной экономике заметно снизилась. В 2020 г. глобальные потоки ПИИ сократилась на 35 % и составили 1 трлн долларов (в 2019 г. их объем составил 1,5 трлн долларов). Максимальное снижение притока ПИИ произошло в развитых странах, спад на 58 %, притом что в развивающихся он сократился на 8 % [World... 2021]. Морские перевозки, судостроение и связанные с ними отрасли также являются объектом экспансии крупного капитала. Влияние ТНК особенно заметно возросло в последние годы, что связано с перемещением центра судостроения в Китай, который вышел на лидирующие позиции наравне с Японией и Южной Кореей. Конкуренция на рынке заметно обострилась, и другим игрокам в борьбе за рынки приходится перестраивать свой бизнес.

На протяжении последних нескольких лет постоянной политической и экономической неопределенности и нестабильности на мировом рынке динамика слияний и поглощений в целом оставалась устойчивой. Это говорит о том, что участники сделок больше внимания уделяют фундаментальным показателям (экономический рост, макросреда и состояние финансовых рынков). Однако снижение общемировых темпов роста, торговые войны, влияние Brexit, ослабление темпов роста китайской экономики заставляют игроков быть более избирательными и осторожными с выбором целей [Васюков 2020], а регулирующие органы – не спешить с принятием одобряющих решений.

Например, корейская Hyundai Heavy Industries (HHI), являясь крупнейшей в мире судостроительной корпорацией (на нее приходится до 10 % объема мирового рынка судов, 30 % объема мирового производства судовых двигателей [The World's...], к началу 2021 г. она поставила более 2,2 тыс. судов 324 судовладельцам из 52 стран), заметно активизирует политику по консолидации активов. Так, корпорация с 2019 г. вела переговоры о выкупе пакета акций занимающей второе место в отрасли другой корейской судостроительной компании Daewoo Shipbuilding & Marine Engineering Co. Сделка по поглощению объемом в 2 млрд

долларов привела бы к созданию внеконкурентного лидера судостроения с контролем над 20 % мирового рынка новых судов и 60 % мирового рынка морских грузовых перевозок, и она не состоялась только благодаря твердой позиции Еврокомиссии, заблокировавшей ее в начале 2022 г. по причине резкого роста цен на энергоресурсы [ЕС...].

В 2019 г. произошло слияние двух основных судостроительных компаний Китая – Китайской государственной судостроительной корпорации China State Shipbuilding Co (CSSC) и Китайской судостроительной корпорации China Shipbuilding Industry Co (CSIC) – и образование единой корпорации China State Shipbuilding Group. В составе Группы 106 научно-исследовательских институтов, компаний и обществ, активы совокупной стоимостью 870 млрд юаней и 220 тыс. сотрудников. Корпорация производит широкий спектр судостроительной продукции от авианосцев до нефтяных танкеров и газозовов. Это крупнейшая в мире судостроительная группа, которая регулирует и выполняет требования международных общих технических стандартов и конвенций по безопасности [CSSC]. Создание такой мегакорпорации серьезно повлияет на мировой рынок судостроения.

В области морских перевозок также наблюдается активная консолидация бизнеса: основные операции и активы концентрируются в рамках все меньшего числа компаний. Так, в сегменте контейнерных перевозок совокупная рыночная доля 10 крупнейших судоходных контейнерных компаний увеличилась с 68 % в 2014 г. до 90 % в 2019 г. [Review... 2020]. При этом список лидеров достаточно подвижен за счет операций по слияниям и поглощениям. Так, в 2020 г. в десятку крупнейших вошла компания из ОАЭ, поглотившая конкурентов из стран Персидского залива (табл. 1).

Таблица 1

**Десять крупнейших глобальных ТНК
в области контейнерных перевозок, 2020 г.**

№	Название	Страна	Характеристика
1	A. P. Moller – The Maersk Group (Maersk Line)	Дания	Осуществляет перевозки между более чем 120 странами более чем в 340 портов. Обладает флотом в 630 контейнерных судов, в 2018 г. перевезено 3,3 млн двадцатифутовых контейнеров. Maersk занимает 27 % всего рынка контейнерных перевозок в Северной Америке, 22 % – в Евроазиатском регионе, 27 % – в Латинской Америке, 29 % – в Африке и 21 % в Океании
2	Mediterranean Shipping Company (MSC)	Швейцария	Занимается транспортировкой грузов в более чем 150 странах, является крупнейшей глобальной частной компанией в этой отрасли. Обладает флотом премиальных круизных лайнеров. Имеет 510 контейнеровозов, которыми в 2018 г. было перевезено более 2 млн стандартных контейнеров типа TEU
3	CMA CGM Group	Франция	Обладает 500 судами общей мощностью перевозки до 2,7 млн стандартных контейнеров типа TEU. Обслуживает 174 судоходных пути, которые связывают между собой более чем 150 стран мира и более чем 400 портов

Окончание Табл. 1

№	Название	Страна	Характеристика
4	China Ocean Shipping Company (COSCO)	Китай	Доставляет грузы в 85 стран, в 267 портов, работает на 355 морских путях, имеет флот в 361 судно. В 2016 г. произошло слияние с China Shipping Group. Помимо контейнерных перевозок, COSCO предоставляет услуги сухогрузов и судов снабжения. В 2018 г. на нее пришлось 14,6 % мирового рынка контейнерных перевозок, перевезла 2,1 млн стандартных контейнеров типа TEU
5	Evergreen Marine	Тайвань (КНР)	Имеет более 190 судов, которые обслуживаются в 240 портах. Это старейшая в мире компания в своей области. Количество стандартных контейнеров типа TEU, которые компания доставляет в более чем 90 стран мира, составляет 1,1 млн штук
6	Hapag-Lloyd	Германия	Владельцами компании выступают шесть крупных инвесторов в тандеме с публичными держателями акций, среди которых: CSAV (25,8 %), Klaus Michael Kühne (25,0 %), HGV Hamburger (13,9 %), Qatar Investment Authority (14,5 %) и Saudi Investment Fund (10,2 %). Обладает флотом из 235 судов, обслуживает 121 морской путь, 600 портов. В 2018 г. перевезла 1,2 млн контейнеров
7	Hamburg Süd Group	Германия	Владеет 33 суднами. Ей также принадлежит Brazil's Aliança, суда которой плавают под бразильским флагом
8	Hanjin Shipping	Республика Корея	Крупнейшая транспортная компания в Республике Корея, владеет 170 судами, ежегодно перевозит 100 млн т груза
9	Orient Overseas Container Line (OOCL)	Гонконг (КНР)	Имеет 300 судов, которые обслуживают 70 стран
10	United Arab Shipping Company (UASC)	ОАЭ	Была образована как совместное предприятие с капиталом Бахрейна, Ирака, Кувейта, Катара, Саудовской Аравии и ОАЭ. В настоящее время зарегистрирована в ОАЭ. Суда компании обслуживаются в 240 портах

Источник: [Тор...].

Точно так же монополизировано управление основными терминалами портов мира (табл. 2).

Таблица 2

Десять наиболее крупных операторов портовых терминалов, 2019 г.

Наименование порта	Пропускная способность			Мощность		
	Обработка в портах млн TEU	Доля в мировых объемах в %	Изменение в млн TEU	Изменение в %	Общая мощность млн TEU	Изменения в %
COSCO	109,8	13,7	4,0	3,8	141,6	8,9
PSA International	84,8	10,6	4,8	5,9	117,0	3,9
APM Terminals	84,2	10,5	5,5	7,0	107,6	7,9
Hutchison Ports	82,6	10,3	0,1	0,1	113,0	0,9
DP World	69,4	8,7	-0,6	-0,9	91,0	1,5
Terminal Investment Ltd	50,8	6,3	3,1	6,4	72,8	16,8
China Merchants Port	35,6	4,4	1,1	3,1	44,2	3,1
CMA CGM	26,1	3,3	0,5	2,0	43,1	12,3
SSA Marina	13,0	1,6	0,4	3,3	20,5	1,4
ITCSI	11,8	1,5	2,0	20,9	20,0	11,7

Источник: [Review... 2020].

Активно формируются альянсы между контейнерными перевозчиками. В настоящее время на рынке контейнерных перевозок лидируют три альянса, которые доминируют на трех основных торговых маршрутах (табл. 3). С 2014 по 2019 г. эти альянсы увеличили свою совокупную долю рынка с 68 % до 90 %, а свой действующий провозной потенциал – примерно с 55 млн до 96,4 млн ДФЭ.

Таблица 3

Доля трех альянсов на рынке контейнерных перевозок в % на основных транспортных маршрутах Восток – Запад по провозной способности в ДФЭ по состоянию на февраль 2019 г.

Название альянса/направление	Азия – Европа	Трансатлантический	Транстихоокеанский
2М	36,5	47,8	17,5
Ocean	37,4	15,2	42,2
THE	24,9	28,5	27,0
Другие операторы	1,1	8,5	13,3

Источник: [Review... 2019].

С началом пандемии позиции указанных альянсов заметно ослабли в результате активизации деятельности новых игроков, привлеченных небывалым ростом фрахтовых ставок. Альянс 2М, в который входят Maersk и MSC, потерял долю провозных мощностей на направлении Азия – Северная Европа в пользу Транстихоокеанского альянса (Ocean) в составе CMA CGM, Cosco и Evergreen. На направлении Азия – Средиземноморье 2М был потеснен Ocean Alliance и THE Alliance, куда входят Harap-Lloyd, HMM, Ocean Network Express (ONE) и Yang Ming. Наиболее существенные сдвиги в перераспределении долей произошли на

транстихоокеанском направлении: все три крупнейших альянса – 2М, Ocean Alliance, THE Alliance – сократили свои доли из-за выхода на рынок новых компаний, которые подключили к перевозкам все имеющиеся суда, какие только могли найти. Так, если в январе 2020 г. доля альянса 2М по вместимости задействованного на транстихоокеанском трейде флота составляла 21 %, то в январе 2021 г. упала до 15 %. Доля Ocean Alliance составляла 39 % в начале 2020-го и 31 % в начале 2021 г., а THE Alliance – соответственно 33 % и 29 %. Однако несмотря на то, что доля на этом трейде контейнерных линий, не входящих в альянсы, на январь 2020 г. составляла 19 %, а на январь этого года выросла до 30 % [Контейнерные...], лидерование традиционных альянсов сохраняется.

Консолидация бизнеса наблюдается в сфере как линейного судоходства, так и чартерных перевозок, что подтверждается ростом доли крупнейших компаний, индекса Херфиндала – Хиршмана и коэффициента Джини (табл. 4).

Таблица 4

Показатели концентрации линейного судоходства на тихоокеанских маршрутах в 2006 и 2019 гг.

Наименование показателя	2006 г.	2019 г.	Тенденции
Доля крупнейшей судоходной компании в %	29	33	Концентрация повысилась
Доля 4-х крупнейших судоходных компаний в %	57	60	Концентрация повысилась
Индекс Херфиндала – Хиршмана	1253	1497	Концентрация повысилась
Число компаний	22	24	Концентрация снизилась
Коэффициент Джини	0,53	0,59	Концентрация повысилась

Источник: [Review... 2019].

Следует отметить, что активное участие компаний линейных перевозок в альянсах привело к росту объема морских перевозок, увеличению количества судов в расчете на один маршрут, вводу в эксплуатацию более крупных судов и сокращению средней продолжительности рейсов (табл. 5). Эти тенденции позволяют обеспечить большую гибкость и адаптируемость судовладельцев и операторов к быстро меняющимся рыночным условиям.

Таблица 5

Основные изменения в системе морских перевозок, предлагаемые всеми операторами, 2014–2019 гг. (данные за 1 квартал)

Наименование показателя	Маршруты, предлагаемые всеми операторами			Маршруты, предлагаемые всеми операторами, которые являются членами альянса			Маршруты, предлагаемые операторами, которые не являются членами альянса		
	2014	2019	Изменение в %	2014	2019	Изменение в %	2014	2019	Изменение в %
Количество маршрутов	504	455	–9,7	150	285	90,0	431	223	–48,3
Количество судов в расчете на один маршрут	7	8	12,3	8	9	8,5	7	5	–23,0

Окончание Табл. 5

Наименование показателя	Маршруты, предлагаемые всеми операторами			Маршруты, предлагаемые всеми операторами, которые являются членами альянса			Маршруты, предлагаемые операторами, которые не являются членами альянса		
	2014	2019	Изменение в %	2014	2019	Изменение в %	2014	2019	Изменение в %
Средняя вместимость судна (ДФЭ)	4869	6636	36,3	5933	7823	31,8	4453	3040	-31,7
Средний рейс туда и обратно (дни)	64	65	1,9	66	64	-2,5	63	68	7,5

Источник: [Review... 2019].

Консолидации бизнеса в области морского транспорта способствуют процессы цифровизации, требующие огромных инвестиций, которые может себе позволить далеко не каждая компания. Речь идет о роботизации, внедрении искусственного интеллекта (ИИ), Больших данных, блокчейна, цифровых платформ – маркетплейсов. Уже есть положительные результаты использования системы PCS (Port Community System), которая является открытой и нейтральной платформой электронного взаимодействия информационных систем, принадлежащих различным компаниям и организациям. Свои грузовые сервисы организует Amazon – через Prime Air, Alibaba в партнерстве с COSCO создала логистическую платформу для малых и средних предприятий. Uber и Tencent (владелец WeChat), расширяют логистические и транспортные услуги через свои платформы [Бабурина, Кузнецова 2020].

Важным стимулом развития процессов консолидации капиталов в руках олигополий и альянсов является общий тренд на экологизацию материального производства. В области морского транспорта это проявляется в запросах на улучшение параметров гидродинамики, создание более энергоэффективных двигателей, применение низкоуглеродных и безуглеродных видов топлива для судов. Например, консорциум Green Maritime Methanol в составе ведущих международных морских компаний, судовладельцев, верфей, производителей, портов и научно-исследовательских институтов при поддержке Министерства экономики и климатической политики Нидерландов занимается изучением возможности использования метанола в качестве экологичного альтернативного транспортного топлива в морском секторе. Корпорация Maersk (A.P.M.) в период с 2014 по 2019 г. инвестировала ежегодно около 1 млрд долларов в проекты по повышению технической и финансовой надежности безуглеродных решений, разработку и внедрение энергоэффективных вариантов судовых двигателей [Review... 2020]. Характерно, что на официальных сайтах всех компаний – лидеров в области морских перевозок содержится декларация курса на экологизацию их деятельности в рамках выполнения Целей устойчивого развития ООН.

Обсуждение результатов

Судостроение и морские перевозки в настоящее время переживают период трансформации, связанной как с вызовами цифровой революции, так и с общими изменениями в международной экономической повестке дня. Эти процессы раз-

ворачиваются в условиях общего падения деловой активности, сокращения международной торговли, объемов морских перевозок, снижения спроса, вызванного совокупностью различных факторов внешнего и внутреннего характера.

Эпидемия коронавируса внесла дополнительные коррективы в наметившиеся тенденции международного движения товаров и капиталов. Если в 2016 г. объемы ПИИ в мировом масштабе превысили 2 трлн долларов, то в 2020 г. они снизились до 1 трлн долларов. Происходит сокращение прибыли МНП, что также влияет на показатели объемов реинвестирования капитала. Согласно данным доклада ЮНКТАД, прибыль МНП в 2020 г. снизилась на 36 % [World...]. Пострадали и транспортные компании. Объем международных морских перевозок в 2020 г. снизился на 3,8 %. Наибольший спад наблюдался в перевозках сырой нефти, газа и нефтепродуктов, он составил 7,7 % [Review... 2021]. Пандемия нанесла сильнейший удар по плавсоставу морских судов, часть моряков длительное время работала без смены экипажа и не могла добраться домой, а другая часть длительное время находилась без работы. Для моряков остро встали проблемы медицинского обеспечения, которые требовали немедленного решения [Ботнарюк и др. 2021]. В условиях пандемии вопросы кибербезопасности в морских портах, которые появились с широким внедрением процессов цифровизации, приобрели особую значимость [Бабурин, Гуриева 2019]. Для обеспечения безопасности мореплавания, работы морских портов и терминалов требуется координация усилий международных, правительственных, государственных и частных компаний всех стран мира.

В новейшей истории мира 2020 год стал одним из самых сложных. Пандемия COVID-19 заставила компании задуматься о том, насколько прочен и устойчив их бизнес и насколько практикуемая стратегия соответствует новым реалиям [Чумаков 2020]. Сделки по слиянию и поглощению, укрупнению бизнеса корпорациям в области морского транспорта представляются наиболее быстрым и эффективным способом адаптации к новым вызовам.

В целом же перспективы инвестиционной активности ТНК будет определять действие ряда глобальных факторов: сроки окончания спецоперации на Украине, темпы восстановления макроэкономики, политика правительств стран мировых лидеров, развитие ситуации с коронавирусом, темпы вакцинации и введение новых ограничительных мер, состояние торговых отношений США и Китая. В зависимости от хода развития этих тенденций будет развиваться процесс международного движения капиталов, включая ПИИ. Благоприятный сценарий может обеспечить рост притока ПИИ в мире, что позволит реализовать отложенные и приостановленные пандемией и другими событиями сделки по слиянию и поглощению (продажа непрофильных активов, консолидация рынка наименее пострадавшими от пандемии игроками, структурные изменения, направленные на скорейшую адаптацию к жизни в новых условиях), обеспечить быстрый рост количества сделок в сфере цифровых и иных технологий [KPMG...]. Эти объективные обстоятельства следует учитывать компаниям при планировании и прогнозировании своей деятельности.

Заключение

Проведенный анализ позволил сделать вывод, что рост консолидации активов и транснационализации бизнеса – мегатренды развития морской отрасли. Судостроение, морские перевозки, портовые операторы являются объектом экспансии крупного капитала.

1. В области строительства судов уровень консолидации активов достиг таких масштабов, что мировой рынок судостроения практически поделен между одной китайской мегакорпорацией и двумя южнокорейскими.

2. В области морских перевозок также проявляется тенденция к консолидации – количество компаний сокращается. Рыночная доля 10 % крупнейших компаний в сегменте контейнерных перевозок возросла с 68 % в 2014 г. до 90 % в 2019 г. Список лидеров по масштабам слияний и поглощений меняется: и хотя долгие годы его возглавлял Maersk, в 2021 г. на первое место вышла MSC.

3. Растет концентрация операций по погрузке-выгрузке в морских портовых терминалах. На долю пяти ведущих контейнерных терминалов приходится свыше 50 % мировых объемов перевалки контейнерных грузов.

4. Активизируются процессы формирования альянсов на рынке контейнерных перевозок. Доля трех ведущих альянсов, хотя и снижается последние два года, но остается доминирующей.

5. Возросли показатели концентрации линейного судоходства – индекс Херфиндаля – Хиршмана и доля четырех крупнейших компаний (достигла 60 %).

Тенденции консолидации бизнеса вполне закономерны: развивающиеся процессы цифровизации и экологизации требуют огромных инвестиций, которые могут себе позволить не все компании. Тренд на экологизацию требует использования более энергоэффективных двигателей и низкоуглеродных видов топлива для судов, что возможно достичь путем огромных капиталовложений. Сделки по слиянию и поглощению, растущая транснационализация бизнеса являются способом адаптации бизнеса к новым вызовам и рискам современного мира. Пандемия COVID-19 и события на Украине внесли кардинальные перемены в жизнь мирового сообщества, но мегатренды к консолидации и транснационализации бизнеса в сфере морского судостроения, контейнерных перевозок, портовых операций и линейного судоходства сохранили свое прежнее направление.

Литература

Бабурина О. Н., Гуриева Л. К. Риски и угрозы функционирования морской отрасли в условиях цифровизации мировой экономики // *Морские интеллектуальные технологии*. 2019. № 2(44). С. 109–115.

Бабурина О. Н., Кузнецова Г. В. Перспективы цифровизации международных морских перевозок // *Морские интеллектуальные технологии*. 2020. № 4(50). С. 67–72.

Ботнарюк М. В., Тимченко Т. Н., Тонконог В. В. Проблемные аспекты оказания медицинской помощи на борту морского судна членам экипажа // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2021. Т. 29. № 5. С. 1125–1131.

Васюков Е. А. Сравнительный анализ факторов привлекательности национальных экономик для трансграничных сделок слияний и поглощений // *Ars Administrandi (Искусство управления)*. 2020. Т. 12. № 2. С. 253–269.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л. Идем ли мы к глобалистской революции? (Как глобалисты пытаются изменить мир.) Ст. 1. Глобализм в «революционном» аспекте // Век глобализации. 2021. № 4. С. 3–26.

Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества / под общ. ред. Н. Н. Иноземцева, А. Г. Милейковского. М. : Прогресс, 1979.

Друкер П. Ф. Задачи менеджмента в XXI веке. М. : Вильямс, 2004.

ЕС запретит слияние Daewoo и Hyundai из-за энергокризиса [Электронный ресурс] : Financial Times. 2022. 11 января. URL: <https://biz.liga.net/all/all/novosti/eszapretit-sliyanie-daewoo-i-hyundai-iz-za-energokrizisa-financial-times> (дата обращения: 14.03.2022).

Иноземцев В. Л. Экономика и политика глобализации: уроки прошлого для настоящего и будущего // Век глобализации. 2019. № 2(30). С. 3–15.

Исаченко Т. М., Ревенко Л. С., Платонова И. Н. и др. Современные международные экономические отношения в эпоху постбиполярности. М. : МГИМО-Университет, 2020.

Кони́на Н. Ю. Современные транснациональные корпорации. М. : МГИМО-Университет, 2020.

Контейнерные альянсы теряют долю [Электронный ресурс]. URL: <https://seanews.ru/en/2021/08/26/kontejnerye-aljansy-terjajut-dolju> (дата обращения: 14.03.2022).

Коуз Р. Фирма, рынок и право. М. : Новое изд-во, 2007.

Кузнецова Г. В. Пандемия, цифровизация и прямые иностранные инвестиции // Финансы, Деньги, Инвестиции. 2020. № 1. С. 3–9.

Портер М. Конкуренция. М. : Вильямс, 2005.

Суэцкий канал. Дела текущие [Электронный ресурс]. URL: <http://www.morvesti.ru/themes/1693/91556/> (дата обращения: 14.03.2022).

Хасбулатов Р. И. Идолы и идолопоклонники: крах либертаризма. Статья третья // Век глобализации. 2017. № 3(23). С. 3–16.

Чумаков А. Н. Глобалистика в контексте современности: испытание пандемией // Век глобализации. 2020. № 3 С. 3–14.

Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М. : Экономика, 1995.

CSSC [Электронный ресурс]. URL: <http://www.csic.com.cn/n4/index.html> (дата обращения: 14.03.2022).

KPMG. Рынок слияний и поглощений в России в 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/ru/pdf/2021/02/ru-ru-ma-survey-2020-fin.pdf> (дата обращения: 14.03.2022).

Review of Maritime Transport. 2019. UNCTAD [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/rmt2019_en.pdf.

Review of Maritime Transport. 2020. UNCTAD [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/rmt2020_en.pdf.

Review of Maritime Transport. 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/rmt2021_en.pdf.

The World's No.1 Shipbuilding [Электронный ресурс]. URL: https://english.hhi.co.kr/biz/ship_over (дата обращения: 14.03.2022).

Top 10 International Container Shipping Companies [Электронный ресурс]. URL: <https://moverdb.com/shipping-companies/> (дата обращения: 14.03.2022).

World Investment Report 2021 UNCTAD/ WIR/2021 [Электронный ресурс]. URL: https://wir2021_en.pdf.

References

Baburina O. N., Guriyeva L. K. Riski i ugrozy funktsionirovaniya morskoy otrasli v usloviyakh tsifrovizatsii mirovoy ekonomiki [Risks and Threats to the Maritime Industry in a Digitalised World Economic Environment] // Morskiye intellektual'nyye tekhnologii. 2019. No. 2(44). Pp. 109–115.

Baburina O. N., Kuznetsova G. V. Perspektivy tsifrovizatsii mezhdunarodnykh morskikh perevozok [Prospects for Digitalisation of International Maritime Transport] // Morskiye intellektual'nyye tekhnologii. 2020. No. 4(50). Pp. 67–72.

Botnaryuk M. V., Timchenko T. N., Tonkonog V. V. Problemnyye aspekty okazaniya meditsinskoy pomoshchi na bortu morskogo sudna chlenam ekipazha [Problematic Aspects of Medical Care Onboard a Seagoing Vessel for Crew Members] // Problemy sotsial'noy gigiyeny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny. 2021. Vol. 29. No. 5. Pp. 1125–1131.

Vasyukov Ye. A. Sravnitel'nyy analiz faktorov privlekatel'nosti natsional'nykh ekonomik dlya transgranichnykh sdelok sliyaniy i pogloshcheniy [Comparative Analysis of the Attractiveness of National Economies for Cross-Border Mergers and Acquisitions] // Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya). 2020. Vol. 12. No. 2. Pp. 253–269.

Grinin L. Ye., Grinin A. L. Idem li my k globalistskoy revolyutsii? (Kak globalisty pytayutsya izmenit' mir) [Are We Heading for a Globalist Revolution? (How Globalists are Trying to Change the World). Article one. Globalizm v «revolyutsionnom» aspekte [Globalism in its “Revolutionary” Aspect] // Vek globalizatsii. 2021. No. 4. Pp. 3–26.

Galbraith J. Ekonomicheskiye teorii i tseli obshchestva [Economics and the Public Purpose]. Moscow : Progress, 1979.

Drucker P. F. Zadachi menedzhmenta v XXI veke [Management Challenges for the 21st Century]. Moscow : Vil'yams, 2004.

ES zapretit sliyaniye Daewoo i Hyundai iz-za energokrizisa [EU Will Ban Daewoo and Hyundai Merger Because of Energy Crisis] : Financial Times. 2022. January 11. URL: <https://biz.liga.net/all/all/novosti/es-zapretit-sliyanie-daewoo-i-hyundai-iz-za-energokrizisa-financial-times> (accessed: 14.03.2022).

Inozemtsev V. L. Ekonomika i politika globalizatsii: uroki proshlogo dlya nastoyashchego i budushchego [The Economics and Politics of Globalisation: Lessons From the Past for the Present and the Future] // Vek globalizatsii. 2019. No. 2(30). Pp. 3–15.

Isachenko T. M., Revenko L. S., Platonova I. N. *et. al.* Sovremennyye mezhdunarodnyye ekonomicheskiye otnosheniya v epokhu postbipolyarnosti [Modern International Economic Relations in the Era of Post-Bipolarity] / ed. by T. M. Isachenko. Moscow : MGIMO-Universitet, 2020.

Konina N. Yu. Sovremennyye transnatsional'nyye korporatsii [Modern Multinational Corporations]. Moscow : MGIMO-Universitet, 2020.

Konteynerye al'yansy teryayut dolyu [Container Alliances Are Losing Their Share]. URL: <https://seanews.ru/en/2021/08/26/kontejnerye-aljansy-terjajut-dolju> (accessed: 14.03.2022).

Coase R. Firma, rynek i parvo [The Firm, The Market, and The Law]. Moscow : Novo-ye izdatel'stvo, 2007.

Kuznetsova G. V. Pandemiya, tsifrovizatsiya i pryamyje inostrannyye investitsii [Pandemic, Digitalisation, and Foreign Direct Investment] // *Finansy, Den'gi, Investitsii*. 2020. No. 1. Pp. 3–9.

Porter M. Konkurentsya [On Competition]. Moscow : Vil'yams, 2005.

Suetskiy kanal. Dela tekushchiye [Suez Canal. Current Affairs]. URL: <http://www.morvesti.ru/themes/1693/91556/> (accessed: 14.03.2022).

Khasbulatov R. I. Idoly i idolopoklonniki: krakh libertarizma [Idols and Idolaters: The Collapse of Libertarianism]. Article three // *Vek globalizatsii*. 2017. No. 3(23). Pp. 3–16.

Chumakov A. N. Globalistika v kontekste sovremennosti: ispytaniye pandemiyye [Globalism in the Context of Modernity: The Trial of a Pandemic] // *Vek globalizatsii*. 2020. No. 3. Pp. 3–14.

Schumpeter J. Kapitalizm, sotsializm i demokratiya [Capitalism, Socialism and Democracy]. Moscow : Ekonomika, 1995.

CSSC. URL: <http://www.csic.com.cn/n4/index.html> (accessed: 14.03.2022).

KPMG. Rynek sliyaniy i pogloshcheniy v Rossii v 2020 g. [KPMG. The Russian M&A market in 2020]. URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/ru/pdf/2021/02/ru-ru-masurvey-2020-fin.pdf> (accessed: 14.03.2022).

Review of Maritime Transport. 2019. UNCTAD. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/rmt2019_en.pdf.

Review of Maritime Transport. 2020. UNCTAD. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/rmt2020_en.pdf.

Review of Maritime Transport. 2021. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/rmt2021_en.pdf.

The World's No. 1 Shipbuilding. URL: https://english.hhi.co.kr/biz/ship_over (accessed: 03/14/2022).

Top 10 International Container Shipping Companies. URL: <https://moverdb.com/shipping-companies/> (accessed: 14.03.2022).

World Investment Report 2021 UNCTAD/WIR/2021. URL: https://wir2021_en.pdf.

ИДЕЙНЫЕ ОСНОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США

Бабушок Н. О.*

В современном мире США на глобальном уровне являются доминирующим центром силы. Однако геополитический ландшафт находится в состоянии трансформации: формируются новые полюса силы, центры принятия решений. Тем не менее огромный экономический потенциал, серьезная цивилизационная составляющая, обладание ядерным оружием и постоянное членство в совете безопасности ООН – все это делает США самым влиятельным игроком на международной арене. Внешнеполитический курс Соединенных Штатов из-за совокупности факторов постоянно меняется от активизации силовой и жесткой политики до перехода к более умеренной и взвешенной. Внешнеполитические концепции Соединенных Штатов, доктрины, иные нормативные акты, регулирующие американский внешнеполитический вектор, составляются в соответствии с национальными интересами США и положением дел на международной арене. При этом во многих документах прослеживаются единое видение Соединенными Штатами своего места в мире, определенные базовые идеи, лежащие в основе реального участия США в глобальных политических процессах. Данная статья посвящена идейным основаниям внешней политики США. В ней проанализированы основные американские идеи и концепции, лежащие в основе внешней политики США, их природа и развитие. Основное внимание уделено концепции изоляционизма, идеализма, идеям американской исключительности и демократического фундаментализма.

Ключевые слова: *внешняя политика США, геополитика, изоляционизм, идеализм, идеология, мягкая сила.*

IDEOLOGICAL FOUNDATIONS OF US FOREIGN POLICY

In modern world the United States is the dominant global center of power. However, the geopolitical landscape is in a state of transformation: new poles of power and decision-making centers are being formed. Nevertheless, the huge economic potential, a serious civilizational component, the possession of nuclear weapons and permanent membership in the UN Security Council – all this makes the United States the most influential player in the international arena. Due to a combination of factors the foreign policy of the United States is constantly changing from the intensification of a power and tough policy to the more moderate and bal-

* Бабушок Никита Олегович – аспирант факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: nicolasspj@icloud.com.

Nikita O. Babushok – postgraduate student of the Faculty of Global Processes, Lomonosov Moscow State University. E-mail: nicolasspj@icloud.com.

anced one. The foreign policy concepts of the United States, doctrines, and other normative acts regulating the American foreign policy vector are drawn up in accordance with the national interests of the United States and the state of affairs on the international arena. At the same time, many documents trace a common vision by the United States of its place in the world, certain basic ideas that underlie the actual participation of the United States in global political processes. This article is devoted to the ideological foundations of US foreign policy. It analyzes the main American ideas and concepts underlying US foreign policy, their nature and development. The main attention is paid to the concept of isolationism, idealism, the ideas of American exceptionalism and democratic fundamentalism.

Keywords: *US foreign policy, geopolitics, isolationism, idealism, ideology, soft power.*

Со времен Американской революции 1765–1783 гг. вплоть до начала XX в. Соединенные Штаты Америки придерживались политики невмешательства в дела других стран [Herring 2008]. Политика невмешательства (non-interventionism) в политической теории представлена доктриной, согласно которой государство не должно вмешиваться во внутренние дела других стран. Позднее политика трактовалась как «невмешательство государства или государств во внешние дела другого государства без его согласия или во внутренние дела с его согласия или без него» [Hodges 1915]. Первый президент США Джордж Вашингтон в своей прощальной речи выразил основной взгляд США на внешнюю политику, говоря о справедливости, доброй воле и мире по отношению к другим государствам. Однако с начала эры Томаса Джефферсона США начали выступать как «Империя свободы» и продвигать республиканизм (стоит отметить, что Джефферсон горячо поддержал Французскую революцию и ее основные идеи), борясь против империализма Британской Империи [Tucker 1992]. Американский республиканизм и демократия Джефферсона создали очертания внешней политики: неинтервенционализм, согласно которому Соединенные Штаты не должны были вступать в союзы с другими странами, чтобы предотвратить втягивание Америки в войны, тема «Империи свободы», согласно которой США ответственны за распространение свободы по всему миру. Кроме того, ставка делалась не на постоянную армию, а на экономическое принуждение и эмбарго. Одним из первых документов, которые содержат основные принципы внешней политики Соединенных Штатов, принято считать доктрину Монро. Последняя открывала новую идею общности стран Северной и Южной Америки, которую впоследствии стали называть пан-американизмом. Документ включал в себя положения по безопасности в западном полушарии, невмешательству США в отношения между европейскими государствами, в дела установившихся колоний и принцип неокOLONIALИЗМА. История показывает, что, несмотря на две войны – 1812 г. и испано-американскую, – внешняя политика США в XIX в. была больше нацелена на расширение экономических связей и прирост территорий на континенте путем аннексий и торговых соглашений, включая всю западную часть Северной Америки, Аляску и Гавайи.

В XX в. Соединенные Штаты вместе с союзниками оказались победителями в двух мировых войнах, что обеспечило подъем репутации США на мировой

арене. Речь президента США Вудро Вильсона стала идейным основанием внешней политики в начале XX в. Его 14 пунктов стали позднее называть вильсонским идеализмом. Идеи Вильсона заключались в отказе от тайных соглашений между государствами, открытости дипломатии, свободе торговли, сокращении вооружений и в других свойственных либеральной школе идеях [Woodrow...]. Позже эти и другие положения стали основой для Версальского договора и создания Лиги Наций. Несмотря на то, что идеи Вильсона были направлены на недопущение новых войн и поддержание мира, в его пунктах также усматриваются и практические цели, в частности, удержание России в войне [President...]. Так или иначе, вильсонизм принадлежал к либерально-идеалистическому течению и поэтому отражал основные идеи этой школы, в том числе открытость международных экономических процессов, свободную торговлю, право наций на самоопределение и несилковое решение конфликтов. Государства наделялись этическим содержанием, по сути, связывая национальные интересы с общечеловеческими ценностями. Инновационной идеей обладал последний пункт, предлагавший создание единой ассоциации наций для решения глобальных проблем. Несмотря на то, что Версальский договор не смог предотвратить Вторую мировую войну, а Лига Наций так по-настоящему и не заработала, Вудро Вильсон заложил прочный идейный фундамент для будущего и обеспечил опорой будущие внешнеполитические доктрины и реальную практику внешней политики США [Травкина]. Идеи Вильсона были тепло встречены в Европе и послужили катализатором многих процессов в мировой политике [Ambrosius 2017]. Пакт Бриана – Келлога, план Маршалла, создание Организации Объединенных Наций, Заключительный акт Совещания в Хельсинки, борьба за права человека и распространение демократии по миру – так или иначе, многие, в том числе более поздние внешнеполитические инициативы, были следствием идей Вильсона [Masqueen 2011]. Сам Вильсон писал: «Мы стоим на колеснице новой эпохи, это будет эпоха господства США» [Woodrow...].

Таким образом, создавался идейный фундамент внешней политики Соединенных Штатов. Если проследить реальные действия США во внешней политике, этот фундамент отличался своим диверсифицированным подходом: так, политика «открытых дверей и равных возможностей» в отношении Китая, вильсонизм и тема «империи свободы» сосуществовали с идеями политики «большой дубинки» и «дипломатии доллара» в отношении стран Латинской Америки. При этом оставался и невмешательский, консервативный или изоляционистский подход относительно внешней политики США: сам Вудро Вильсон предложил политику «Америка прежде всего», тем самым отстаивая невмешательство и национализм, формируя американское общественное мнение. При этом сам изоляционизм трактуется как добровольное неучастие в общемировых процессах, на которое государство способно оказывать влияние [Braumoeller 2010], что делает эту политику точечной и в определенной степени выборочной.

Идеи Франклина Рузвельта во многом можно рассмотреть с позиции реализма. За год до вступления во Вторую мировую войну Рузвельт, говоря об угрозе национальной безопасности, призвал бороться с нацистской Германией, представляя весь «арсенал демократии» своим союзникам. Рузвельт подчеркивал, что

изоляция обладает недостатками и не способен полностью обеспечить национальную безопасность Соединенных Штатов. Политик официально выступал против участия американских войск в конфликте, ограничиваясь лишь экономической и военной помощью союзникам, однако все же отправил войска в Японию, Северную Африку и Европу ближе к концу войны. При этом в своей Карантинной речи (Quarantine Speech) Рузвельт призвал к «международному карантину» против «эпидемии мирового беззакония», проводимой агрессивными нациями. Эта речь должна была обратить внимание изоляционистов к альтернативному взгляду на место США в мире, однако вызвала еще больший рост изоляционистских тенденций [Maney 1998]. Так или иначе, США для реализации своих внешнеполитических целей произвели огромное количество военной техники, боеприпасов и провели первые испытания ядерной бомбы, которую успешно применили в военной обстановке в Японии.

Таким образом, из Второй мировой войны Соединенные Штаты вышли как доминирующая экономическая держава с огромным влиянием на мировые процессы. Во многом этому поспособствовала Европейская программа восстановления, более известная как план Маршалла. Эксперты соглашаются, что именно эта инициатива повлияла на изменение американской идеологии – господствовавший в то время изоляционизм в общественном мнении постепенно сменялся на глобальный интернационализм, по сути, признавалась важность ведения активной внешней политики [A Look... 1997]. При этом план Маршалла, кроме противодействия распространению советского влияния, преследовал сразу несколько целей, среди которых стабилизация экономики в Западной Европе, ослабление позиций левых сил, помощь американским экспортерам и создание основы для будущего альянса [Шахалилов 2015]. Значение этой доктрины для внешней политики США колоссально, впоследствии на ее основе появилась Организация Североатлантического договора, что положило начало активному противостоянию двух блоков и разделению мира на базе биполярной системы [“The Truman...”]. Еще одной вехой в идеологическом становлении США послужила Доктрина Трумэна, которая преследовала основной целью сдерживание экспансии СССР и коммунизма. Помимо этого, стоит отметить и два других документа: донесение Буллита и «длинную телеграмму» Кеннана, которые составили «доктрину сдерживания» Советского Союза. Все это способствовало осознанию США себя в мире, своих роли и места, формированию активной внешней политики в отношении «недружественных» государств, а также угрожающих западным ценностям и устоям режимов и идеологий. В конечном итоге это стало идейным основанием холодной войны и действий США на мировой арене.

После распада СССР США фактически остались единственной сверхдержавой, центром силы глобального мира. За счет освоения постсоветского пространства границы влияния Соединенных Штатов значительно расширились. В связи с исчезновением социалистического лагеря, крахом коммунизма либеральные демократические ценности США получили свободу, в ученых кругах 1990-х гг. преобладала концепция «конца истории» американского философа и политолога Фрэнсиса Фукуямы, которая провозглашала победу либеральных демократиче-

ских ценностей во всем мире [Fukuяama 1993]. Могущество США в экономической и политической сферах, огромный военно-технологический потенциал, развитие и распространение американской массовой культуры по всему миру – все это делало США самым влиятельным игроком на мировой арене и позволяло им эффективно распространять свои либерально-демократические ценности в мире, вести внешнюю политику без каких-либо угроз. По сути, США оставались единственным центром силы, и в связи с этим изоляционистские взгляды постепенно трансформировались, поскольку США не могли не принимать участия в глобальных процессах после исчезновения главного соперника в лице СССР. Подчеркнем, что унилатерализм Соединенных Штатов в 1990-х гг. из многостороннего превращается в односторонний, что выразилось в концепции превентивных войн [Nederveen Pieterse 2017].

Немаловажную роль в понимании внешней политики Соединенных Штатов сыграла «мягкая сила» Джозефа Ная. В своей концепции американский политолог объединил культурный потенциал, политическую идеологию и внешнюю политику государства в единый арсенал достижения внешнеполитических целей посредством использования дипломатии и привлекательности государства. Впоследствии «мягкая сила» стала одним из основных инструментов американской внешней политики. Позднее появились термины «умная сила», а также «sharp power», или «острая сила». Если «умная сила» находит эффективный компромисс между «мягкой» и «жесткой» силами, то «острая сила» характеризуется манипулированием информацией с целью управления общественным мнением в стране, на которую направлено воздействие [Walker, Ludwig]. В первую очередь к активным пользователям «острой силы» относят Китай, Россию и Иран, которые используют ее методы для укрепления своих позиций на мировой арене [Леонова 2019]. Так у «мягкой силы» Соединенных Штатов появляется угроза со стороны «острой силы», которая трансформирует способы влияния стран на глобальную политику.

В 1993 г. в журнале «Foreign Affairs» американским социологом Самюэлем Хантингтоном была опубликована статья «Столкновение цивилизаций?», которая положила начало многолетним дискуссиям [Huntington 1993]. Хантингтон отмечал, что с распадом СССР заканчивается и западная фаза развития международной политики, выдвигаются на передний план отношения между западной и незападными цивилизационными единицами [*Ibid.*]. В июле 2005 г. Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан выступил с поддержкой инициативы образования глобального Альянса цивилизаций для устранения глобальных недопониманий между цивилизациями, преимущественно Западной и незападными [General...]. Несмотря на критику теории со стороны ученых, очевидно то, что цивилизационный фактор становится одним из определяющих в современных международных отношениях, хотя, может быть, и не в том виде, в котором его описывал С. Хантингтон. Также Хантингтон отмечает, что сложившаяся американская идентичность будет постепенно трансформироваться в связи с новыми вызовами и процессом глобализации [Huntington 2004].

Подход американского политолога Збигнева Бжезинского, в отличие от Хантингтона, базировался на традиционных геополитических принципах. В своей книге «Без контроля. Глобальный беспорядок на пороге XXI в.», которая была опубликована

ликована в 1993 г., он дал прогноз развитию международных отношений в XXI в. Так, Бжезинский утверждал, что на месте социалистического блока после распада СССР возникает «политический вакуум», который становится причиной высокой конфликтности в регионе [Brzezinski 1993]. Он советовал Соединенным Штатам опасаться возобновления имперской политики России и видел противовес этому в усилении позиций США на постсоветском пространстве. В «Великой шахматной доске» Бжезинский указывал на роль США в современном мире как единственного гаранта международной безопасности в силу их лидерства в большинстве сфер общественной и международной жизни [Idem 1997].

Американский дипломат, эксперт в области международных отношений Генри Киссинджер, будучи реалистом, указывает на то, что внешняя политика США должна быть отделена от внутренней и строиться на основополагающих принципах свободы и национальных интересах [Kissinger 2001]. Киссинджер подчеркивает, что США на современном этапе находятся перед постоянным выбором между изоляционизмом и ролью, отведенной им после распада СССР [Idem 2014]. По его мнению, подход реалистов заключается в нахождении точки равновесия в международной политике, тогда как идеалисты нацелены на преобразование мира по своему стандарту; при этом дипломат говорит о новых вызовах Соединенным Штатам, которые провоцируют их менять свой подход к внешней политике и отделять ее от внутренних американских установок.

Если рассматривать современное американское общество, то отмечается, что его можно условно разделить на пять групп по критерию видения национального внешнеполитического вектора, крайними из которых являются «голуби» и «ястребы» [Гарусова 2020]. Если «голуби» считают, что внешняя политика должна быть мягче и избирательнее, то «ястребы» выступают за жесткую политику и активное участие США в мировых процессах. Срединное место занимают другие группы, которым присущи характеристики как «голубей», так и «ястребов». «Ястребы» придерживаются идеи панамериканизма, подчеркивая важность силовой составляющей в мировой политике. К этой позиции можно отнести доктрину Вульфовица, которая провозглашала Соединенные Штаты сверхдержавой и подчеркивала их главенствующую роль в мировом порядке в конце XX в. В правительстве США в окружении президента-«голубя» могут присутствовать и активно влиять на принятие решений «ястребы»; в частности, именно они критиковали Б. Обаму за его уступчивость и нерешительность, что заставляло президента прислушиваться к их мнению и корректировать внешнеполитические действия. Так или иначе, данные условные группы и формируют реальную внешнюю политику Соединенных Штатов, порой стирая разницу между внутренней и внешней политикой: лозунг «Америка прежде всего» может легко сосуществовать с агрессивной риторикой в отношении стран Азии и политикой «мирового полицейского». С другой точки зрения, в конце XX в. направленность США на сохранение доминирующих позиций в мире сочетается с переменчивостью методов их реализации, что приводит к «рассеянности внешнеполитического курса» [Ребро, Сучков 2021].

Таким образом, идейные основания внешней политики Соединенных Штатов, формировавшиеся на протяжении всей истории США, составляют представление страны о своей роли в мире, основные идеи внешнеполитических стратегий, доктрин и практических действий страны на международной арене [Чумаков 2019]. Одной из основных идей является американская исключительность, согласно которой Соединенные Штаты занимают особое место в мире, позиционируют себя как «Империя свободы», обладают уникальными характеристиками в ценностных, политических и исторических аспектах, включая свое видение свободы, демократии. Помимо данного взгляда, близкого к консервативному течению, еще одним идейным основанием внешней политики является демократический фундаментализм, согласно которому демократический режим является наиболее благоприятствующим как для развития самих Соединенных Штатов, так и для всего мира. На основе демократического фундаментализма базируется и внешнеполитическая концепция распространения и продвижения демократии за рубежом, интернационализма. При этом в США развит реалистический подход к рассмотрению международных отношений, представленный в трудах американских политологов и политических деятелей, а также жива идея «Америка прежде всего»; это говорит о том, что изоляционистские идеи не теряют своих позиций. Американская внешняя политика в идейном плане строится как нечто среднее между избирательностью и активностью, аккумулируя весь идеологический арсенал для реализации американских национальных интересов.

Литература

Гарусова Л. Н. Внешняя политика США в восприятии и оценках современного американского общества // Известия Восточного института. 2020. № 2. С. 57–66.

Леонова О. Г. Sharp Power – новая технология влияния в глобальном мире // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 2. С. 21–28.

Ребро О. И., Сучков М. А «Рассеянная супердержава»: внешняя политика США в постбиполярном мире // Международная аналитика. 2021. № 3(12). С. 19–37.

Травкина Н. Визионерство во внешней политике США [Электронный ресурс] : РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vizionerstvo-vo-vneshney-politike-ssha/> (дата обращения: 31.03.2022).

Чумаков А. Н. Глобальный мир: столкновение интересов. М. : Проспект, 2019.

Шахалилов Ш. Ш. История международных отношений: движущие силы, глобальные тенденции: учеб. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2015.

A Look at... The Legacy of the Marshall Plan [Электронный ресурс] : The Washington Post. 1997. May 25. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/1997/05/25/a-look-at-the-legacy-of-the-marshall-plan/47b5b44c-e1eb-4c68-bd46-5a29c5c76c73/> (дата обращения: 31.03.2022).

Ambrosius L. Woodrow Wilson and American Internationalism. Cambridge : Cambridge University Press, 2017.

Braumoeller B. F. The Myth of American Isolationism. Cambridge : Harvard University Department of Government, 2010.

Brzezinski Z. *Out of Control: Global Turmoil on the Eve of the 21st Century*. New York : Charles Scribner's Sons, 1993.

Brzezinski Z. *The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*. New York : Basic Books, 1997.

Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. New York : Free Press, 1993.

General Assembly: Fifty-Ninth Session 4th Plenary Meeting Tuesday, 21 September 2004, 3 p.m. [Электронный ресурс] : New York Official Records. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N04/516/10/PDF/N0451610.pdf?OpenElement> (дата обращения: 31.03.22).

Herring G. C. *From Colony to Superpower*. Oxford : Oxford University Press, 2008.

Hodges H. G. *The Doctrine of Intervention*. Princeton : The Banner Press, 1915.

Huntington S. P. *The Clash of Civilizations?* // *Foreign Affairs*. 1993. Vol. 72. No. 3. Summer. Pp. 22–49.

Huntington S. P. *Who We Are? The Challenges to America's National Identity*. New York : Simon & Schuster, 2004.

Nederveen Pieterse J. *Multipolar Globalization. Emerging Economies and Development*. London : Routledge, 2017.

Kissinger H. *Does America Need a Foreign Policy? Toward a New Diplomacy for the 21st Century*. New York : Simon and Schuster, 2001.

Kissinger H. *World Order*. London : Penguin Books, 2014.

Macqueen N. *The United Nations, Peace Operations and the Cold War*. London : Routledge, 2011.

Maney P. J. *The Roosevelt Presence: The Life and Legacy of FDR*. Berkeley; Los Angeles; London : University of California Press, 1998.

President Wilson Delivers “Fourteen Points” Speech [Электронный ресурс]. URL: <https://www.history.com/this-day-in-history/wilson-delivers-fourteen-points-speech> (дата обращения: 31.03.2022).

“The Truman Doctrine’s Significance” History on the Net [Электронный ресурс]. URL: <https://www.historyonthenet.com/truman-doctrine-significance> (дата обращения: 31.03.2022).

Tucker R. W., Hendrickson D. C. *Empire of Liberty: The Statecraft of Thomas Jefferson*. Oxford : Oxford University Press, 1992.

Walker Ch., Ludwig J. *The Meaning of Sharp Power. How Authoritarian States Project Influence* [Электронный ресурс] : *Foreign Affairs*. November 16. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power> (дата обращения: 31.03.2022).

Woodrow Wilson: Impact and Legacy [Электронный ресурс] : Miller Center. URL: <https://millercenter.org/president/wilson/impact-and-legacy> (дата обращения: 31.03.2022).

References

Garusova L. N. Vneshnyaya politika SSHA v vospriyatii i otsenkakh sovremennogo amerikanskogo obshchestva [US Foreign Policy in the Perception of Modern American Society] // *Izvestiya Vostochnogo instituta*. 2020. No. 2. Pp. 57–66.

Leonova O. G. Sharp Power – novaya tekhnologiya vliyaniya v global'nom mire [Sharp Power – The New Technology of Influence in a Global World] // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2019. Vol. 63. No. 2. Pp. 21–28.

Rebro O. I., Suchkov M. A. Rasseyanaya superderzhava: vneshnyaya politika SSHA v postbipolyarnom mire [“Disoriented Superpower”: U.S. Foreign Policy in the Post-Bipolar World] // *Mezhdunarodnaya analitika. Journal of International Analytics*. 2021. No. 3(12). Pp. 19–37.

Travkina N. Vizionerstvo vo vneshnej politike SSHA [Visionary in US Foreign Policy] : RSMD. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vizionerstvo-vo-vneshney-politike-ssha/> (accessed: 31.03.2022).

Chumakov A. N. Global'nyy mir: stolknoveniye interesov [Global World: Clash of Interests]. Moscow : Prospekt, 2019.

Shahalilov Sh. Sh. Istoriya mezhdunarodnykh otnosheniy: dvizhushchie sily, global'nye tendentsii [History of International Relations: Driving Forces, Global Trends]: textbook. Moscow : MSU Publishing House, 2015.

A Look at... The Legacy of the Marshall Plan : The Washington Post. 1997. May 25. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/1997/05/25/a-look-at-the-legacy-of-the-marshall-plan/47b5b44c-e1eb-4c68-bd46-5a29c5c76c73/> (accessed: 31.03.2022).

Ambrosius L. Woodrow Wilson and American Internationalism. Cambridge : Cambridge University Press, 2017.

Braumoeller B. F. The Myth of American Isolationism. Cambridge : Harvard University Department of Government, 2010.

Brzezinski Z. Out of Control: Global Turmoil on the Eve of the 21st Century. New York : Charles Scribner's Sons, 1993.

Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. New York : Basic Books, 1997.

Fukuyama F. The End of History and the Last Man. New York : Free Press, 1993.

General Assembly: Fifty-Ninth Session 4th Plenary Meeting Tuesday, 21 September 2004, 3 p.m. : New York Official Records. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N04/516/10/PDF/N0451610.pdf?OpenElement> (accessed: 31.03.22).

Herring G. C. From Colony to Superpower. Oxford : Oxford University Press, 2008.

Hodges H. G. The Doctrine of Intervention. Princeton : The Banner Press, 1915.

Huntington S. P. The Clash of Civilizations? // *Foreign Affairs*. 1993. Vol. 72. No. 3. Summer. Pp. 22–49.

Huntington S. P. Who We Are? The Challenges to America's National Identity. New York : Simon & Schuster, 2004.

Nederveen Pieterse J. *Multipolar Globalization. Emerging Economies and Development*. London : Routledge, 2017.

Kissinger H. *Does America Need a Foreign Policy? Toward a New Diplomacy for the 21st Century*. New York : Simon and Schuster, 2001.

Kissinger H. *World Order*. London : Penguin Books, 2014.

Macqueen N. *The United Nations, Peace Operations and the Cold War*. London : Routledge, 2011.

Maney P. J. *The Roosevelt Presence: The Life and Legacy of FDR*. Berkeley; Los Angeles; London : University of California Press, 1998.

President Wilson Delivers “Fourteen Points” Speech. URL: <https://www.history.com/this-day-in-history/wilson-delivers-fourteen-points-speech> (accessed: 31.03.2022).

“The Truman Doctrine’s Significance” History on the Net. URL: <https://www.history-onthenet.com/truman-doctrine-significance> (accessed: 31.03.2022).

Tucker R. W., Hendrickson D. C. *Empire of Liberty: The Statecraft of Thomas Jefferson*. Oxford : Oxford University Press, 1992.

Walker Ch., Ludwig J. *The Meaning of Sharp Power. How Authoritarian States Project Influence*. Foreign Affairs. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power> (accessed: 31.03.22).

Woodrow Wilson: Impact and Legacy : Miller Center. URL: <https://millercenter.org/president/wilson/impact-and-legacy> (accessed: 31.03.2022).

«МЯГКАЯ СИЛА» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КИТАЯ ПРИ РЕШЕНИИ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ

Ван Синь, Чао Бинцин*

В статье рассматривается «мягкая сила» Китая, которая в эпоху глобализации и информационных технологий занимает все более важное место в определении национальной мощи и великодержавной конкуренции в мире. На основе методологического обобщения соответствующих исследований в статье дается оценка и сравнение «мягкой силы» Китая, когда во внимание принимаются следующие элементы национальной «мягкой силы»: культура, концепция мягкой силы в политической культуре, модель развития, международная система и национальный имидж. Будучи страной с богатой историей, Китай в значительной степени использует свою «мягкую силу» для продвижения и достижения устойчивого роста, опираясь на современные успехи правительства и цели, поставленные им на будущее. В итоге авторы приходят к выводу, что для увеличения своего международного влияния Китаю необходимо проводить более инициативную и активную внешнюю политику, чтобы закрепить в мировом общественном мнении свои достижения в области «мягкой силы».

Ключевые слова: «мягкая сила», Китай, внешний мир, глобализация, международное сообщество, международная система, различные страны.

CHINA'S "SOFT POWER" FOREIGN POLICY IN SOLVING GLOBAL CONTEMPORARY PROBLEMS

This article examines China's "soft power", which, in the era of globalization and information technology, has an increasingly important place in determining national power and great power competition in the world. Based on a methodological synthesis of relevant studies, this article evaluates and compares China's "soft power", taking into account the following elements of national soft power resources: culture, the concept of soft power in political culture, development model, international system and national image. As a country with a rich history, China has largely used its "soft power" to promote and achieve sustainable growth, rely-

* Ван Синь – аспирант факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. E-mail: wangxin1886@yandex.ru.

Wang Xin – postgraduate student of the Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow State University. E-mail: wangxin1886@yandex.ru.

Чао Бинцин – аспирант факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. E-mail: bingqing9528@yandex.ru.

Chao Bingqing – postgraduate student of the Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow State University. E-mail: bingqing9528@yandex.ru.

ing on the government's current achievements and the goals it has set for the future. At the same time, the authors conclude that to increase its international influence, China needs to pursue a more initiative and active foreign policy in the emerging global public opinion and discourse to consolidate its soft power achievements.

Keywords: *“soft power”, China, outside world, globalization, international community, international system, various countries.*

По мере обретения Китаем более весомого статуса на мировой арене в центре международных отношений оказываются китайско-американские отношения, которые, вступая в новую эру, характеризуются стратегической конкуренцией.

Стратегическая конкуренция в эпоху глобализации и информационных технологий – это продвинутая форма великодержавной конкуренции, в которой соперничающие державы борются вокруг определенных и уникальных целей, а конкуренция представляет собой сочетание силы, парадигмы, культуры и статуса [Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2021]. Особая роль в подобном конкурентном противостоянии отводится уже не обычной военной мощи государств, а «мягкой силе». Эпоха китайско-американской стратегической конкуренции разворачивается на фоне быстрых изменений в соотношении сил между Китаем и США, вызванных подъемом первого [Ермакова 2021: 41–49]. Учитывая, что изменение баланса сил отражает изменение элементов, составляющих всеобъемлющую мощь страны, не только простое сравнение сил определяет отношения между крупными державами, но и составные части, и характер этой силы, которые будут напрямую определять восприятие власти каждой стороной. После торговой войны между США и Китаем американцы рассматривают КНР как своего главного конкурента в экономической и технологической областях, подчеркивая идеологическое противоречие между «свободным миром и коммунистическим Китаем», всячески навязывая последнему борьбу за изменения в международной системе. США продолжают использовать «права человека» в качестве предлога для того, чтобы поднять шум вокруг таких чувствительных вопросов, как суверенитет Китая, раздуть политические проблемы и проблемы безопасности в соседних с ним странах, а также распространить динамику разъединения на гуманитарный обмен между двумя государствами [Тумакова 2021: 190].

Помимо этого, США используют своих союзников, например Японию, в качестве сдерживающих элементов, навязывая КНР соперничество также с этими странами. При этом необходимо отметить, что динамика потенциального «мягкого» силового соперничества между Китаем и Японией заслуживает большего внимания как отражение борьбы за региональное лидерство в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Обе державы расширяют сферы своего влияния и воздействия с помощью инновационных подходов «мягкой силы». Однако инициативы Токио отличаются от инициатив Пекина в нескольких важных аспектах. К ним относятся степень приверженности доктринальным основам, заложенным Джозефом Найем, и то, рассматривается ли видение «мягкой силы» как конкурентный или совместный тип влияния. Совместное использование «мягкой силы» государ-

ствами может помочь в решении общих проблем, таких как изменение климата. Однако перспектива «нулевой суммы» может усугубить существующее соперничество великих держав, создав новую напряженность, культурную и политическую конкуренцию.

В конце концов «мягкая сила», вероятно, будет цениться так же высоко, как и ресурсы «жесткой силы». Джозеф Най предупреждал, что она по-прежнему является активной формой силы. Если легитимность рассматривается как реальность власти, то конкуренция за нее будет включать в себя усиление или лишение акторов «мягкой силы». Китайские лидеры, например, считают «мягкую силу» предметом прямой конкуренции между крупными державами [Будаев 2016: 119], утверждая, что культура становится все более важным фактором в соревновании за всеобъемлющую национальную мощь. И «мягкая сила» в культуре может быть не только односторонней, но и обоюдной, особенно тогда, когда различные страны оказывают влияние друг на друга [Чумаков 2014a]. Высокопоставленные японские чиновники также признают, что, несмотря на преимущества «мягкой силы», международная культурная конкуренция для Японии будет сложной.

Однако большинство исследователей, изучая «мягкую силу» отдельных стран и ее ограничения, редко уделяют внимание взаимосвязи между теорией и практикой и временному сдвигу в понимании концепции: отражает ли китайско-японская или китайско-американская политика, в которой часто присутствуют элементы «мягкой силы», теоретические идеи Дж. Ная? В какой степени торговые и дипломатические инструменты должны быть отображением и элементами «мягкой силы»? Новое увлечение ею породило больше путаницы, чем ясности [Ковалева 2013: 125] – это не только вопрос о том, сознательно ли политики разделяют точку зрения Ная, но и вопрос концептуальной строгости. Хотя о «мягкой силе» Китая и Японии часто говорят в сравнительном смысле, она нуждается в глубоком анализе. Утверждается, что более широкая сравнительная перспектива позволила бы понять, как эти две страны интерпретировали противоречивую теорию «мягкой силы» и применяли ее на практике. На методологическом уровне в данной работе анализируются существующие источники западных стран, Китая и Японии, посвященные концепции «мягкой силы» и дополненные анализом первичных документов, политических заявлений лидеров стран, знаковых выступлений и интервью дипломатов и деятелей культуры, которые связаны с практикой реализации политики «мягкой силы». Учитывая, что вопрос о том, как Министерство иностранных дел использует «мягкую силу», в полной мере проверяет гибкость дипломатов [Козлов 2012: 266], можно извлечь полезные политические уроки. Вопрос о том, как Китай и Япония используют «мягкую силу» на двусторонней основе для оказания влияния на соседние страны, является интересным.

Рост международного влияния Китая и усиление напряженности в отношениях между Китаем и США также предстают важными внешними факторами суверенных устремлений ЕС. В этой связи было высказано предположение, что Китай является катализатором стремления Европы к стратегической автономии и достижению суверенной Европы [Ломанов 2019: 165]. Действительно, фактор Китая в значительной степени проявляется в ряде политических корректировок и изме-

нений, принятых ЕС в рамках концепции «Суверенная Европа», модернизации инструментов торговой защиты, ускоренном принятии законодательства в рамках инвестиционного обзора, промышленной политики и координации политики 5G в масштабах всего ЕС. В настоящее время отношения Китая и ЕС все еще переживают важный переходный период, когда ЕС постоянно корректирует свою политику в отношении Китая в контексте своих суверенных европейских устремлений. Отношения КНР и ЕС демонстрируют двойственность и сложность: в то время как спрос на стратегическое сотрудничество между двумя сторонами растет, стратегическое взаимное доверие сталкивается с проблемами; экономические и торговые связи становятся все более тесными, потенциал сотрудничества увеличивается, но противоречия и трения значительно возрастают в условиях «институционального соперничества». Идеологические вопросы также вновь вышли на первый план в рамках позиционирования «институционального противника».

Позиционирование Китая как «институционального противника» привело к политизации и секьюритизации многих аспектов китайско-европейских отношений. Определение Евросоюзом Китая как институционального противника подразумевает взгляд «с нулевой суммой» на различные политические системы и ценности между Китаем и Европой. ЕС не верит, что различные системы могут сосуществовать и быть совместимы, и ставит институциональную конкуренцию во главу угла китайско-европейских отношений. Исходя из вышеизложенного, Евросоюз политизировал свою интерпретацию экономического поведения Китая, поднимая экономическую конкуренцию и трения до уровня институционального соперничества. Слияния и поглощение китайских компаний в Европе – это не просто погоня за прибылью, а долгосрочная цель национального развития и средство экспорта политического влияния на страны третьего мира [Зимин 2019]. Торговые и инвестиционные отношения также обусловлены поиском влияния, а многосторонние инициативы служат геостратегическим целям Китая [Горда 2021: 45–50]. Текущая тенденция секьюритизации дебатов в ЕС вокруг вопроса 5G и компании Huawei, введение ряда правил и ограничений в отношении так называемых государственных предприятий, акцент на контроль стратегической инфраструктуры, тревога по поводу так называемого принципа «разделяй и властвуй» и все более осторожная позиция в отношении китайско-европейского культурного обмена – все это часть «институционального противостояния».

Джозеф Най отмечает, что «хотя великие державы обладают грозными традиционными ресурсами власти, меняющаяся природа мировых политических проблем ослабила их способность контролировать свое окружение» [Men Honghua, Yu Yongqun 2021]. В результате в контексте стратегического соперничества конкуренция в области «мягкой силы» между Китаем и США стала более интенсивной. Международная ситуация и новые особенности стратегического соперничества между этими странами делают «мягкую силу» все более важным фактором в определении национальной мощи. А поскольку она изменила способы и направленность соперничества великих держав, то сравнение «мягкой силы» Китая и США перед лицом эпохи стратегической конкуренции имеет большое стратегическое значение. Так, если в будущем между этими двумя странами возникнет жестокое про-

тивостояние, у них останется только один способ избежать военного столкновения – всемерно использовать «мягкую силу» в отношениях друг с другом [Чумаков 2014б: 308].

Джозеф Най [Данилов, Стома 2021] сосредоточился на сравнении «мягкой силы» Китая и США. Он отмечает, что хотя прогресс КНР в области «мягкой силы» нельзя игнорировать, а неспособность США адекватно отреагировать на эпидемию действительно подорвала их собственную «мягкую силу», Китай все еще остается относительно слабым оппонентом. В то же время он неоднократно подчеркивал, что отношения между Китаем и США – это конкуренция, и что конкуренция в области «мягкой силы» – это не игра с «нулевой суммой». Начиная с противоречия между целью Китая усовершенствовать свою культурную «мягкую силу» и стратегией «умной силы», сравнение «мягкой силы» КНР и США становится все более актуальной и популярной темой исследований в академическом сообществе, и эти дискуссии обеспечивают богатую исследовательскую перспективу.

Джозеф Най не ставит знак равенства между «мягкой силой» и влиянием; для него это способность привлекать союзников не с помощью военной силы, экономического давления или материальных побуждений, а путем убеждения и аргументации. Най уточняет свое определение «мягкой силы» – это не просто влияние, основанное на военной мощи или, например, экономическом давлении, а нечто большее, способность добиваться желаемого на добровольных основах [Асеев 2019]. Теории «мягкой силы» созрели в ходе конкретного обсуждения ее использования. Дж. Най также систематически разрабатывает компоненты и практические функции «умной силы», утверждая, что для обеспечения эффективности «мягкой силы» необходима разумная стратегия, сочетающая в себе «жесткий» и «мягкий» ее варианты [Русакова, Ковалева 2013]. Процесс построения теории Дж. Наия отражает его меняющееся понимание природы власти, которая, в отличие от доминирующей природы мягкой власти, сосредоточена на привлечении, вдохновении, ассимиляции и регулировании.

Основываясь на определении Дж. Наия, ученые исследовали и расширили понятие «мягкой силы» с точки зрения элементов ресурсов и способов трансформации. Общепринято, что когда нематериальные «мягкие ресурсы», такие как культура, идеи и институты, используются для оказания влияния на других, результатом является «мягкая сила», а когда используются материальные «жесткие ресурсы», такие как экономические, военные и природные, – «жесткая». Впрочем, некоторые ученые предполагают, что «мягкий» и «жесткий» аспекты власти в международной политике – это относительное восприятие, и что один и тот же силовой ресурс может быть выражен как «мягкой», так и «жесткой силой» [Ефанова 2018]. С этой точки зрения ресурсы, которые могут быть использованы для «мягкой силы», приобретают разнообразие, расширяясь от культурных и политических до экономических и военных аспектов, подчеркивают мягкое использование ресурсов «жесткой силой», что приводит к культурной, экономической, военной «мягкой силе» и т. д. «Мягкая сила» должна генерироваться как «мягкими ресурсами», так и «мягким использованием» [Братерский, Скриба 2014]. Путь трансформации «жестких ресурсов» – это непринудительные средства. Например, иностранная экономическая помощь сама по себе не порождает «мягкую силу»,

но трансформируется в нее через модель экономического развития и положительный национальный имидж.

Измерение и оценка «мягкой силы» всегда были актуальной темой для исследований, в том числе проводились количественные исследования, предоставляющие конкретные цифры. Например, в России («Сколково» – Институт E&Y) в 2010 г. провели оценку 14 стран, таких как Китай, США, Великобритания и Франция, исходя из количества высокорейтинговых университетов, количества иммигрантов, прибывающих туристов, экспорта медиапродукции, выбросов углекислого газа и уровня участия избирателей. Наконец, была рассчитана оценка мягкой силы: США набрали 87 баллов, получив первое место, а Китай – 30,7 балла, заняв восьмое место [Jiang Yingzhou 2014: 268].

В США организация Portland Communication с 2015 г. провела три исследования «мягкой силы» и объявила рейтинг «Softpower – 30». Ее оценка включала шесть позиций: культура, цифровизация, образование, дипломатия, предпринимательство, правительство – и была основана примерно на 70 показателях. В 2015 г. Великобритания заняла первое место с оценкой 75,61; Германия – второе место с оценкой 73,89; Япония получила 66,86 балла, заняв восьмое место. При этом ее «мягкая сила» была признана самой эффективной среди неевропейских и южноамериканских стран. Южная Корея заняла 20-е место с 54,32 балла, а Китай получил всего 40,85 балла, оказавшись в данном рейтинге на последнем, 30-м месте. В 2016 г. в топ-30 по рейтингу мягкой силы первое место заняли США, получив 77,96 балла, тогда как Китай поднялся на более высокую позицию, чем в предыдущем году, набрав 45,04 балла. Согласно итогам исследования 2017 г., первое место заняла уже Франция с 75,5 балла, а результат Китая составил 50 баллов [You Guolong 2017: 18–26].

Статистические данные этих институтов и оценочное количество стран немного различаются, но опубликованные результаты оценки мягкой силы дают основания сделать некоторые общие выводы, которые в определенной степени и в определенном диапазоне можно привести в качестве эталона. Во-первых, развитые страны Европы и США значительно опережают незападные государства в рейтинге «мягкой силы». США, Великобритания и Франция по очереди занимают первое место, и они принадлежат к сильнейшим в мире игрокам, обладающим «мягкой силой». В то же время оценка параметров «мягкой силы» Китая очень низкая, поскольку осуществляется в основном по критериям западных стандартов (Portland Communication), а потому не является достаточно объективной. К тому же множество значимых показателей Китая были проигнорированы.

Некоторые зарубежные ученые [Цзиньлун 2021] классифицировали «мягкую силу» по пяти параметрам: экономический, культурный, политический, дипломатический, человеческий капитал, и создали индекс для ее измерения. Но важно подчеркнуть, что культура, восприятие, модель развития, международная система отношений и международный имидж могут быть определены как основные элементы «мягкой силы» Китая, и оценка каждого из этих пяти основных элементов может быть реализована на основе сочетания исторических и международных

сравнений [Men Honghua 2007]. Поэтому проводить измерение в исследовании мягкой силы Китая нужно прежде всего с точки зрения китайской культуры. Китайская еда, китайская кунг-фу, китайская традиционная медицина – этого не встретишь в других странах в числе элементов системы их ценностей. Некоторые из традиционных ценностей Китая являются универсальными, то есть их можно увидеть и в других странах: это, например, сострадание, дружба и взаимопомощь между людьми.

Крупномасштабные опросы более эффективны для понимания «мягкой силы» этой страны. Например, исследовательская группа Пекинского университета проводила опросы общественного мнения по всему миру «Обзор китайских культурных впечатлений, любите ли вы Китай». Так, в 2014 г. эта группа с помощью агентства «Survey Sampling International» провела опрос 48 643 респондентов в 44 странах, и результаты показали, что 49 % из них понравился Китай, а 32 %, наоборот, дали отрицательный ответ. В это исследование был также включен сравнительный опрос, согласно которому те, кому нравятся США, составили 49 %, а те, кому нравится Китай, – 47 %. При этом те, кому не нравятся Соединенные Штаты, составили 39 %, а Китай по этой позиции получил 37 %. Другими словами, популярность Китая сравнима с популярностью США [Zhongguo... 2018].

Можно объединить самовосприятие Китая и США и их восприятие международным сообществом, чтобы отразить состояние «мягкой силы» в Китае и США, сравнивая их различное понимание атрибутов «мягкой силы» и выбор политики, а также данные международных социологических опросов [Fang Changping 2007]. В этой связи прослеживается использование «мягкой силы» в Китае и США в современной истории и проводится качественное сравнение между этими двумя странами по четырем аспектам: коннотация мягкой силы; ресурсы, используемые для ее построения; способ ее построения и создание инструментов ее реализации [Ли Минфу 2015]. Джозеф Най предложил два способа измерения власти: ресурсы, а также потенциал и влияние на результаты [Hu Jian 2018: 22]. В этом заключается важное условие эффективности «мягкой силы», а именно навыки субъектов при использовании ресурсов, эффективность использования ресурсов и результаты их преобразования.

Все вышеперечисленные оценки сосредоточены на анализе различных элементов «мягкой силы» и используют различные ресурсы или критерии измерения, основанные на том или ином ее понимании. Это, с одной стороны, дает перспективу более адекватной оценки «мягкой силы», но, с другой, – и сильно различающиеся результаты оценки. Во-первых, некоторые показатели не отражают прямую «мягкую силу», например количество иностранных туристов, абонентов широкополосной связи. Во-вторых, различные стандарты используемых данных приводят к отсутствию объективности. Так, например, зарубежные страны в своей статистике социальных программ используют Facebook и Twitter, в то время как Китай использует в основном WeChat и Weibo [Наумов 2021]. Наконец, принудительное применение универсальных стандартов при сравнении разных стран игнорирует особенности каждой страны. В данной работе утверждается, что ко-

личественно измерить «мягкую силу» сложнее, чем «жесткую», и что более эффективным способом является определение ее масштабов, что требует установления конкретных эталонов. В этой связи предлагается аналитическая схема для измерения «мягкой силы». Речь идет о ее ресурсах (источниках), способах (процессах) их применения и восприятию теми, кому адресована «мягкая сила» (результатах). При этом ресурсы являются ядром, их трансформация – ключевым процессом, а восприятие международным сообществом – необходимым фактором измерения.

Также необходимо определить основные параметры международной конкуренции в контексте века больших перемен, как и то, какие ресурсы являются главными для построения «мягкой силы». Чтобы концепция «мягкой силы» не была слишком расплывчатой, в данной работе не используются материальные силовые ресурсы, такие как военная и экономическая мощь. Учитывая резкие изменения в китайско-американских отношениях и драматическое воздействие новой эпидемии на международное сообщество, стратегически более важно в качестве основных ресурсов «мягкой силы» рассматривать такие элементы, как культура, восприятие, международные институты, модели развития и национальные образы. При этом важно отметить, что «мягкая сила» является производной от ресурсов и их использования, а стратегические действия государства зависят от степени трансформации ресурсов в «мягкую силу». При этом использование таких ресурсов не должно быть принудительным, поскольку обусловленный теми или иными требованиями экспорт любых ценностей во внешний мир не соответствует категории «мягкой силы». Наконец, «мягкая сила» должна быть привлекательной и притягательной, что отражается в реакции международного сообщества на распространение культуры и идей соответствующей страны, а также в оценке ее национального имиджа.

Американская концепция «мягкой силы» имеет большое влияние в международном сообществе, но подход администрации Д. Трампа «Америка прежде всего» ослабил ее. Во-первых, популизм привел к трансформации американской политической культуры от достижения консенсуса к поляризации. Это усугубило раскол между элитой и массами. Притом широкая общественность становится все более поляризованной в условиях острой политической борьбы между двумя партиями, что ведет к ускоренному расколу в общественной идеологии и ценностях. Путаница и фрагментация внутреннего восприятия в США вызвала ряд политических и социальных проблем, подрывающих внутреннюю основу их «мягкой силы». Во-вторых, на внешнеполитическом уровне односторонние и эгоистичные действия Соединенных Штатов нанесли большой ущерб их международному авторитету. Это усилило торговые конфликты с другими странами и углубило враждебность и сопротивление многих государств по отношению к США [Литвинов 2020: 42–49]. Показатели страны в международных опросах резко упали. Отказ взять на себя ответственность великой державы и негативный подход к международному сотрудничеству значительно ослабили «мягкую силу» США на международном уровне. Руководствуясь изменением восприятия, Китай сумел адаптировать внутренние реформы, развитие и стабильность, а его позитивные

внешние действия получили широкую оценку международного сообщества. С 2017 г. концепция «Сообщества единой судьбы человечества» была закреплена в ряде резолюций и документов ООН на разных уровнях, демонстрируя, что китайская концепция и китайские решения постепенно принимаются международным сообществом. В 2020 г. международное сообщество высоко оценило противоземледельческие действия Китая. КНР также получила высокую оценку за оказание помощи другим странам и развитие международного сотрудничества в области борьбы с эпидемией, демонстрируя позицию ответственной державы. Однако, поскольку в настоящее время в международном сообществе доминируют концепции западного образца, неизбежно возникает противоречие между концепциями «Мы» и «Другие», и даже неверное их толкование, что является проблемой для Китая. Осознание и признание китайских концепций на международной арене еще не укрепилось и нуждается в большем количестве фактов для закрепления, а также для получения права выступать в их защиту. Более того, если эмоциональный и радикальный патриотизм не будет должным образом подавлен, пострададут не только внутривластная стабильность и порядок в Китае, но и имидж национального характера, и даже внешняя политика правительства.

Подводя итог, можно сказать, что лозунг «Америка прежде всего» и понятие «Сообщества единой судьбы человечества» отражают разницу между узкой концепцией национальных интересов и идеей общего блага. Концепция «Америка прежде всего» – это подрыв либерального международного порядка, но она является прерогативой гегемонов и политики власти. Концепция «Сообщества единой судьбы человечества» придает процессу концептуальных изменений высшую ценность и достигает стратегического выхода за пределы западной гегемонистской теории с точки зрения идеологии. В эпоху комплексной взаимозависимости национальные стратегии, исходящие из понятия общих интересов, способствуют укреплению «мягкой силы», в то время как национальные стратегии, основанные на лицемерии, высокомерии или узких представлениях о национальных интересах, ослабляют ее.

Принимая во внимание исключительную роль культуры, Китай должен полностью преобразовать свои культурные ресурсы в «мягкую силу» на основе культурного доверия, а также продвигать инклюзивность китайской культуры и ее толерантность. Также нужно способствовать модернизации традиционной китайской культуры, задействовать побочный эффект культурного доверия и развивать привлекательность и влияние современной китайской популярной культуры. В то же время КНР меняет статус-кво всеобщего развития, продвигает культурные продукты и услуги с китайской спецификой на мировой рынок, повышает роль неправительственных сил, стимулирует огромный потенциал частного капитала и увеличивает возможности распространения культуры и инноваций.

Обращаясь к понятию «мягкой силы» в культуре, А. Н. Чумаков отмечает, что культурный обмен и взаимное обучение, а также совершенствование взаимодействия на основе «мягкой силы» являются важной движущей силой для обеспечения мира и развития [Чумаков 2014а: 195]. Он также подчеркивает, что использование «мягкой силы» в решении глобальных проблем, и прежде всего в области

культурных отношений, является к тому же и самым гуманным, и наиболее эффективным, если смотреть с точки зрения перспективы решения сложных задач и обеспечения мирного сосуществования различных стран и народов [Чумаков 2014б: 308].

С концептуальной точки зрения, чтобы содействовать позитивным изменениям, следует повысить осведомленность и признание китайских концепций в международном контексте. Китай должен и впредь принимать новую концепцию развития в качестве руководства и реализовывать ее в процессе экономического и социального развития. Следует также развивать новые международные отношения и продвигать концепцию «Сообщества единой судьбы человечества». А практическими действиями и активным обсуждением нужно способствовать формированию общей ценностной ориентации и активно популяризировать основные социалистические ценности. В то же время Китай должен научить свой народ найти баланс между патриотическими чувствами и разумным самовыражением, а также мирно и толерантно воспринимать себя и внешний мир.

С точки зрения международной системы, Китаю необходимо активно интегрироваться в существующую международную систему, участвовать в ее реформировании и совершенствовании, стремиться к расширению консенсуса с развивающимися и западными странами, чтобы больше государств приняли идеи Китая и сформировали благотворную ситуацию конкуренции между системами крупных держав.

С точки зрения модели развития, Китай сейчас находится на этапе, когда путь к социализму с особыми характеристиками постоянно обновляется и расширяется, и ему необходимо продолжать придерживаться мысли Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой для новой эры в качестве своего ориентира. В этой связи важно твердо установить и постоянно укреплять эти «четыре сознания», которые подразумевают: политическое сознание, сознание интересов целого, сознание ядра и сознание равенства (то есть четкое представление того, что такое ядро коммунистической партии, и понимание необходимости равенства на ЦК КПК). При этом правительство должно продолжать руководствоваться социалистической мыслью с китайской спецификой для новой эпохи [«Четыре...» 2018].

Внутри страны формируются разумные и стабильные отношения между государством и рынком, государством и обществом, совершенствуются и развивается социализм с китайской спецификой, идет модернизация национальной системы управления и потенциала управления. На внешнеполитическом уровне еще больше укрепляется связь между Китаем и миром, вносятся предложения по улучшению общественного благосостояния в мире, обогащаются средства и коннотации глобального управления, предлагаются китайские варианты решения глобальных проблем, расширяется влияние и привлекательность китайской модели развития [Дегтерев и др. 2021: 210–231].

Вспышка новой эпидемии поставила перед всем миром беспрецедентные экономические, политические, социальные и интеграционные проблемы, которые Ангела Меркель назвала самым серьезным вызовом, стоящим перед Европой со времен Второй мировой войны. Отсутствие медицинских препаратов, обычная эгоистичная политика США и конфликт между Америкой и Китаем по поводу

происхождения вируса усилили опасения Евросоюза относительно геополитических игр и стратегической зависимости от внешних рынков, углубив чувство суверенности Европы.

Текущие дебаты об автономности промышленных цепочек ЕС, дебаты о нарративах и институциональных моделях, внедрение инициатив по защите стратегических отраслей промышленности и акцент на защите европейских интересов и ценностей с помощью европейского подхода – все это четко представляет идею Евросоюза о суверенной Европе. В контексте эпидемии ЕС предлагает защитить европейский суверенитет в шести областях: это снижение внешней зависимости, предотвращение контроля внешних сил над стратегическими активами Европы, защита критической инфраструктуры от кибератак, обеспечение безопасности промышленных цепочек, укрепление нормативной власти Европы и демонстрация лидерства на многосторонней основе. С другой стороны, опасения ЕС в отношении КНР явно растут, включая развязывание эпидемии Китаем с целью получения геополитического преимущества.

Концепция «мягкой силы» является для КНР важным способом преодоления парадокса подъема великой державы, неизбежным требованием для следования по пути мирного развития и реалистичным выбором для воплощения идеалов страны, общества и мира [Бастрыкина 2021]. В будущем Китаю для укрепления международных отношений необходимо развивать потенциал «мягкой силы» в соответствии с требованиями времени. При этом важно в полной мере использовать сильные и компенсировать слабые стороны «мягкой силы», рассматривая ее в контексте возможного применения «жесткой силы». Следует также различными способами трансформировать богатые ресурсы Китая в «мягкую силу» в интересах дальнейшего усиления международного влияния и привлекательности страны.

Литература

Асеев А. Д. Шишков В. В. Империя в зеркале геополитики // Управление. 2019. № 7(1). С. 121–127.

Бастрыкина Е. А. Использование инструментов «мягкой силы» во внешней политике КНР // Амурский научный вестник. 2021. № 1. С. 4–11.

Братерский М., Скриба А. Концепция «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии США // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. № 9(2). С. 130–144.

Будаев А. В. Светлые и темные стороны «мягкой силы» Китая // Государственное управление. Электронный вестник. 2016. № 54. С. 106–129.

Горда О. С. Внешнеэкономическая экспансия КНР в развивающиеся страны // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2021. № 4–1. С. 45–50.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л. Глобализм против американизма. Часть вторая. Глобализм и будущее США и мира // История и современность. 2021. № 3(41). С. 3–53.

Данилов И. Л., Стома В. Р. «Мягкая сила» Китая // Студенческий форум. 2021. № 22(1). С. 42–46.

Дегтерев Д. А., Рамич М. С., Цвык А. В. США – КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 2. С. 210–231.

Ермакова А. Н. «Мягкая сила» как комплекс инструментов современной внешней политики КНР // Теории и проблемы политических исследований. 2021. № 10(4А). С. 41–49.

Ефанова Е. В. Инструменты «мягкой силы» во внешней политике государства // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2018. № 3. С. 417–426.

Зимин В. В. Слияния и поглощения в финансовом секторе Китая на современном этапе // Научные труды Вольного экономического общества России. 2019. № 6. С. 42–54.

Ковалева Д. М. Концепт soft power как предмет изучения современной политической науки и теоретическая основа внешнеполитических стратегий // Антиномии. 2013. № 1. С. 118–132.

Козлов Л. Е. Применение культурных инструментов в современной внешнеполитической практике // Вестник ЧелГУ. 2012. № 12.

Ломанов А. В. Отношения Китая и ЕС: между сотрудничеством и соперничеством. Китай в мировой и региональной политике // История и современность. 2019. № 24. С. 158–172.

Ли Минфу. Использование «мягкой силы» в отношениях Китая и США // Теория и практика общественного развития. 2015. № 21. С. 160–165.

Литвинов Е. А. Перспективы и возможные последствия торговой войны США и Китая // Российский внешнеэкономический вестник. 2020. № 10. С. 42–49.

Наумов А. О. Идеино-политические истоки концепции «мягкой силы» Джозефа Ная // Новая и новейшая история. 2021. № 1. С. 223–229.

Русакова О. Ф., Ковалева Д. М. «Мягкая сила» и «умная власть»: концептуальный анализ // Социум и власть. 2013. № 3(41). С. 15–19.

Тумакова В. М. Обзор статьи М. Флигеля и З. Крива «Мягкая сила по-пекински: концептуализация, отличная от американской» // Дискурс-Пи. 2021. Т. 18. № 3. С. 186–194.

Цзиньлун Го. Приоритетные направления внешней политики КНР в 2020–2021 гг. // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития. 2021. № 9. С. 10–26.

«Четыре сознания» [Электронный ресурс] : Реформы и открытость. 2018. URL: russian.china.org.cn.

Чумаков А. Н. «Мягкая сила» как способ решения проблем в глобальном мире // Век глобализации. 2014а. № 2(14). С. 192–195.

Чумаков А. Н. Философия как «мягкая сила»: поучительный опыт Китая // Успехи и проблемы модернизации современного Китая: сборник тезисов докладов участников III Международной научно-практической конференции «Успехи и проблемы модернизации современного Китая» (Москва, 10–11 дек. 2014) / под ред. Р. М. Нурева, С. А. Просекова. М. : Финансовый ун-т, 2014б.

Fang Changping. Comparison of Chinese and US Soft Power and its Implications for China // *Shijie Jin Yu Zhengzhi*. 2007. Pp. 287–308.

Hu Jian. *Zhongguo Ruanshili Yanjiu*. N. p. : Tianjin Peoples Fine Arts Publishing House, 2018.

Jiang Yingzhou. Skolkovo— E&Y Institute Xinxing Shichang Yanjiusuo Guojia Ruanshili Paihang // *Jiyu Zhengzhi Wenhua Shijiao De Zhongguo Guojai Ruanshili Jianshe Yanjiu*. Beijing : China Social Sciences Press. 2014. Ch. 5.

Men Honghua. *Zhongguo Ruan Shili Pinggu Baogao* // *Guoji guancha*. 2007. Pp. 2–3.

Men Honghua, Yu Yongqun. *Zhongmei Ruanshili Bijiao (2017–2020)* // *Guoji Guanxi Yanjiu*. 2021. No. 4. Pp. 3–31.

You Guolong. *Ruanshili Pinggu Lujing Yu Zhongguo Ruanshili De Xiyin* // *Xiandai Guoji Guanxi*. 2017. No. 9. Pp. 18–26.

Zhongguo Guojia Xingxiang Quanqiu Bogao. International Communication Research Center, Institute of Contemporary China and the World, 2018.

References

Aseev A. D. Shishkov V. V. Imperiya v zerkale geopolitiki [Empire in the Mirror of Geopolitics] // *Upravleniye*. No. 1. Pp. 121–127.

Bastrykina E. A. Ispol'zovaniye instrumentov “myagkoy sily” vo vneshney politike KNR [Using Soft Power Tools in the Foreign Policy of China] // *Amurskiy nauchnyy vestnik*. 2021. No. 1. Pp. 4–11.

Braterskiy M., Skriba A. Kontseptsiya “myagkoy sily” vo vneshnepoliticheskoy strategii CSHA [The Concept of “Soft Power” in US Foreign Policy Strategy] // *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy: obrazovaniye, nauka, novaya ekonomika*. 2014. No. 9(2). Pp. 130–144.

Budayev A. V. Svetlyye i temnyye storony “myagkoy sily” Kitaya [Bright and Dark Sides of China's “Soft power”] // *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. 2016. No. 54. Pp. 106–129.

Gorda O. S. Vneshneekonomicheskaya ekspansiya KNR v razvivayushchiyestya strany [China's Foreign Economic Expansion into Developing Countries] // *Bol'shaya Yevraziya: razvitiye, bezopasnost', sotrudnichestvo*. 2021. No. 4(1). Pp. 45–50.

Grinin L. E., Grinin A. L. Globalizm protiv amerikanizma [Globalism vs Americanism]. Part two. Globalizm i budushcheye SSHA i mira [Globalism and the Future of the USA and the World] // *Istoriya i sovremennost'*. 2021. No. 3(41). Pp. 3–53.

Danilov I. L., Stoma V. R. “Myagkaya sila” Kitaya [“Soft Power” of China] // *Studencheskiy forum*. 2021. No. 22(1). Pp. 42–46.

Degterev D. A., Ramich M. S., Tsvyk A. V. SSHA-KNR: “vlastnyy transit” i kontury “konfliktnoy bipolyarnosti” [USA – China: “Power Transit” and Contours of “Conflict Bipolarity”] // *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Series: Mezhdunarodnyye otnosheniya*. 2021. Vol. 21. No. 2. Pp. 210–231.

Ermakova A. N. “Myagkaya sila” kak kompleks instrumentov sovremennoy vneshney politiki KNR [“Soft Power” as a Set of Tools of Modern Foreign Policy of the PRC] // *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*. 2021. No. 10(4A). Pp. 41–49.

Efanova E. V. Instrumenty “myagkoy sily” vo vneshney politike gosudarstva [Instruments of “Soft Power” in the Foreign Policy of State] // Vestnik RUDN. Series: Politologiya. 2018. No. 3. Pp. 417–426.

Zimin V. V. Sliyaniya i pogloshcheniya v finansovom sektore Kitaya na sovremennom etape [Mergers and Acquisitions in the Financial Sector of China at the Present Stage] // Nauchnyye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii. 2019. No. 6. Pp. 42–54.

Kovaleva D. M. Kontsept Soft Power kak predmet izucheniya sovremennoy politicheskoy nauki i teoreticheskaya osnova vneshnepoliticheskikh strategiy [The Concept of Soft Power as a Subject of Study of Modern Political Science and the Theoretical Basis of Foreign Policy Strategies] // Antinomii. 2013. No. 1. Pp. 118–132.

Kozlov L. E. Primeneniye kul'turnykh instrumentov v sovremennoy vneshnepoliticheskoy praktike [Using of Cultural Tools in Modern Foreign Policy Practice] // Vestnik ChelGU. 2012. No. 12.

Lomanov A. V. Otnosheniya Kitaya i ES: mezhdru sotrudnichestvom i sopernichestvom [China-EU Relations: Between Cooperation and Rivalry] // Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'. 2019. No. 24. Pp. 158–172.

Li Mingfu. Ispol'zovaniye “myagkoy sily” v otnosheniyakh Kitaya i SSHA [Using “Soft Power” in China-US Relations] // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2015. No. 21. Pp. 160–165.

Litvinov E. A. Perspektivy i vozmozhnyye posledstviya torgovoy voyny SSHA i Kitaya [Prospects and Possible Consequences of the US-China Trade War] // Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik. 2020. No. 10. Pp. 42–49.

Naumov A. O. Ideyno-politicheskiye istoki kontseptsii “myagkoy sily” Dzhozefa Naya [Ideological and Political Origins of the Concept of “Soft Power” by Joseph Nye] // Novaya i noveyshaya istoriya. 2021. No. 1. Pp. 223–229.

Rusakova O. F., Kovaleva D. M. “Myagkaya sila” i “umnaya vlast'”: kontseptual'nyy analiz [“Soft Power” and “Smart Power”: Conceptual Analysis] // Sotsium i vlast'. 2013. No. 3(41). Pp. 15–19.

Tumakova V. M. Obzor stat'i M. Fligelya i Z. Kriza «Myagkaya sila po-pekinski: kontseptualizatsiya, otlichnaya ot amerikansko» [Review of the Article by M. Fligel and Z. Kriz “Beijing-Style Soft Power: Conceptualization, Different From the American One”] // Diskurs-Pi. 2021. Vol. 18. No. 3. Pp. 186–194.

Jinlong Guo. Prioritetnyye napravleniya vneshney politiki KNR v 2020–2021 gg. [Priority Directions of China's Foreign Policy in 2020–2021] // Aktual'nyye problemy mezhdunarodnykh otnosheniy i global'nogo razvitiya. 2021. No. 9. Pp. 10–26.

“Chetyre soznaniya” [“Four Consciousnesses”] // Reformy i otkrytost'. 2018. URL: russian.china.org.cn.

Chumakov A. N. “Myagkaya sila” kak sposob resheniya problem v global'nom mire [“Soft Power” as a Way of Solving Problems in a Global World] // Vek globalizatsii. 2014a. No. 2(14). Pp. 192–195.

Chumakov A. N. Filosofiya kak “myagkaya sila”: pouchitel'nyy opyt Kitaya [Philosophy as a “Soft Power”: The Instructive Experience of China] // Successes and Problems of Modernization in Contemporary China: Collection of Participants' Papers of the Third In-

ternational Scientific-Practical Conference “Successes and Problems of Modernization in Contemporary China” (Moscow, December 10–11, 2014). / ed. by R. M. Nureyev, S. A. Prosekov. Moscow : Financial University, 2014b.

Fang Changping. Comparison of Chinese and US Soft Power and its Implications for China // *Shijie Jin Yu Zhengzhi*. 2007. Pp. 287–308.

Hu Jian. *Zhongguo Ruanshili Yanjiu*. N. p. : Tianjin Peoples Fine Arts Publishing House, 2018.

Jiang Yingzhou. Skolkovo — E&Y Institute Xinxing Shichang Yanjiusuo Guojia Ruanshili Paihang // *Jiyu Zhengzhi Wenhua Shijiao De Zhongguo Guojai Ruanshili Jianshe Yanjiu*. Beijing : China Social Sciences Press, 2014. Ch. 5.

Men Honghua. *Zhongguo Ruan Shili Pinggu Baogao* // *Guoji Guancha*. 2007. Pp. 2–3.

Men Honghua, Yu Yongqun. *Zhongmei Ruanshili Bijiao (2017–2020)* // *Guoji Guanxi Yanjiu*. 2021. No. 4. Pp. 3–31.

You Guolong. *Ruanshili Pinggu Lujing Yu Zhongguo Ruanshili De Xiyin* // *Xiandai Guoji Guanxi*. 2017. No. 9. Pp. 18–26.

Zhongguo Guojia Xingxiang Quanjie Bogao. International Communication Research Center, Institute of Contemporary China and the World, 2018.

ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ ГЛОБАЛИСТИКИ

МИРОВОЙ ГЕНДЕРНЫЙ ЛАНДШАФТ И СТРАНОВОЙ ГЕНДЕРНЫЙ ПОРЯДОК В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ*

Силласте Г. Г.**

Статья развивает новые авторские исследовательские подходы к изучению гендерного порядка как социального феномена и актуального предмета социологического исследования в области гендерной социологии. Представлена новая категория «страновой гендерный ландшафт», его теоретическое содержание, функции, типология, характеристика, инструментальные свойства, научно-прикладное применение. Через анализ категории «мировой гендерный ландшафт» раскрываются свойства и типология гендерных ландшафтов и порядков в разных странах.

Ключевые слова: *страновой гендерный ландшафт, теория систем, Мир-Система, страновой гендерный порядок, индекс гендерного неравенства, социальная система, гендерная асимметрия жесткая и мягкая, гендерная структура, социогендерная общность, гендерное равновесие.*

THE GLOBAL GENDER LANDSCAPE AND THE COUNTRY GENDER ORDER IN THE CONTEXT OF GLOBAL TRANSFORMATION OF SOCIAL SYSTEMS

The article develops new author's research approaches to the study of the gender order as a social phenomenon and an actual subject of sociological research in

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00519 А «Вызовы и риски формирования нового гендерного порядка и социальный механизм управления им в России».

** Силласте Галина Георгиевна – д. ф. н., Заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель Департамента социологии и научной школы «Гендерная и экономическая социология» Финансового университета при Правительстве РФ, председатель Исследовательского комитета «Гендерная социология» Российского общества социологов, председатель Научно-экспертного совета «Социогендерные ресурсы общественного развития и гендерный порядок». E-mail: galinasillaste@yandex.ru.

Galina G. Sillaste – Dr. Phil., Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Director of the Department of Sociology and Research School “Gender and Economic Sociology” of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Chairman of the Research Committee “Gender Sociology” of the Russian Society of Sociologists. Chairman of the Scientific-Expert Council “Sociogender Resources of Social Development and Gender Order”. E-mail: galinasillaste@yandex.ru.

the gender sociology sphere. A new category of “country gender landscape”, its theoretical content, functions, typology, characteristics, instrumental properties, scientific and practical application are considered in the article. Through the analysis of the category “world gender landscape”, the properties and typology of gender landscapes and orders in different countries are revealed.

Keywords: *country gender landscape, systems theory, World-System, country gender order, gender inequality index, social system, hard and soft gender asymmetry, gender structure, socio-gender community, gender equality.*

Ключ к науке

В свое время известный французский писатель Оноре де Бальзак заметил: «Ключом ко всякой науке является вопросительный знак». Не могу не согласиться с мудрым замечанием писателя, которое особенно справедливо, когда предметом анализа становится сложное и противоречивое явление, пока не ставшее де-факто социальной историей, так как скрыто под динамическими изменениями, столкновениями позиций и взглядов. При этом своими масштабами оно охватывает всю Мир-Систему.

Именно такими характеристиками обладает вопрос формирующегося в мире нового гендерного порядка. Его становление стало особенно ощутимым в результате столкновения традиционных форм борьбы за «гендерное равноправие» с нетрадиционными методами его обеспечения посредством «гендерного равенства» на базе теории гендерной нейтральности. Эта теория активно внедряется западно-европейскими странами, прежде всего ЕС, и широко ретранслируется в научную, политическую и общественную среды путем агрессивного продвижения чуждых образцов и идеалов в социально-страновое пространство.

Протекавшие в мировом пространстве конфликтогенные социогендерные процессы к 2020 г. слились с кардинальными социально-политическими процессами цивилизационной трансформации всей Мир-Системы. О ней в свое время писал родоначальник теории глобализации Иммануил Валлерстайн в работах «Эволюция систем знания в миросистемной перспективе» и «Мир-система Модерна» [Валлерстайн 2016].

Предложенная им методология мир-системного анализа соединила в себе эпистемологическую парадигму и общесоциологическую теорию, которая объясняет современное состояние общества. При этом ученый выделил в качестве единицы анализа не отдельные государства, а Мир-Систему как «альтернативную возможность организации материального мира». «Это не общество или национальное государство, а особая единица анализа горизонтальных связей между историческими сообществами и, в целом, между историко-географическими регионами, этносами, экономиками» [Валлерстайн 2018].

Концепция глобализации и мир-системы Валлерстайна получает очередное подтверждение на современной стадии трансформации Мир-Системы с учетом специфики развивающегося мир-системного конфликта, который грозит фатальным распадом созданной историей цивилизации, если не остановить и не погасить (даже дорогой ценой) энергию этого мир-системного распада.

В основе возникновения и развития мировой социальной системы и капиталистической экономики находятся человеческие ресурсы, обладающие гендерной

структурой (мужчины и женщины), социогендерной стратификацией (по уровню власти, социального расслоения, образовательного уровня, гендерного равноправия, качества жизни и самореализации), а также территориально рассредоточенные по всей планете.

Таким образом, Мир-Система как система социальная имеет свои социально-демографические, социально-территориальные (ландшафтные), социально-профессиональные и социогендерные характеристики. Это позволяет сконструировать гендерный ландшафт от странового до мирового контура.

Мир-Система не является эквивалентом категории «мировая система» (о чем писал Иммануил Валлерстайн). Согласно Валлерстайну, Мир-Система как «исторические системы» (мини-системы, мир-империи, мир-экономики) заключается «в извлечении дани из одновременно локально самоуправляющихся непосредственных производителей, которая отправляется в центр и перераспределяется в тонкую, но важнейшую сеть». В работе «Мир-система Модерна» Валлерстайн предлагает оригинальную концепцию возникновения и развития мировой капиталистической экономики. По глубине и научной значимости это исследование, по оценкам многих ученых, сопоставимо с капитальной работой К. Маркса «Капитал» [Маркс 1960].

Гендерный ландшафт является важным *социоресурсным показателем распределения человеческого капитала и его социального потенциала* в планетарном масштабе с учетом страновой дифференциации. Опираясь на постулаты гендерной социологии в части развития гендерной структуры населения и ее воспроизводства, можно выдвинуть рабочую гипотезу, согласно которой мировой гендерный ландшафт оказывает существенное влияние на формирование внутристрановых гендерных порядков и внутристрановой гендерной политики. Научная потребность проверки данной рабочей гипотезы послужила побудительной основой проведения предлагаемого социогендерного анализа.

Мировой гендерный ландшафт как предмет исследования

Что значит *мировой гендерный ландшафт* как предмет аналитического социологического исследования? Ландшафт (от нем. *Landschaft* – вид местности; *Land* – земля, *schaft* – суффикс, говорящий о наличии взаимосвязи или взаимозависимости). В дословном переводе означает «образ края» [Колбовский 2008]. Если конкретнее, то это определенная территория, однородная по своему происхождению, истории развития и неделимая по зональным признакам. Отсюда *мировой гендерный ландшафт* – это *территориальный рельеф стран на карте мира, различающихся социально-демографическим показателем гендерной структуры населения данных стран*. Это объективный количественный показатель в экономической географии. И не только в ней, но и в любой другой отрасли научного анализа: социологического, демографического, экономического, – показатель гендерной статистики. Объектом исследования является гендерный порядок.

С позиций мир-системного анализа страны могут рассматриваться как социальные подсистемы, которые, согласно теории систем Н. Лумана, имеют многоуровневый характер и могут одинаково применяться как к самым крупномасштабным, так и к самым маломасштабным социальным подсистемам, как к субъективным, так и к объективным аспектам социального мира [Ритцер 2002: 219].

Еще одна методологическая предпосылка анализа мирового гендерного ландшафта с позиций объективного фактора гендерной структуры населения состоит в том, что применяемая для анализа теория систем Уолтера Бакли [Buckley 1967] носит целостный характер. Это позволяет рассматривать все аспекты страновых социальных подсистем как подсистем социокультурных с точки зрения протекающих в них процессов. В особенности процессов информационных и коммуникационных, характерных для каждой страны как социокультурной подсистемы, аккумулирующей межличностные связи и отношения, а шире – *коммуникологическую взаимодействие*.

Наконец, важной предпосылкой анализа мирового гендерного ландшафта с позиции теории систем является интегративный характер самой теории, позволяющей связывать между собой различные аспекты социальной жизни, в которой участвует индивид, независимо от признака пола. Это позволило увязать разработанную автором типологию стран, образующих мировой гендерный ландшафт, со страновой характеристикой гендерного порядка посредством использования индекса гендерного равноправия и разрыва (GGI) и методологии его расчета.

Теоретико-методологическим подходом исследования является полипарадигмальный подход, сочетающий методологию социологического подхода, социально-демографического, экономико-демографического и статистического с использованием указанных выше теорий.

О гипотезах аналитического исследования

Выдвинуты три первичные рабочие гипотезы.

Гипотеза-основание. Страновой гендерный ландшафт, отражающий гендерно-страновую структуру населения, оказывает существенное влияние на показатель уровня гендерного равноправия в страновой социальной подсистеме.

Причинно-следственная гипотеза. Борьба женщин за гендерное равноправие тем активнее, чем ниже степень феминизации общества. Напротив, чем выше степень феминизации системы, тем последовательнее отношение властных институтов к обеспечению равноправного положения мужчин и женщин, с одной стороны, и спокойнее отношение общественного мнения к вопросам гендерного равноправия в различных сферах общественной жизни – с другой.

Описательная гипотеза. Активность участия женщин в борьбе за равные гендерные права падает с повышением уровня феминизации общества.

Прогностическая гипотеза. Преобладающей тенденцией ближайших лет, вероятнее всего, будет усиление степени феминизации социальных подсистем большинства страновых восточноевропейских анклавов, включая российский, при одновременной гендерно-структурной поляризации стран с жесткой гендерной асимметрией в пользу мужчин и активизации движений за гендерное равноправие.

В завершение одна социологическая ремарка, *категориальная*. Понятие «гендер» означает пол, род, происхождение. В социологической парадигме, рассматривающей общество как систему взаимодействия (в том числе двух системообразующих гендерных общностей – мужской и женской), целесообразно дополнить англоязычное «гендер» социологическим акцентом «социо», особенно когда предметом анализа являются макросистемы и страновые анклавы как подсистемы.

Поэтому в данном контексте мы будем говорить о порядке *социогендерном* (в межличностных отношениях работает понятие «гендерные отношения»). По нашему глубокому убеждению, эти понятия следует разводить, как и понятия «гендерное равенство» и «гендерное равноправие». В социологическом анализе это вопрос принципиальный.

Мир-Система в гендерных координатах

В зависимости от гендерной структуры населения (то есть соотношения в социально-демографической подструктуре общества двух социогендерных общностей – мужской и женской) можно осуществлять гендерно-структурный анализ Мир-Системы. Как это выглядит в конкретных показателях с использованием подходов политической географии?

Исходные позиции: *общемировая система* настоящего времени включает в себя 202 страны, среди которых:

- 195 независимых государств, 54 – зависимые территории (то есть территории, имеющих четкие границы, но не обладающие государственным суверенитетом). В политической географии они определяют как зависимые.

- Три территории с особым статусом, оговоренным в международных соглашениях – Аландские острова, Финляндия, Гонконг (Сянган), Китайская Народная Республика; Макао (Аомынь), Китайская Народная Республика.

- 10 государств с неопределенным статусом, среди которых:

- шесть государств, не входящих в ООН, но официально признанных одним или некоторыми государствами – членами ООН (так называемые непризнанные и частично признанные государства). Это: Республика Абхазия, Китайская Республика, Республика Косово, Сахарская Арабская Демократическая Республика, Турецкая Республика Северного Кипра, Республика Южная Осетия.

- четыре государства, не входящие в ООН, не признанные ни одной страной – членом ООН, признанные некоторыми частично признанными государствами: Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Нагорно-Карабахская Республика и Приднестровская Молдавская Республика. И, наконец:

- две территории, оспариваемые несколькими государствами [Географический справочник].

История населения Земли (1951–2022)

Данные показаны на 1 января соответствующего года

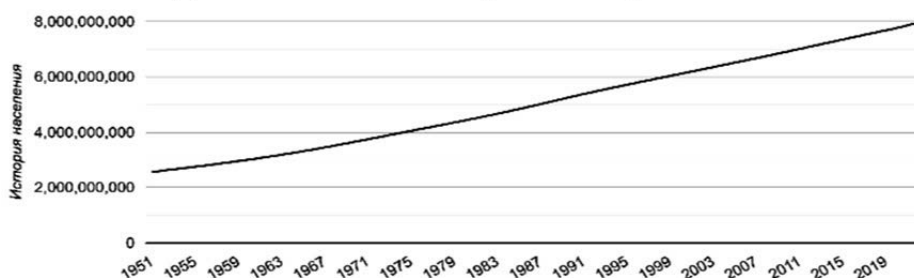

Рис. Динамика роста населения на планете с 1951 по 2022 гг.
Рейтинг страны по населению = 9 (1,83 % от населения Земли)

Как свидетельствует гендерная статистика, в целом Мир-Система гендерно асимметрична в пользу мужчин, составляющих большинство населения планеты: 50,5 % против 49,5 % женщин (иначе говоря, 4 млрд 20 млн 141 тыс. мужчин против 3 млрд 947 млн 552 тыс. женщин). Мужская гендерная асимметричность преобладает в структуре планеты составляет 72 млн 588 тыс. человек.

Таким образом, планета как глобальная Мир-Система в своей гендерной структуре сохраняет устойчивость гендерной асимметрии в пользу мужчин. А это значит, что проблемы гендерного равноправия (в европейском контексте – гендерного равенства) сохраняют свою актуальность, оставаясь гендерно чувствительной областью государственной политики, нуждающейся в постоянном гендерном мониторинге и компетентном управлении.

Сравним характеристики глобального контура гендерного ландшафта с российским. Гендерная структура *российской социально-территориальной системы* дихотомична по отношению к глобальному миру и, в отличие от него, устойчиво сохраняет гендерную асимметричность в пользу женщин. В общей численности населения (146 млн 880 тыс. 388 человек) женский гендерный социум преобладает над мужским на 11 млн человек и составляет **53,7 %** (или 78 млн 395 тыс. человек) против **46,3 % мужчин** (67 млн 635 тыс. 751 человек) [Счетчик...].

Причем это преобладание (табл.) носит устойчивый характер с 1926 г. и является важным фактором для понимания внутренних процессов структуризации, реструктуризации, оценки и понимания специфики российских социогендерных отношений, взаимодействия, поведения и норм социогендерного порядка в России, его принципиального отличия от ряда норм западноевропейского, тем более скандинавского гендерного порядка и гендерной внутрискановской ситуации.

Таблица

Эволюция гендерной структуры населения России с 1926 до 2009 г.

Годы	Все население, млн человек	В том числе		В общей численности населения, %	
		Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
1926	92,7	44,0	48,7	47	53
1939	108,4	51,1	57,3	47	53
1959	117,2	52,2	65,0	45	55
1970	129,9	59,1	70,8	45	55
1979	137,4	63,2	74,2	46	54
1989	147,0	68,7	78,3	47	53
1991	148,3	69,5	78,8	47	53
1996	148,3	69,5	78,8	47	53
2001	146,3	68,3	78,0	47	53
2002	145,2	67,6	77,6	47	53
2003	145,0	67,5	77,5	47	53
2004	144,2	67,0	77,2	46	54
2005	143,5	66,6	76,9	46	54
2006	142,8	66,2	76,6	46	54
2007	142,2	65,8	76,4	46	54
2008	142,0	65,7	76,3	46	54

Такой существенный и устойчивый гендерный перевес «в пользу женщин» в демографической структуре российского населения подводит к ряду выводов в области реализации принципов гендерного равноправия и формирования гендерной политики:

1) На мировом гендерном ландшафте Мир-Системы с преимущественным преобладанием мужского населения (в 62 млн человек, а значит, маскулинного типа общества) Россия отличается самым высоким уровнем феминизации общества в целом и сфер общественной жизни в частности.

Поэтому меры, предлагаемые для достижения гендерного равноправия в маскулинном гендерном сообществе, естественно, не могут быть применены в российских социальных реалиях и должны содержать своего рода «поправочный коэффициент» с учетом российских национальных традиций, норм бытия, культуры, исторического опыта и ценностных принципов.

2) Типы маскулинного и феминизированного общества отражают разность внутрисоциального и социально-психологического давления в обществе со стороны преимущественной количественно-преобладающей гендерной общности, ее стиля поведения, взаимодействия и принятия решений.

3) Общество, обладающее устойчиво сформировавшимся в рамках конкретного социального времени феминизированным социально-психологическим и правовым пространством, в первую очередь предъявляет оправданно повышенные требования к эффективности социальной политики государства. Эти требования, как правило, превышают требовательность и притязания женского населения на политическое представительство, особенно в органах высшей политической власти и управления.

4) В феминизированных обществах с исторически устойчивой гендерной асимметрией в пользу женщин формируется своя национальная самобытная культура взаимодействия противоположных гендерных общностей, стиля их поведения и взаимодействия мужчин и женщин, основу которого составляет не показное противодействие, противоборство и гендерный шантаж, а взаимоуважение, культура поддержки и семейного взаимодействия.

5) В России исторически сформировались определенные социальные роли мужчины и женщины, отличающиеся от западных модельных стандартов. В российской культуре ведущей социальной ролью мужчины являлась роль защитника дома (как синонима «Отечества» и «дома-семьи»), защитника женщины, семьи и детей. Принцип равенства мужчины и женщины в отечественной истории никогда не абсолютизировался, предполагая возложение повышенной ответственности за благополучие семьи именно на мужчину. Поэтому естественной является разница в определенных принципах и подходах российских женщин и жительниц западноевропейских государств к ряду форм и методов реализации гендерного равноправия и гендерного равенства.

Это особенно ощущается в разнице подходов к широко распространенной в странах ЕС, Скандинавии, США и в других страновых анклавах концепции «гендерной нейтральности».

Вместе с тем следует отметить, что общий курс, поддерживаемый ООН в сфере взаимодействия и интеграции мужской и женской гендерных общностей в социальные процессы странового и глобального развития, ясно очерчен в глобальной гендерной повестке Комиссии ООН по положению женщин. Она следует стратегии Четвертой Всемирной конференции по положению женщин, Пекинской декларации и Платформе действий, принятых в 1995 г.

Эти основополагающие документы, составляющие Платформу долгосрочных действий в интересах женщин, пролонгированы в Повестку дня в области Целей устойчивого развития на период до 2030 г., включающих достижение прогресса в области обеспечения гендерного равенства (равноправия), расширения в обществе и в Мир-Системе в целом прав и возможностей женщин и девочек.

В свою очередь БРИКС, представляя более 40 % населения Мир-Системы, стремится продвигать роль женщин в качестве движущей силы экономического роста. Ввиду создания в 2020 г. Женского делового Альянса, БРИКС, со своей стороны, заявил в качестве одного из приоритетов российское представительство в объединении, которое призвано положить начало новому комплексу стратегических инициатив по поддержке учета гендерной проблематики в БРИКС и, в частности, механизмы и меры по повышению участия женщин в экономических процессах и в достижении гендерного равенства и равноправного положения в обществе представителей и женской, и мужской общностей.

Страновой гендерный контур и типологизация страновых социальных подсистем

Для характеристики межстранового гендерного ландшафта в масштабах формирующегося нового социогендерного порядка автором разработана гендерная типология стран, в основу которой положен признак гендерной асимметрии в структуре населения. В результате выделено пять страновых социогендерных анклавов, каждому из которых присущи свои нормы, правила, традиции, исторические образы, особенности социогендерного поведения и взаимодействия, влияющие на формирование нового социогендерного порядка. По критерию гендерной асимметричности структуры населения выделены пять типологических групп:

- Страны жесткой гендерной асимметрии в пользу мужчин.
- Страны мягкой гендерной асимметрии в пользу мужчин.
- Страны с гендерно-паритетной структурой.
- Страны с мягкой гендерной асимметрией в пользу женщин.
- Страны с жесткой гендерной асимметрией в пользу женщин.

Критерии типологизации по своему характеру социально-демографические, сфокусированные на одном признаке: гендерной структуре.

Исходные аналитические позиции вытекали из положения Доклада ПРООН о развитии человеческого капитала в Российской Федерации об увеличении количества женщин и развитии процесса феминизации в мировом сообществе.

Анализ демографических процессов в масштабах межстранового пространства, динамика изменений в гендерной структуре населения государств, образу-

ющих Мир-Систему, не оставляют сомнений в процессе феминизации, как и в росте населения планеты. Если 10 лет назад (2010 г.) население планеты составляло 6 млрд 916 млн 843 тыс. человек, то в 2022 год мир вступил с численностью почти 8 млрд, из которых женщины составили 3,95 млрд человек [Счетчик...]. Устойчивое преобладание в социуме той или иной гендерной общности формирует в нем соответствующий социально-психологический климат, характер, цели, соответствующую политику. Как подтверждает мировой доклад ООН, количество женщин за последнее десятилетие увеличилось почти во всех государствах, и мировое сообщество пополняется женщинами интенсивнее, чем мужчинами. Тенденция феминизации Мир-Системы очевидна.

Как это отражается на страновом гендерном ландшафте, на внутренней гендерной политике государств, на обеспечении внутривосточного гендерного равновесия и равноправного положения мужчин и женщин в процессе развития страновых социумов и их социогендерных ресурсов?

Предложенный автором в 2019 г. *метод социогендерной страновой типологизации* [Силласте 2019] позволил на фундаменте его апробации пролонгировать анализ в область реального применения норм гендерного порядка различными странами. Требуется ответ на два вопроса: что значит «гендерный порядок» и как (или кем) он устанавливается?

Социогендерный порядок – это один из видов формирующегося в XXI в. нового социального миропорядка, который означает *систему социальных норм, правил и законов, регулирующих социальные отношения между гендерными общностями и социальными институтами в интересах обеспечения гендерного равноправия, способствующего улучшению условий и качества жизни женщин и мужчин*. Основу достижения социогендерного порядка составляет содействие укреплению норм гендерного равноправия в сознании и поведении населения; личности, семьи, общества и государства. Инструментами формирования социогендерного порядка являются политическая культура населения и управленческих институтов в реализации национальной гендерной политики в интересах женщин и мужчин.

Как и кем устанавливается социогендерный порядок? Исторически принципы социогендерного порядка формировались на протяжении сотни лет и в XX в. развивались в известной марксистской парадигме «женского вопроса». Однако в новых социально-политических условиях XXI столетия и эпохи глобализации «женский вопрос» эволюционизировал (переформатировался) в феномен «гендерный порядок» и наполнился новым социальным, правовым и ценностным смыслом. Обретя универсально значимый в мировом сообществе социальный смысл и назначение, гендерный порядок, как и признание гендерной политики в конце XX в., был принят ООН как стратегия будущего развития и закреплена в Пекинской декларации (универсальная гуманная и общечеловеческая норма жизни и развития мирового сообщества, каждого государства и общества, состоящего из женщин и мужчин). Ведущим принципом социогендерного порядка признано гендерное равноправие и стремление к достижению гендерного равенства, чему должна способствовать гендерная политика государства.

Своего рода интеллектуальным (позволим сказать, мозговым) центром интеграции этой политики в международную практику стала Организация Объединенных Наций и ее комитет «Женщины ООН». Разрабатываемые и ретранслируемые ООН в мировое пространство документы в области гендерной политики, достижения в мировом пространстве и сообществе государств гендерного равенства (равноправия), хотя и носят рекомендательный для государств характер, на деле обретают не только важный социально-политический смысл, но и серьезное влияние.

Гендерный порядок в модусе настоящего социального времени: страновые черты

Одной из объективных детерминант формирования нового социогендерного порядка являются изменения в гендерной структуре населения, которые обуславливают *страновой гендерный ландшафт* – своего рода карту мира по сечению гендерной асимметричности.

Согласно мировому докладу [ООН], количество женщин за последнее десятилетие увеличилось почти во всех государствах, и мировое сообщество пополняется женщинами интенсивнее, чем мужчинами. Тенденция феминизации Мир-Системы очевидна. Как это отражается на страновом гендерном ландшафте и на внутренней политике государств по обеспечению внутристранового гендерного равновесия, на страновом гендерном порядке? Успешность последнего измеряется индексом гендерного неравенства (гендерного разрыва). При этом основу сравнительного анализа составляет положение женщин в четырех сферах: по вертикали взаимосвязи экономики и здравоохранения, по горизонтали – образования и политики.

Используя типологию стран по гендерному ландшафту, обратимся к *первому* страновому анклаву, образованному странами *жесткой гендерной асимметрии в пользу мужчин* (и соответственно – резкого дефицита женщин). Это так называемые гендерно-разбалансированные страны (их как минимум 10). В анклаве две полярные группы стран. Одна – страны абсолютно мужского доминирования, но с немногочисленным населением. Это *Катар, Объединенные Арабские Эмираты, Бахрейн, Саудовская Аравия, Оман, а также Бутан, Джибути, Экваториальная Гвинея*.

Вторая группа – страны гендерной асимметрии в пользу мужчин и самые густонаселенные: *Китай и Индия*, в которых мужчины составляют 51–52 % населения. Общая численность населения этих стран самая большая в мире – 2,7 млрд человек (1 млрд 339 млн в Индии и 1 млрд 400 млн человек в Китае). Это в четыре раза больше, чем все население стран ЕС (446 млн). В чем проявляются те или иные грани гендерного порядка в этом анклаве? Обратимся к одной из стран каждой группы.

Катар

Страна необычных *социально-демографических особенностей*, обладающая самым высоким уровнем гендерной асимметрии в пользу мужчин, составляющих

75,9 % населения (2 млн 398 тыс. человек из 3 млн 159 тыс. жителей). Катарское общество самое маскулинизированное, женщины в котором составляют лишь 24 %. В то же время это самое урбанизированное в мире государство: 99,3 % населения составляют горожане, жители столицы [Грамотность...].

В экономике занято 58 % женщин, являющихся наиболее растущей работающей группой населения. На основании изменений, внесенных в Закон (№ 9 от 1967 г.), регламентирована работа женщин в государственном секторе; гарантировано получение одинаковой заработной платы за одинаковый объем работы независимо от пола и расы; прописаны механизмы назначения женщин на работу и их продвижения по службе, льготы и социальное страхование.

В сфере образования, согласно конституции Катара, образование всех ступеней доступно для женщины и, согласно ст. 49, «является правом каждого гражданина». Уровень образования женщин выше, чем у мужчин. Среди студентов Катарского университета женщины составляют 76 % [Между...]. Уровень разводов в стране самый низкий (всего 8 %).

В политической сфере с 1997 г. действует право женщин голосовать и выступать в качестве кандидатов на выборах, что позволило на следующий год 47 % катарских женщин принять участие в муниципальных выборах. На референдуме 2003 г. утверждена Постоянная Конституция Государства Катар, предоставившая женщинам право избираться в Совет Шуры (Консультативное собрание, являющееся законодательным органом Катара). Однако в Совете Шуры женщины не представлены, хотя занимают ряд должностей: министра образования; президента Избирательной комиссии; члена Центрального муниципального совета; президента Катарского университета.

По Индексу гендерного разрыва – *Global Gender Gap Index*, интегральному показателю равноправия полов – Катар занимает 135-е место (при Индексе 0,6290) из 153 [Global... 2020].

Особенности социогендерного порядка в группе стран с жесткой гендерной асимметрией в пользу мужчин

Китай

Жесткая гендерная асимметрия в пользу мужчин означает перевес мужчин в структуре населения на 37 млн в Индии и на 40 млн в Китае [Женщины... 2012]. Такая гендерная диспропорциональность порождает в этих странах много сложных проблем: от семейно-бытовых до политических.

Социально-демографическая особенность стран – распространенное ограничение рождения девочек; сильная моральная, экономическая, идейная и психологическая власть мужчин; дискриминация женщин, девушек и девочек (особенно в Индии). Семейная, демографическая и гендерная политика здесь переплетены очень сложно. Например, китайских мужчин современного поколения считают самыми эгоцентричными, так как многолетнее насильственное ограничение рождаемости девочек привело к тому, что современное активное мужское поколение китайцев росло без братьев и сестер, что в настоящее время привело к острому

дефициту невест в Китае. В связи с этим китайским мужчинам разрешено привозить невест из-за пределов КНР.

Правовая основа социогендерного порядка. Нормы гендерного равноправия, формирующие гендерный порядок в Китае, отражены в его законодательных актах, положениях, решениях, составляющих основу гендерной политики государства, в которой особое место занимает семейная политика. Брак, семья, материнство и младенчество находятся под охраной государства. По закону супруги (муж и жена) обязаны осуществлять планирование рождаемости. Родители обязаны содержать и воспитывать несовершеннолетних детей, совершеннолетние дети обязаны содержать и поддерживать родителей. Запрещается нарушение свободы брака и жестокое обращение со стариками, женщинами и детьми.

Представительство женщин в политической сфере: 25 % мест в парламенте занимают женщины, 9 % членов ЦК Компартии Китая – женщины, в составе Политбюро 8 % – женщины.

По Индексу гендерного равноправия Китай занимает 105-е место [Гендерное...].

Индия

Законодательная база социогендерного порядка: в конституции Индии с 1950 г. закреплено право голоса за всеми женщинами, как и право всех граждан избираться и быть избранными, свобода слова, собраний и объединений. Предусматриваются выборные должности для женщин.

В экономической сфере. Запрещены дискриминация по признаку пола и условия, торговля людьми и принудительный труд. По оценкам Всемирного банка, Индия имеет один из самых низких в мире показателей доли работающих женщин. По данным доклада Всемирного банка, менее одной трети индианок в возрасте 15 лет и старше (то есть трудоспособного возраста) работают или активно ищут работу. Лишь 29,2 % женщин занимают в экономике технические должности.

В целом гендерное неравенство в доходах между мужчинами и женщинами в Индии выше большинства стран.

В политической сфере. Электоральная активность мужчин в Индии традиционно выше электоральной активности женщин. Однако в 2019 г. электоральная активность женщин повысилась, и разрыв их участия в выборах сократился с 8,4 % до 1,8 %. Вместе с тем доля женщин на руководящих и управленческих должностях по-прежнему остается очень низкой: руководящие и управленческие должности занимают всего 14,6 % женщин, а фирм, имеющих в своем составе руководителей-женщин, всего 8,9 %.

В последние годы в Индии отмечаются положительные сдвиги в достижении гендерного равноправия, о чем свидетельствует усиление медийной информации на различных социальных платформах, повествующих о борьбе индийских женщин за гендерное равноправие. Впервые за много лет в Индии стали звучать призывы к борьбе с сексизмом и насилием в отношении женщин.

В 2010 г. Индия учредила *Национальную миссию* по расширению прав и возможностей женщин (NMEW), которой поручено содействовать координации всех программ, связанных с благосостоянием женщин и их социально-экономическим развитием, во всех министерствах и ведомствах.

Вывод. Как показывает анализ, гендерный порядок и положение женщин в странах первого анклава отличается резкими социальными контрастами, обусловленными не столько географическими или историческими, сколько социально-политическими факторами и социокультурными особенностями. Наиболее прогрессивный социогендерный порядок среди стран данного анклава в Китайской Народной Демократической Республике. Норма гендерной нейтральности семьи и семейного воспитания, активно продвигаемая ЕС как норма нового социогендерного порядка, в этих странах не находит поддержки, и законодательные нормы принятого гендерного порядка не изменяют.

Второй гендерный анклав – страны с мягкой гендерной асимметрией в пользу мужчин, приближающиеся к страновому гендерному паритету. Женщины составляют в этих странах от 48 % до 51 %, гендерный разрыв до 2 % численности). Это анклав (15 стран) преимущественно азиатско-восточных стран (за исключением островной северной Исландии с 345 тыс. населения): *Пакистан, Египет, Иран, Судан, Афганистан, Малайзия, Йемен, Ирак, Куба, Ливия, Папуа – Новая Гвинея, Венесуэла, Иордания, Исландия, Доминиканская Республика.*

Об особенностях странового гендерного порядка. Обратимся к конкретным примерам. Самые крупные по численности населения страны в этом анклаве – Пакистан, Египет и Иран (население которых 228, 106 и 85 млн человек соответственно). Эти страны – мусульманские, что оказывает существенное влияние на страновой гендерный порядок. В качестве примера обратимся к Пакистану.

Пакистан

Правовая основа гендерного порядка. Конституция закрепляет равенство всех перед законом и недопустимость какой-либо дискриминации женщин. Однако работающие женщины часто сталкиваются с открытой дискриминацией и сексуальными домогательствами. Дискриминация в отношении женщин имеет давние корни, и женщины с самого рождения сталкиваются с серьезными препятствиями на пути своего продвижения. Особо острые формы это имеет в сельской местности.

В сфере образования. Пакистанские талибы осенью 2008 г. запретили женское образование, закрыли и разрушили сотни женских школ. К настоящему времени в ряде университетов (как, например, Пенджабском в Лахоре) девушки составляют до половины обучающихся студентов. В целом, по оценкам западных институтов изучения гендерного неравенства в мире, ситуация с дискриминацией женщин в Пакистане стоит весьма остро [Global... 2020].

В политической сфере. Всеобщее избирательное право было установлено для женщин и мужчин первыми указами президента о проведении выборов в законодательные собрания провинций (1947 г.). Однако низкая грамотность и подчиненное положение женщин в традиционной социально-культурной среде обусло-

вило слабую активность женщин на выборах и низкое их представительство в выборных органах. С целью повышения представительства женщин в Национальном собрании им было отведено 60 мест. В последние годы число избираемых на выборах женщин постепенно растет (в 2008 г. достигло 16). В составе нынешнего парламента – 76 женщин (22 %). Спикером парламента впервые выбрана женщина.

По индексу гендерного равноправия Пакистан занимает 133-е место, а Египет – 108-е место (0,449).

Вывод. Социогендерный порядок, как и гендерная политика, в Пакистане и в Египте к настоящему времени проходит лишь начальный этап своего становления. Главным препятствием на этом пути является длительная политическая неустойчивость и неутрачиваемые внутренние и внешнеполитические конфликты, в которых участвует страна. В таких условиях вопросы гендерного равноправия смещаются далеко на задний план и не находят активного решения, так как первичным становится вопрос обеспечения общей безопасности населения.

Третий страновой анклав – страны, которые можно отнести к группе *гендерно-паритетных*, в гендерной структуре которых минимальный разрыв между представительством женщин и мужчин (0,4 % – 0,2 %). Таких стран 12 – *Норвегия, Швеция, Ирландия, Индонезия, Филиппины, Турция, Южная Корея, Австралия, Мадагаскар, Боливия*. Географически эти государства можно разделить на две подгруппы: северную (Швеция, Норвегия, Ирландия) и южную (Индонезия, Филиппины, Турция, Южная Корея, Австралия, Лаос).

Общее между ними – их расположение в морских зонах Атлантического океана с севера и Тихого океана с юга. Если принять во внимание крайне низкую вероятность абсолютного гендерного паритета (то есть полного совпадения численности гендерных групп – мужской и женской), то разрыв на 0,4 %–0,2 % дает основание идентифицировать эти страны как «практически гендерно-паритетные». Данная группа стран является особо интересной с точки зрения условий формирования нового гендерного порядка. Обратимся к примерам Турции и Южной Кореи.

Турция

Конституция Турции запрещает любую дискриминацию, государственную или частную, по признаку пола. Это первая страна в мире, в которой женщина стала председателем Конституционного суда.

В политической сфере женщины Турции имеют право создавать политические партии, вступать в них или выходить из них в соответствии с установленным порядком. Членство в партии возможно с 18-летнего возраста.

В области защиты семьи конституцией признаны равные права мужчин и женщин на статус главы семьи (ранее этот статус был закреплен исключительно за мужчинами). Отмечено, что семья основана на равенстве между супругами. Принят закон (№ 4320), в который в 2007 г. была внесена поправка, расширившая толкование понятия «насилие в семье» и предоставившая юридическую защиту членам семьи, проживающим вне дома, но подвергающимся насилию. Судья по

семейным делам имеет право издавать служебный приказ о направлении лица, совершившего насилие в семье, в медицинское учреждение для освидетельствования или лечения.

По шкале индекса гендерного равноправия Турция занимает 133-е место (из 156 стран) с индексом 0,638 [Гендерное...]. Это подводит к гипотезе, что гендерно-паритетная страновая структура не является гарантией высокого уровня обеспечения гендерного равноправия в обществе.

Южная Корея

Гендерное соотношение в стране: 49,8 % мужчин при 50,2 % женщин.

Правовая база гендерного порядка – Конституция Республики Корея, закрепляющая (с 1948 г.) принцип гендерного равенства полов (ст. 11), Закон о выборах в политические партии, Закон о равной занятости и совмещении работы и семьи (1989 г.), Закон о равенстве в сфере занятости (1987 г.), Закон о благосостоянии матери и ребенка (1991 г.).

В сфере политики при выборах политические партии обязаны включать в списки пропорциональной избирательной системы представительство 50 % женщин-кандидатов. Для большинства выборов, в результате которых 243 депутата избираются по одномандатным округам, политические партии должны включать по меньшей мере 30 % женщин-кандидатов в своих районах. Таким образом Южная Корея использует принцип квотирования в политической жизни.

Как результат – наблюдается стабильный рост числа женщин – кандидаток в депутаты на центральных и провинциальных выборах. Однако это не гарантирует успех женщин на выборах, так как чаще всего они в избирательной кампании проигрывают. Сферы, где женщины добились заметного участия в политической жизни: правительственные комитеты (представительство женщин превысило треть всего состава); судебная власть (женщин-судей свыше четверти); представительство женщин-прокуроров и женщин-адвокатов приблизилось к 20 %.

В сфере экономики. Гендерная сегрегация в сфере труда отражает разрыв в заработной плате мужчин и женщин на уровне 36,3 %. Женщин с детьми не хотят брать на работу. Многих женщин увольняют, если они растолстели или постарели. В стране существует жесткая дискриминация женщин по внешности и возрасту.

Согласно индексу гендерного равноправия, Южная Корея занимает 102-е место (из 156 стран).

Вывод. Пример Южной Кореи подтверждает выдвинутую выше гипотезу в части социогендерного порядка в Турции: гендерно-паритетная страновая структура не является гарантией высокого уровня обеспечения гендерного равноправия в обществе и эффективного странового гендерного порядка.

В странах четвертого и пятого гендерного анклавов соотношение в структуре населения меняется в пользу женщин и образуются два анклава: анклав с мягкой и жесткой гендерной асимметрией в пользу женщин. В чем особенности их социогендерных порядков?

Четвертый страновой анклав – страны с мягкой гендерной асимметрией в пользу женщин, в которых гендерный разрыв находится в диапазоне 49,5 % – 51,5 % (то есть составляет до 2 %). Это самая большая группа стран, в которую входит 21 страна. Среди них Канада, Дания, Нидерланды, Испания, Греция, Люксембург, Сербия, Ангола, Непал, Монголия. Помимо этого, США, Кыргызстан, Великобритания, Италия, Германия (двухпроцентный гендерный разрыв), Швейцария, Бельгия, Черногория, Вьетнам, Чехия.

Это качественно иной страновой анклав. Во-первых, он сконцентрированно собрал в себя большинство стран ЕС. Это группа смешанного опыта реализации гендерного порядка: социалистического, капиталистического и переходного (транзитивного), американской модели гендерного порядка (США и Канада), классической западной модели (Великобритания), стран Юго-Восточной Азии (Вьетнам, Непал), Африки (Ангола), страны, имеющие социалистический опыт решения «женского вопроса» (Монголия, Киргизия). Такой территориально-географический разброс в сочетании с разными политико-историческими моделями гендерного порядка и решения «женского вопроса» требует углубленного социологического анализа.

Общая особенность изучения социогендерного порядка этой и последующей группы стран пятого анклава заключается в том, что все государства этой группы своим национальным законодательством широко поддерживают развитие гендерного равноправия, эгалитарный тип отношений, расширение социальных прав мужчин и женщин, их интеграцию в экономику и политику.

Швейцария

Правовая база обеспечения социогендерного порядка – Гендерный закон (1996 г.) «Федеральный закон о равноправии женщин и мужчин» («Bundesgesetz über die Gleichstellung von Frau und Mann» / «Loi fédérale sur l'égalité entre femmes et hommes») вступил в силу 1 июля 1996 г. Закон запрещает любые формы дискриминации мужчин и женщин, как прямые, так и косвенные, и применяется во всех сферах профессиональной деятельности, затрагивая напрямую такие сферы, как порядок приема на работу, получение образования, выплаты заработной платы.

В экономической сфере – гендерное неравенство проявляется в разных формах, в том числе в форме частичной занятости мужчин и женщин. Как показали результаты социологического измерения, большинство мужчин работает на полную трудовую ставку, а большинство женщин практикуют частичную трудовую занятость.

Супружеские права и обязанности. Брак подразумевает верность и взаимопомощь: оба супруга содействуют благополучию семьи и строят отношения на основе взаимоуважения. Ни один из супругов не вправе действовать против воли другого. Супруга имеет право высказываться по любым вопросам на равных с супругом, ее мнение имеет тот же вес, что и мнение супруга. Оба супруга обязаны вносить вклад в благосостояние семьи. Супруги сами решают, каков будет вклад каждого из них. Оба супруга обязаны заботиться о своих детях, их образовании, воспитании и защите. Никакого насилия в семье: побои и насилие уголов-

но наказуемы. Муж не имеет права физически наказывать свою жену [Global... 2020].

Согласно *Global Gender Gap Report 2020*, наибольшее количество баллов (89) получила Норвегия, на втором месте – Финляндия (88 баллов), на третьем – Исландия (87). Испания с 81 баллом заняла седьмое место (из 160).

В пятый анклав входят страны с жесткой гендерной асимметрией в пользу женщин (от 2,1 % до 7,4 %). В группу входят *Аргентина, Австрия, Болгария, Франция, Япония, Казахстан, Словакия, Армения, Венгрия, Беларусь, Грузия, Россия, Польша, Литва, Латвия, Эстония*.

Особенности данного анклава, с одной стороны, совпадают с четвертым анклавом. С другой, содержат доминантную группу стран с опытом смешанного гендерного порядка. Это постсоветские страны, сменившие политический режим, а с ним и социалистическую модель решения «женского вопроса», являвшегося парадигмой советского гендерного порядка, на западную модель достижения гендерного равенства (*Армения, Россия, Казахстан, Беларусь, Грузия, Литва, Латвия, Эстония*). С другой стороны – западная группа стран с традиционным гендерным порядком, соответствующим опыту стран капиталистической экономики – *Франция, Япония, Австрия, Аргентина и постсоциалистические Болгария, Венгрия, Словакия*.

Третья особенность анклава – конфессиональная дихотомия представленных стран, сильно отличающихся ценностным подходом к институтам семьи, морали и воспитания; отношением к признаку пола и гендерной идентификации, приоритету родительского воспитания ребенка над общественным. Обратимся к **опыту Франции**.

Наибольшая группа в гендерной структуре населения Франции – когорта в возрасте от 14 до 65 лет. В этой возрастной когорте соотношение гендерных общностей паритетно симметрично.

Правовая база обеспечения гендерного порядка во Франции хорошо развита и имеет прочные исторические корни. Так, *Декларация прав человека и гражданина (от 26 августа 1789 г.) в соответствии со статьей 1* провозглашает: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Социальные различия могут быть основаны только на соображениях общей пользы».

По *Закону о гендерном равенстве* государственные учреждения Франции обязаны обращаться к замужним женщинам в официальной переписке по фамилии, которая была у них до замужества. Это нововведение стало частью широкомасштабного законопроекта о гендерном равенстве.

В политической сфере: один из семи мэров во Франции – женщина, в правлении французских компаний, котирующихся на САС 40 (французской фондовой бирже), женщины составляют всего 23 %.

В сфере экономики – согласно статистике, француженки получают заработную плату на 25 % меньше, чем их коллеги-мужчины. Закон увеличил срок отпуска по уходу за ребенком для родителей (как матери, так и отца) с шести месяцев до одного года, но только в случае, если отпуск берут оба родителя (они могут взять отпуск на три года, как и раньше, при условии, что минимум полгода

ребенок будет оставаться с отцом, а если нет, то общий отпуск сократят до двух с половиной лет).

В сферах социальной и здравоохранения – по закону при разводе родителей приоритет отдается не матери, как ранее, а поочередному проживанию ребенка с каждым из родителей вне зависимости от его возраста. Закон предусматривает жесткие санкции за уклонение от выплаты алиментов при разводе. Согласно статистике, около 40 % алиментов во Франции не выплачиваются или выплачиваются нерегулярно. Закон запрещает проведение конкурсов красоты среди детей младше 13 лет.

Вывод. В правовом обеспечении норм социогендерного порядка в странах, гендерно асимметричных в пользу женщин, чаще и подробнее ставятся вопросы обеспечения равноправия в социальной и семейной сферах. Вопросы гендерного равноправия в сфере здравоохранения более всего концентрируются на предоставлении женщинам права принятия решения относительно прерывания беременности, безопасности аборта, охраны безопасности здоровья женщин в такой ситуации. Для проверки гипотезы относительно влияния жесткой гендерной асимметрии на социальную активность женщин в защите своих прав в трудовой и политической сферах на данной стадии проведенного анализа недостаточно, так как для этого нужны не только количественные, но и эмпирические социологические данные.

В качестве заключения отметим следующее:

1. Социогендерный порядок является актуальным предметом комплексных, полипарадигмальных социальных исследований, прежде всего социологических и социально-правовых. Актуализация этой проблемы непосредственно связана с общемировыми социально-политическими процессами, отражающими резкое противоборство двух цивилизаций: западноевропейской и славянской с российским эпицентром. Вопрос равноправия резко расширил свое политическое и социокультурное звучание и влияние. Гендерное равноправие – один из наиболее чувствительных его видов, обладающих высокой степенью эмоционально-психологической чувствительности, масштабностью распространения и национально-этнической корреляцией, но слабой социологической измеряемостью и изученностью.

2. До настоящего времени исследования гендерного равноправия в социальных науках недооценивались, осуществлялись сегментарно, без связи сфер влияния на развитие гендерных общностей и социогендерного порядка в государствах. Это было оправданным и достаточным в период действия парадигмы «решения женского вопроса» в XX в., но крайне недостаточно в концепте формирования нового мирового социального и гендерного порядка в XXI в.

3. В 1990-е гг. о себе заявил феномен «третьего мира», который в определенной степени опровергает прогноз Ф. Фукуямы о том, что этот «маскулинный» регион будут возглавлять исключительно молодые энергичные мужчины. Индия, Пакистан, Филиппины, Аргентина, Боливия как страны с жесткой и мягкой гендерной асимметрией в пользу мужчин продемонстрировали яркие примеры женского «вхождения во власть». Этот ареал расширяется и будет расширяться

за счет стран Африки, продвижения в них женщин в разные сферы политического и социального управления.

4. Слабое научное информирование и понимание этого направления, его стратегического назначения и территориально-географического, пространственного распространения и влияния пока не позволяет судить о новых формах и моделях формирующегося на другом континенте социогендерного порядка африканской модели. Этот порядок уже опережает традиционалистские западноевропейские социогендерные подходы, которые к настоящему времени через абсолютизацию парадигмы гендерной нейтральности приобретают ценностно-разрушительные формы. Пока трудно сказать, насколько устойчивой является эта тенденция. Но на то и дан научный подход, чтобы «ловить» для исследования «пока неопознанное» явление на лету, а не ждать, когда оно станет историей.

Литература

Валлерстайн И. Мир-система Модерна. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016.

Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение. М. : Ленанд, 2018.

Гендерное равенство / неравенство [Электронный ресурс] : Политический атлас современности. URL: <http://www.hyno.ru/tom2/1281.html> (дата обращения: 03.04.2022).

Географический справочник [Электронный ресурс]. URL: <http://merkator.org.ua/ru/spravochnik/> (дата обращения: 03.04.2022).

Грамотность населения [Электронный ресурс]. URL: <https://countrymeters.info/ru/Qatar#literacy> (дата обращения: 03.04.2022).

Женщины мира в 2010 г. Тенденции и статистика [Электронный ресурс] : Нью-Йорк: ООН. 2012. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0615/biblio01.php> (дата обращения: 03.04.2022).

Колбовский Е. Ю. Ландшафтоведение. 3-е изд., стер. М. : Академия, 2008.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч.: в 23 т. Т. 1. М. : Политиздат, 1960.

Между прогрессом и традициями: как живут и работают женщины в Катаре [Электронный ресурс] : Forbes Woman. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/442893-mezdu-progressom-i-tradiciami-kak-zivut-i-rabotaut-zensiny-v-katare> (дата обращения: 03.04.2022).

ООН. Цели в области устойчивого развития: 2030 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 03.04.2022).

Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб. : Питер, 2002.

Силласте Г. Г. Страновой гендерный ландшафт как фактор формирования нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С. 4–13.

Счетчик населения [Электронный ресурс] : Демоскоп Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/app/popclock/popclock.php> (дата обращения: 03.04.2022).

Buckley W. *Sociology and Modern Systems Theory*. Englewood Cliffs, NJ : Prentice-Hall, 1967. Pp. 39–41.

Global Gender Gap Report 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.weforum.org/reports/gender-gap-2020-report-100-years-pay-equality> (дата обращения: 03.04.2022).

References

Wallerstein I. *Mir-sistema Moderna [The Modern World-System]*. Moscow : Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 2016.

Wallerstein I. *Mirosistemnyy analiz. Vvedenie [World-Systems Analysis. An Introduction]*. Moscow : Lenand, 2018.

Gendernoye ravenstvo / neravenstvo [Gender Equality / Inequality] : Politicheskiy atlas sovremennosti. URL: <http://www.hyno.ru/tom2/1281.html> (accessed: 03.04.2022).

Geograficheskiy spravochnik [Gazetteer]. URL: <http://merkator.org.ua/ru/spravochnik/> (accessed: 03.04.2022).

Gramotnost' naseleniya [Literacy of the Population]. URL: <https://countrymeters.info/ru/Qatar#literacy> (accessed: 03.04.2022).

Zhenshchiny mira v 2010 godu. Tendentsii i statistika [Women of the World in 2010. Trends and Statistics]. New-York : UN, 2012. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0615/biblio01.php> (accessed: 03.04.2022).

Kolbovskiy E. Yu. *Landshaftovedenie [Landscape Science]*. 3rd ed., ster. Moscow : Akademiya, 2008.

Marx K. *Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii [Capital. A Critique of Political Economy / K. Marx, F. Engels // Works: in 23 vols. Vol. 1]*. Moscow : Politizdat, 1960.

Mezhd progressom i traditsiyami: kak zhivut i rabotayut zhenshchiny v Katare [Between the Progress and Traditions: How Women Live and Work in Qatar] : Forbes Woman. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/442893-mezdu-progressom-i-tradiciami-kak-zivut-i-rabotaut-zensiny-v-katare> (accessed: 03.04.2022).

OON. *Tseli v oblasti ustoychivogo razvitiya: 2030 [UN. Sustainable Development Goals: 2030]*. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (accessed: 03.04.2022).

Ritzer G. *Sovremennye sotsiologicheskie teorii [Modern Sociological Theories]*. 5th ed. St. Petersburg : Piter, 2002.

Sillaste G. G. *Stranovoy gendernyy landschaft kak faktor formirovaniya novogo gender-nogo poryadka [The Country Gender Landscape as the Factor of a New Gender Order Formation, its Social Risk] // Zhenshchina v rossiyskom obshchestve. 2019. No. 3. Pp. 4–13.*

Schetchik naseleniya [Population of Russia] : Demoscop Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/app/popclock/popclock.php> (accessed: 03.04.2022).

Buckley W. *Sociology and Modern Systems Theory*. Englewood Cliffs, New Jersey : Prentice-Hall, 1967. Pp. 39–41.

Global Gender Gap Report 2020. URL: <https://www.weforum.org/reports/gender-gap-2020-report-100-years-pay-equality> (accessed: 03.04.2022).

БИЛИНГВИЗМ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Алиева К.*

Основное назначение языка – это обеспечение коммуникации между людьми, вместе с тем язык является носителем культурного наследия. В языке отражаются жизненные перипетии народа, его исторические взаимодействия с другими народами, их культурами. И сейчас, и в прошлом количество стран в мире, где говорят только на одном языке, незначительно. Двуязычие определяется и диктуется этническими, социальными, политическими, экономическими факторами. В данной статье рассматриваются определения и критерии двуязычия, особенности его проявления в некоторых многонациональных странах.

Ключевые слова: родной язык, двуязычие, билингвизм, языковое планирование, обыденный язык, государственный язык.

BILINGUALISM: HISTORY AND MODERNITY

The main purpose of the language is to ensure communication between people, at the same time the language is the bearer of cultural heritage. The language reflects the vicissitudes of people's life, their historical interactions with other peoples, their cultures. Both now and in the past, the number of countries in the world where only one language is spoken is negligible. Bilingualism is determined and dictated by ethnic, social, political, economic factors. This article discusses the definitions and criteria of bilingualism, the features of its manifestation in multinational countries.

Keywords: native language, bilingualism, language planning, everyday language, state language.

Язык есть дом бытия.
В жилище языка обитает человек.
Мартин Хайдеггер

Язык – краеугольный камень истории и будущего народа. В сохранении традиционного бытия народа, его культуры центральное место принадлежит языку, системообразующему фактору общества. Сейчас общепризнано, что язык определяет горизонты человеческого миропонимания. Людвиг Витгенштейн в 1922 г. в «Логико-философском трактате» писал: «Границы моего языка означают границы моего мира» [Витгенштейн 2020: 101]. Слова, которые у нас есть, влияют на то, что мы видим – и чем больше у нас слов, тем лучше наше понимание. Соглас-

* Алиева Кёнюль – доктор, доцент школы иностранных языков Башкентского университета, Турция. E-mail: kaliyeva@baskent.edu.tr.

Kyonyul Aliyeva – Dr., Associate Professor, School of Foreign Languages, Bashkent University, Turkey. E-mail: kaliyeva@baskent.edu.tr.

но Витгенштейну, язык – результат активного отражения окружающего нас мира. Действительность моделируется языком культуры и проецируется в индивидуальное, а в дальнейшем и в коллективное сознание.

Язык, с одной стороны, творец культуры, с другой – главный ее выразитель, в нем отражаются особенности данного общества, доминирующие в нем обычаи, ритуалы. Он является основой социализации индивида, ретранслятором передачи культурных ценностей от поколения к поколению. В этом отношении он связывает прошлое, настоящее и будущее, определяет историческое единство общества.

С герменевтической точки зрения язык представляет собой априорное условие сознания. Поэтому мы можем иметь дело только с универсумом того, что «уже выражено языком», и с потенциальным пространством, где «еще можно что-то сказать» [Гадамер 1988: 447]. Выполняя коммуникативную функцию, язык определяет уровни и формы духовного, интеллектуального, художественного взаимодействия в обществе. Это то априорное основание, которое позволяет ребенку постепенно усваивать смысл и значение принятых в обществе положений, символов, норм поведения. Особое значение имеет соотношение, уровень связей обыденного и официального языка в обществе. Чтобы социальное управление было эффективным, государство должно «говорить на языке народа» и осуществлять соответствующее языковое планирование.

Следует отметить, что ранняя аналитическая философия невысоко оценивала обыденный язык. Бертран Рассел, например, стремился избавиться от обыденного языка из-за его неоднозначности. Людвиг Витгенштейн пытался преодолеть неточности обыденного языка путем использования положений логики [Wittgenstein 1953: 116]. Он считал, что обыденный язык в принципе не ошибочен, и многие философские вопросы порождены непониманием подлинного смысла и значения нашего языка. Соответственно, обыденный язык должен быть реформирован так, чтобы он перестал быть двусмысленным и однозначно отражал мир.

Проблема, поставленная Витгенштейном, нетривиальна с точки зрения логики и лингвистики, но в практическом отношении, отталкиваясь от нее, можно обозначить некоторые важные аспекты государственной языковой политики и цели языкового планирования в многонациональном обществе. Взгляд на действительность, ее понимание у носителей разных языков могут существенно различаться. Однако политические, социально-экономические, духовные причины нередко заставляют людей освоить другой язык.

Двуязычие существует испокон веков. Многие деятели античной культуры говорили на нескольких языках. Римские писатели Квинт Энний и Тит Лукреций Кар, философ, политик, непревзойденный оратор Марк Туллий Цицерон свободно владели греческим языком. Считается, что их двуязычие содействовало обогащению латыни.

По мнению большинства лингвистов, сейчас количество языков в мире составляет около 6500, а число существующих независимых государств – более 190 [Кабахидзе, Мамедов 2016: 106]. И почти в каждом государстве можно встретить знание двух или трех языков. Знание языка другого народа, культурных различий, их оснований помогает понять иные социально-психологические установки и создает предпосылки для плодотворного диалога.

Политика и двуязычие

Язык – сила, которая поддерживает и отражает национальные особенности культуры. Для сохранения этой силы необходима прежде всего политическая свобода народа. Только в этих условиях люди могут свободно использовать свой язык в быту, государственном управлении, науке, образовании, средствах массовой информации, в литературе и искусстве, культурной сфере в целом.

Особенности политической организации общества проявляются в состоянии языка, языковой политике государства. Это имеет принципиальное значение в многонациональных странах, когда необходимо соблюдать права национальных меньшинств на использование родного языка [Чумаков 2021]. Люди, принадлежащие к разным культурам, могут, конечно, расходиться в целях своей жизни и деятельности, что во многом зависит от разделяемых ими культурных ценностей. Подобное расхождение не должно, однако, служить основанием для преследования и запрета чужой культуры и языка [Межуев 2010]. Культурное равенство людей возможно лишь при условии равенства разных культур в общегосударственном и мировом масштабах. Культурное неравенство влечет за собой неравенство во всех других сферах жизни – экономической, политической, социальной, и прежде всего в лингвистической.

Культурное равенство реально обеспечивается не призывами и лозунгами, а правовыми средствами, что означает предоставление каждому человеку права на свободный выбор своей культурной идентичности и свободное владение родным языком. Только сам человек решает, какая культура ему нужна, на каком языке он хочет думать и говорить. Никто не может навязать ему иной выбор.

Двуязычие и многоязычие довольно широко распространены в современном мире. В повседневной жизни многих стран используется несколько языков. В многоязычных демократических государствах люди свободно выбирают приемлемый для них язык общения. Например, Канада – двуязычная страна. Наиболее часто используемый язык в регионе Квебек – французский, а за его пределами – английский. Другой пример – Ирландия. На юге страны доминирует английский, на севере ирландцы предпочитают использовать свой родной гэльский язык.

Люксембург – небольшое европейское государство, жители которого в повседневной речи используют четыре разных языка. В дополнение к английскому люксембургский, французский и немецкий являются тремя официальными языками, которые изучаются в качестве обязательных предметов в школе. Или Сингапур – город-государство с четырьмя официальными языками: английским, китайским, малайским и тамильским. Большинство сингапурцев говорят на всех четырех языках. Здесь распространен также сингапурский вариант английского языка (Singlish).

Невероятно сложная лингвистическая картина предстает в такой небольшой стране, как Аруба. Это островное государство, расположенное в Карибском море недалеко от Венесуэлы. Поскольку государство входит в состав Королевства Нидерландов, официальным языком этой страны является голландский. Но помимо официального языка, система образования Арубы включает английский и испанский как обязательные школьные предметы, что связано с большим притоком туристов в страну. При этом родным языком жителей Арубы является папьяменто (креольский язык).

Не менее сложная языковая картина предстает в Республике Дагестан Российской Федерации. Здесь на сравнительно небольшой горной территории проживает около трех миллионов человек и распространено 18 языков. Многие дагестанцы на обыденном уровне владеют языками друг друга и каждый, говоря на своем, может понимать другого. Делопроизводство в Дагестане осуществляется на русском языке, который интенсивно преподается в школе [Магомедов 2009].

Представляет интерес влияние языковой картины на государственную и политическую организацию Швейцарии. Это единое государство, состоящее из 17 немецкоязычных, четырех франкоязычных, трех франко-германских, одного италияязычного и одного итало-германо-римско-романского кантона. Кантон – самостоятельная территориально-административная единица со своей конституцией, законами и языковой политикой. В ведении центрального правительства страны находятся только международные вопросы и управление федеральным бюджетом. В кантонах соблюдаются определенные правовые нормы, касающиеся употребления языка. Так, язык преобладающего населения кантона используется на официальном уровне. Каждый швейцарский гражданин имеет право поселиться в любой части страны, но он обязан использовать в общественной сфере только те языки, которые имеют приоритетный статус в данном кантоне.

Уровни двуязычия

Долгое время только свободное владение двумя языками считалось главным критерием двуязычия. Большинство людей не считают себя двуязычными или делают это с большим количеством оговорок. В зависимости от меры владения человеком двумя языками индивидуальное двуязычие может быть симметричным (владение в равной мере) или асимметричным (владение одним лучше, чем другим). При этом в зависимости от того, как функционируют два языка в речевой практике, различают автономное и совмещенное двуязычие. При автономном билингвизме человек строит речь на каждом языке, используя средства, характерные только для него. При совмещенном двуязычии речевая практика на языке, который знают хуже, строится с использованием средств основного (доминирующего) языка.

Большое значение имеют знание и понимание «языковой картины» носителей языка. Например, возьмем понятие о времени суток. Границы между временем суток не совпадают в представлении носителей разных языков. Так, для говорящих на английском языке утро – это часть суток от полуночи до полудня (они говорят, например, «One in the morning», что соответствует нашему «часу ночи»). Особенность русскоязычной картины мира состоит в том, что время суток в ней определяется деятельностью, которая его наполняет, то есть моментом пробуждения, начала и конца дневной деятельности. Сами обозначения временных интервалов основаны не на астрономическом времени, а на человеческой деятельности.

Сравним русские слова *счастье*, *счастлив*, и английские *happy*, *happiness* – расхождения в их смыслах существенны. *Happy* в английском языке является «повседневным словом» и обозначает состояние эмоционального благополучия, а *happiness* обозначает эмоцию, которая ассоциируется с «настоящей улыбкой».

Русское *счастье* принадлежит к высокому регистру, несет в себе очень сильный эмоциональный заряд (не базовую эмоцию) и не относится к категории чувств. Русское *счастливы* – состояние, которое считают приближением к сфере идеального (где-то рядом со «смыслом жизни»).

Каждый социум (как и носитель языка) отличается своей картиной мира: различная культурная и языковая среда, духовные ценности, индивидуальность мышления и менталитета разных народов – все это обуславливает различные представления об одних и тех же предметах, понятиях, явлениях. Таким образом, при изучении иностранных языков мы познаем иную картину мира и пытаемся сопоставить их со своими представлениями о мире, тем самым расширяя «свой мир», или, можно сказать, прибавляем «новый мир». Осмысление проблем двуязычия, которые были выражены в последней четверти XX века, способствовало не только развитию лингвистики, но и инновациям в социологии, психологии, этнографии [Мюнникс 2021: 59].

Определение двуязычия

Основная проблема при определении понятия «двуязычие», как уже было отмечено, состоит в том, что трудно определить, на каком уровне знания другого языка человека можно считать двуязычным. И какие компоненты или «области» языка принимаются во внимание при определении двуязычия: словарный запас, грамматика, произношение?

Некоторые ученые считают, что двуязычным может считаться только человек, отлично владеющий обоими языками. Такого мнения придерживался выдающийся американский лингвист Л. Блумфилд. Он объяснял двуязычие следующим образом: одинаковое владение двумя языками – это способность выражать себя на приобретенном, а также на своем родном языке [Bloomfield 1933: 56]. Соплашался с ним и В. А. Аврорин, который считал, что двуязычен тот, кто «одинаково свободно говорит на двух языках» [Аврорин 1972: 49]. Другими словами, с его точки зрения, двуязычие начинается там, где знание второго языка приближается к знанию родного.

Американский лингвист У. Вайнрайх определяет двуязычие как практическое использование обоих языков альтернативным способом. По его словам, человека, который это практикует, можно назвать двуязычным [Вайнрайх 1972: 29]. Данная точка зрения совпадает с мнением Э. М. Верещагина, считавшего, что двуязычие – это способность использовать два языка для общения. Двуязычие – это ментальный механизм, позволяющий воспроизводить и проводить речевые исследования, принадлежащие к двум языковым системам, на постоянной основе. Верещагин выделил следующие типы двуязычия:

1. *Воспринимающее двуязычие*: понимает второстепенную речь. Этот тип двуязычия характерен для изучения так называемых мертвых языков;
2. *Репродуктивное двуязычие*: обладает способностью воспроизводить прочитанное и/или услышанное. Примером репродуктивного двуязычия является изучение неродного языка самостоятельно для получения знаний;

3. *Продуктивное двуязычие*: понимание обоих языков и повышение уровня использования приобретенного языка. Продуктивное двуязычие – это способность понимать и создавать тексты.

4. *Чистое двуязычие*: использование двух разных языков дома и в общественных местах;

5. *Смешанное двуязычие*: постоянная связь между двумя речевыми механизмами, языки сильно влияют друг на друга, взаимопроникают в речевой практике [Верещагин 2014].

Для оценки двуязычия используются различные критерии. Это показывает, что консенсусное определение в данном случае отсутствует. Примечательно, что оценка признаков, характеризующих двуязычие в определениях, производится с разных точек зрения. В то время как в некоторых определениях подчеркиваются лингвистические элементы (уровень знания каждого языка, влияние одного языка на другой и т. д.), в других определениях учитываются социальные факторы (с какой целью изучается второй язык, когда он используется).

Исторически люди, которые общались на двух и более языках, должны были жить в одной среде с представителями разных народов. Причины тут были разные: иммиграция, межнациональный брак, оккупация и т. п. В таких условиях происходит языковая конвергенция, языки влияют друг на друга благодаря общению, это отражается как в терминах лексики, так и в языковой структуре. Таким образом, шаг за шагом данное взаимодействие готовит двуязычную почву, кристаллизует основы взаимопонимания среди людей, говорящих на разных языках.

Итак, двуязычие – лингвистическое качество, которое возникает на разных уровнях и в разных условиях. Это качество, которое можно приобрести в семье, живя в многоязычной социальной среде, и посредством образования. Лица с врожденным, спонтанным двуязычием, приобретенным в семье, имеют преимущества в эквивалентном использовании двух языков. Они способны думать и выражать эмоции на высшем уровне на обоих языках. Те, кто освоил второй язык путем образования, относятся к категории пассивных билингвов. Для них второй язык не такой насыщенный, как родной, на втором языке им сложнее выражать свои мысли. К промежуточной категории можно отнести людей, которые освоили второй язык спонтанно, живя в многонациональной среде.

Двуязычие: положительные и отрицательные стороны

Этот вопрос остается открытым для обсуждения, поскольку двуязычие имеет и уникальные достоинства, и ряд недостатков.

Перечислим его достоинства, ценность:

– Двуязычие дает доступ к другим культурам, ее различным граням. Двуязычный человек может понимать иные культурные процессы и участвовать в них.

– Двуязычный человек обладает более развитым способом мышления, широким миропониманием вследствие обогащения понятийно-категориального аппарата.

– Создаются благоприятные возможности для развития международных отношений, сотрудничества в области науки, образования, экономики, бизнеса.

– Двужычный человек лучше понимает свой родной язык. Изучающие второй язык глубже осознают структуру, грамматические правила родного языка, чем одноязычный человек.

К недостаткам двуязычия обычно относят:

– Двужычный человек иногда ошибается и путает грамматическую структуру языков, носителем которых является.

– При изучении второго языка часто пытаются применить грамматические положения одного языка к другому, но в большинстве случаев это не срабатывает.

– Сложности возникают и при изучении родственных языков. Например, испанский учащийся может ошибочно счесть португальский и итальянский языки легкими для изучения из-за довольно тесной связи между языками.

– Реальность смешения разных языков требует особого внимания не только во время официальной речи, но и в обыденных условиях.

Оценка возможностей двуязычия, понимание его позитивных функций и относительных недостатков необходимы для поддержания и адекватного развития межкультурного диалога в мире. Двуязычие, как было отмечено, в одних странах сформировалось в результате влияния социальной и политической действительности, в других возникло спонтанно в соответствии с предпочтениями индивидов. Конечно, это разные ситуации, и они дают разные результаты.

В целом сейчас человечество не только осознает свое единство, но и все больше понимает необходимость консолидации действий в самых различных областях для перехода к устойчивому развитию. В наметившейся интеграции мирового сообщества особое значение приобретают вопросы коммуникации, преодоление лингвистических барьеров. Будущее человечества во многом зависит от взаимодействия и взаимообогащения многообразных национальных культур. Важнейшей предпосылкой этого является развитие двуязычия.

Литература

Аврорин В. А. Двуязычие и школа // Проблемы двуязычия и многоязычия. М. : Наука, 1972. С. 49–62.

Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. М., 1972. С. 25–60.

Верещагин Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М. : Директ-Медиа, 2014.

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М. : АСТ, 2020.

Гадамер Х. Г. Истина и метод. М. : Прогресс, 1988.

Кабахидзе Е. Л., Мамедов Н. М. Лингвистические барьеры глобализации и языковая картина мира // Проблемы языка в современном мире / под ред. Е. В. Ганиной, А. Н. Чумакова. М. : Проспект, 2016. С. 105–115.

Магомедов М. И. Генетическое родство дагестанских языков // Вестник ВЭГУ. 2009. № 3. С. 48–54.

Межуев В. М. Глобальное и локальное в современной культуре // Россия в диалоге культур. М., 2010. С. 5–35.

Мюнникс Г. Возможна ли межкультурная коммуникация? О важности адекватного перевода в мире глобальных отношений // Век глобализации. 2021. № 1. С. 59–70.

Чумаков А. Н. Путь в философию. Работы разных лет. М. : Проспект, 2021.

Bloomfield I. Language, New York : H. Holt and Company, 1933.

Wittgenstein L. Philosophical Investigations. New York : MacMillan, 1953.

References

Avrorin V. A. Dvuyazychiye i shkola [Bilingualism and School] // Problemy dvuyazychiya i mnogoyazychiya. Moscow : Nauka, 1972. Pp. 49–62.

Weinreich U. Odnoyazychiye i mnogoyazychiye [Monolingualism and Multilingualism] // Novoye v lingvistike. Vol. 6. Yazykovyye kontakty. Moscow, 1972. Pp. 25–60.

Vereshchagin Ye. M. Psikhologicheskaya i metodicheskaya kharakteristika dvuyazychiya [Psychological and Methodological Characteristics of Bilingualism]. Moscow : Direkt-Media, 2014.

Wittgenstein L. Logiko-filosofskiy traktat [Logico-Philosophical Treatise]. Moscow : AST, 2020.

Gadamer H. G. Istina i metod [Truth and Method]. Moscow : Progress, 1988.

Kabakhidze Ye. L., Mamedov N. M. Lingvisticheskiye bar'yery globalizatsii i yazykovaya kartina mira [Linguistic Barriers of Globalization and the Language Picture of the World] // Problemy yazyka v sovremennom mire / ed. by Ye. V. Ganina, A. N. Chumakov. Moscow : Prospekt, 2016. Pp. 105–115.

Magomedov M. I. Geneticheskoye rodstvo dagestanskikh yazykov [Genetic Relationship of the Dagestan Languages] // Vestnik VEGU. 2009. No. 3. Pp. 48–54.

Mezhuyev V. M. Global'noye i lokal'noye v sovremennoy kul'ture [Global and Local in Modern Culture] // Rossiya v dialoge kul'tur. Moscow, 2010. Pp. 5–35.

Munnix G. Vozmozhna li mezhkul'turnaya kommunikatsiya? O vazhnosti adekvatnogo perevoda v mire global'nykh otnosheniy [Is Intercultural Communication Possible? On the Importance of Adequate Translation in the World of Global Relations] // Vek globalizatsii. 2021. No. 1. Pp. 59–70.

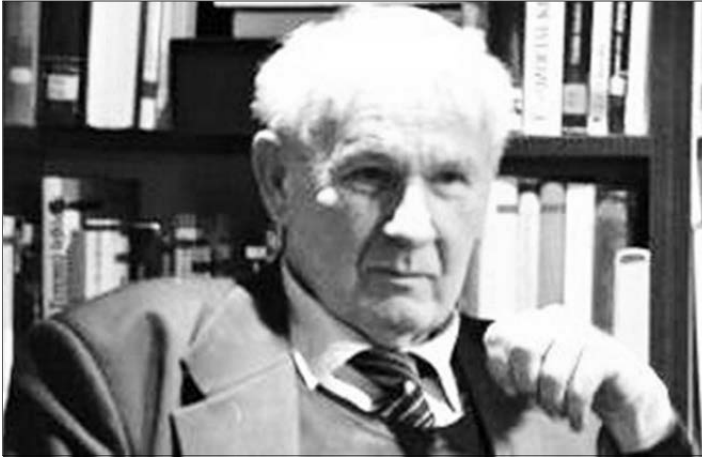
Chumakov A. N. Put' v filosofiyu. Raboty raznykh let [The Path to Philosophy. Works of Different Years]. Moscow : Prospekt, 2021.

Bloomfield I. Language, New York : H. Holt and Company, 1933.

Wittgenstein L. Philosophical Investigations. New York : MacMillan, 1953.

ЮБИЛЕИ

ЭНДРЕ КИШУ – 75 ЛЕТ

2 июля 2022 г. отметил свой 75-летний юбилей член международного редакционного совета и постоянный автор журнала «Век глобализации», известный венгерский философ, один из наиболее авторитетных в современном мире специалистов в области глобальных исследований, профессор, член Комитета прогнозирования Венгерской академии наук Эндре Киш. С 1974 г. он являлся ассистентом профессора Университета им. Этвеша Лоранда в Будапеште, с 2008 г. – профессором Западновенгерского университета (г. Шопрон-Сомбатхей). С 1989 г. занимается исследованием комплексной проблемы развития Восточной и Центральной Европы.

Изначально Э. Киш относился к глобализации не только как к новой философской проблеме, но и как к исчерпывающему объяснению исторических и социальных процессов. Также он изучал глобализацию как теорию настоящего. С начала исследований ученый пытался рассмотреть проблему глобализации одновременно с нескольких независимых философских и теоретических точек зрения (теория глобализации, имперская проблема, постмодернистский период, обыденное сознание, постматериалистические ценности как философская типологизация и систематизация). Основой интерпретации настоящего служит глобализация, глубокий анализ которой идентичен выполненному анализу настоящего.

Профессор Киш – активный участник международных конгрессов и конференций, выступает с докладами и лекциями в различных аудиториях. Он автор множества работ в области глобалистики на такие темы, как, например, монетаризм и либерализм.

Среди наиболее известных его работ:

- К теории глобальной и историко-философской актуальности. Дрезден, 1998;
- Глобальное ближайшее будущее абсолюта? // *Hegel's Yearbook*, 1996. Berlin, 1997. С. 33–41;
- Монетаристская глобализация и смена венгерского режима. Изучение социальной философии, 2002;
- Глобализация и/или постмодернизм. Исследования по теории настоящего, 2003;
- Венгрия и глобализация, 2005;
- Диалектика современности. Теоретическая интерпретация глобализации // *Journal of Globalization Studies*. 2010. Vol. 1. No. 2. Pp. 12–26;
- Философия глобализации // *Век глобализации*. 2010. С. 53–65 и др.

Редколлегия и Международный редакционный совет журнала «Век глобализации» сердечно поздравляют профессора Э. Киша с юбилеем и желают ему крепкого здоровья, благополучия и новых творческих успехов!

IN MEMORIAM

Роланд Робертсон
(07.08.1938 – 29.04.2022)

29 апреля 2022 г. ушел из жизни всемирно известный социолог и теоретик глобализации, член международного редакционного совета журнала «Век глобализации» Роланд Робертсон. Его теоретические работы, а также активная научная и педагогическая деятельность снискали ему славу одного из наиболее авторитетных специалистов мира в области глобальных исследований.

Он читал лекции в Университете Абердина в Шотландии, был профессором социологии в Университете Питтсбурга, приглашенным профессором ряда университетов США, Китая и других стран.

Среди его работ широкую известность получили:

- The Sociological Interpretation of Religion. New York : Schocken Books, 1970. ISBN 9780805233476;
- Meaning and Change. New York : New York University Press, 1978. ISBN 9780814773741;
- Globalization: Social Theory and Global Culture. London : Sage Publications Ltd, 1992. ISBN 9780803981874;
- Global Modernities (ed. by Mike Featherstone, Scott Lash, and Roland Robertson). London : Sage Publications Ltd, 1995. ISBN 9780803979482.

Он вошел в историю глобалистики также как автор термина «глобализация», который впервые был предложен им в 1985 г. для обозначения «сжатия мира и усиления сознания мира в целом».

В 2010 г. Р. Робертсон посетил факультет глобальных процессов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, где принял участие в международном конгрессе и прочитал специальную лекцию для студентов и сотрудников факультета. До конца своей жизни он вел активную переписку и поддерживал творческие отношения с факультетом и его сотрудниками, публиковал свои работы в журнале «Век глобализации», был членом Экспертного совета русского и английского изданий энциклопедического справочника «Глобалистика. Персоналии, организации, труды» (2012, 2017).

Искренне скорбим о кончине выдающегося ученого и замечательного человека Роланда Робертсона.

Редколлегия и редсовет журнала «Век глобализации»

К сведению авторов

Направляемые в журнал статьи и материалы следует оформлять в соответствии с правилами, принятыми в журнале:

Объем рукописи статьи не должен превышать 1 а. л. вместе со сносками (или 40 тыс. знаков, включая пробелы), для раздела «Рецензии» – не более 0,4 п. л. (или 16 тыс. знаков, включая пробелы).

Материалы должны передаваться в редакцию в электронном виде (на электронном носителе или по электронной почте). Рукопись должна быть напечатана через 1,5 интервала (кегель 14); сноски подстрочные (кегель 8);

таблицы, схемы, графики, рисунки и др. иллюстрации должны быть даны отдельно, пронумерованы и озаглавлены. Следует учитывать, что графики и рисунки могут быть напечатаны только в черно-белом варианте;

ссылки на литературу даются в скобках, включая фамилию одного (первого) или двух авторов или, при отсутствии таковых, первое слово названия книги и год издания: [Селигман и др. 2009; Домострой... 2008]. При наличии прямой цитаты следует указать также страницу: [Ганнушкин 1964: 28]. Список использованной литературы приводится в конце статьи в алфавитном порядке и без нумерации в соответствии со следующими образцами:

В списке *Литература*: Кляйн Н. Доктрина шока. М. : Добрая книга, 2011.

В списке *References*: Klyain N. Doktrina shoka [The Shock Doctrine]. Moscow : Dobraya kniga, 2011.

В списке *Литература*: Лукьяненко В. И. Homo Consúmens – человек потребляющий // Век глобализации. 2009. № 2. С. 149–159.

В списке *References*: Lukyanenko V. I. Homo Consúmens – chelovek potreiblyayushchiy [Homo Consúmens – A Consuming Man] // Vek globalizatsii. 2009. No. 2. Pp. 149–159.

В списке *Литература*: Шишков Ю. В. Мировозьяйственный механизм: движение к глобализации // Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / под ред. И. С. Королева. М. : Экономистъ, 2003. С. 25–47.

В списке *References*: Shishkov Yu. V. Mirohozyaistvennyj mehanizm: dvizhenie k globalizatsii [TheWorld-Economic Mechanism: A Move to Globalization] // Mirovaya ekonomika: globalnye tendencii za 100 let [World Economy: Global Trends for the Century] / ed. by I. S. Korolyov. Moscow : Ekonomist, 2003. Pp. 25–47.

В списке *Литература*: Бек У. Космополитическое общество и его враги [Электронный ресурс] : Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 1. URL: <http://www.jourssa.ru/2003/1/2aBek.pdf> (дата обращения: 14.03.2011).

В списке *References*: Beck U. Kosmopoliticheskoe obschestvo i ego vragi [Cosmopolitical State and its Enemies] : Jurnal sotsiologhii i sotsialnoy antropologhii. 2003. Vol. VI. No. 1. URL: <http://www.jourssa.ru/2003/1/2aBek.pdf> (accessed: 14.03.2011).

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции.

К рукописи прилагаются:

резюме статьи (желательный объем 6–12 строк), ключевые слова к ней и авторская справка на русском и английском языках, а также данные для связи с автором: адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

«Век глобализации».

3(43), 2022. – 144 с.

Ответственная за выпуск *Е. А. Никифорова*

Корректор *О. В. Шевцова*

Верстка *О. И. Вереницыной, М. И. Кухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–27365 от 05 марта 2007 г. выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия

Цена свободная.

© ООО «Издательство «Учитель»

400059, г. Волгоград, а/я 114.

Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.

E-mail: peruch@mail.ru

Подписано в печать 16.09.2022. Дата выхода: 30.09.2022

Формат 70×100/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,61.

Тираж 1000 экз.

Диaposитивы предоставлены издательством.

Отпечатано в АО «Т8 Издательские Технологии»

109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корпус 5

Заказ № 184151.